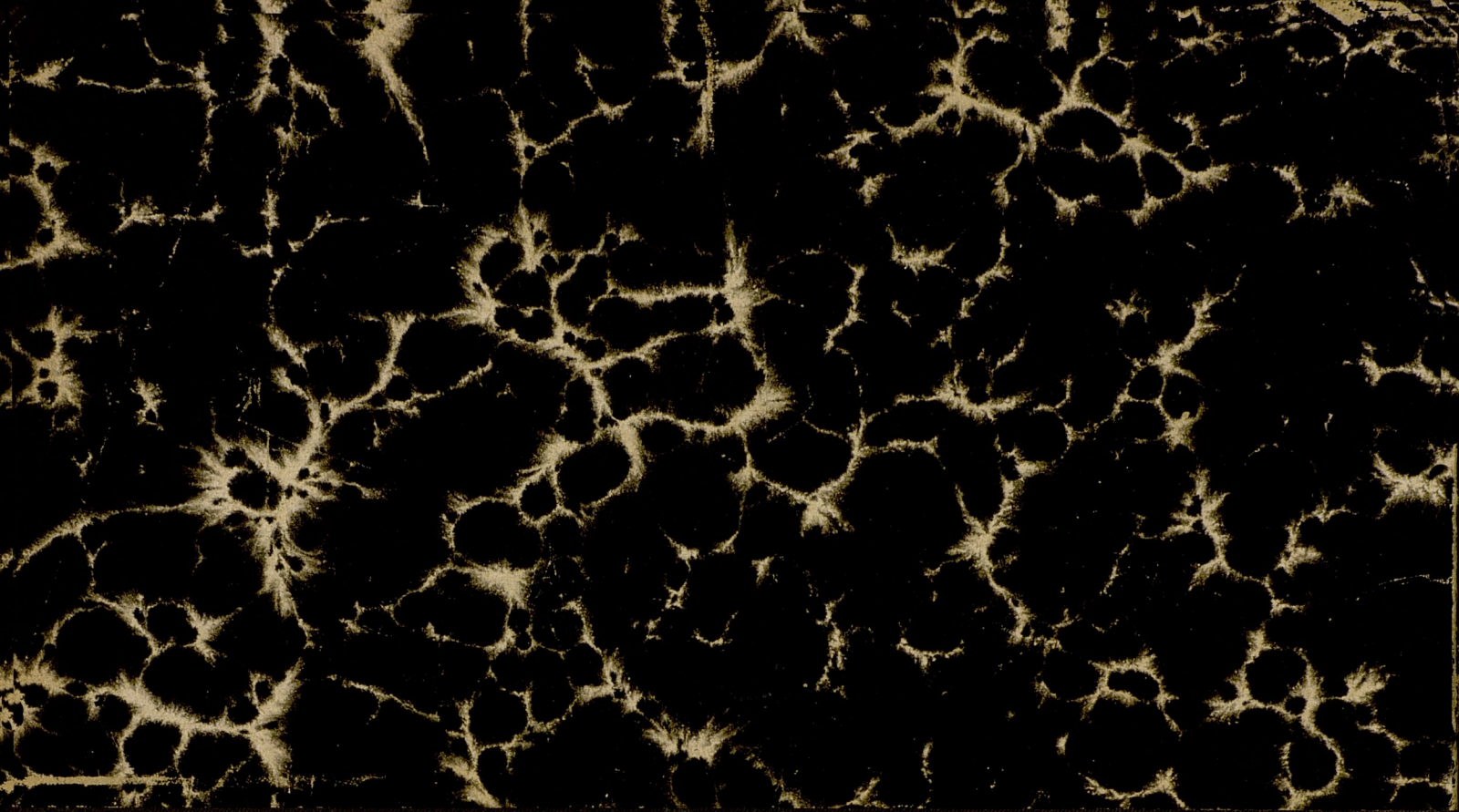
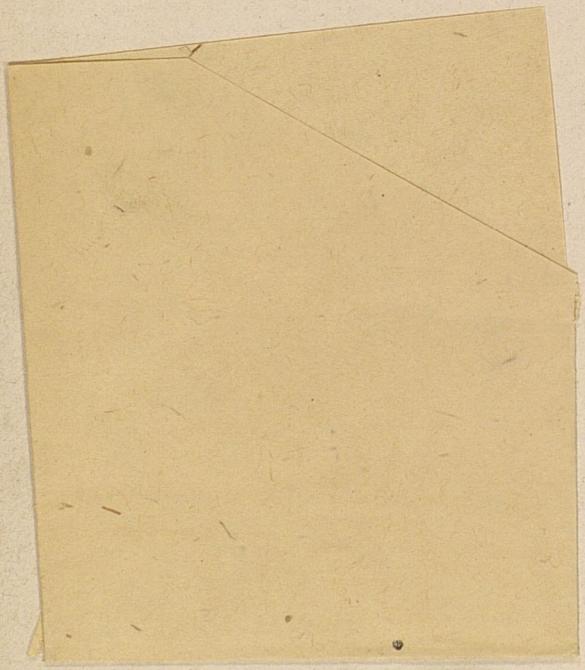


зала № 38.
шкафъ 77.
полка 5.
№ 102.

Проверено 1950



38.77.5.102

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ

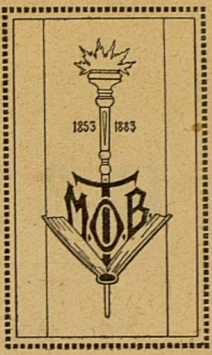
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Изданіе второе

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостиный Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1910

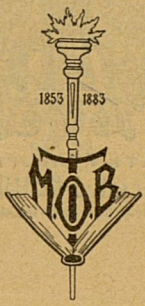

1853
1883
M.O.B.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Изданіе второе

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
МОСКВА
Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М-О-ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС · ОСТР · 16 ЛИНІЯ СОБ · ДОМЪ

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ

«Жаловати есьмы своихъ холопей вольны, а и казнити вольны ихъ есьмы».
Подлинныя слова Іоанна Грознаго.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Страшная година выдалась на землѣ русской...

Царь всея Россіи Иванъ Васильевичъ, разгнѣванный на крамолы боярскія, рѣшилъ оставить землю московскую и искать пристанища въ чуждой Нѣметчинѣ...

Въ концѣ 1564 года собралъ царь дворянъ, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и тронулся съ ними изъ Москвы по направленію села Коломенскаго.

Потянулся на нѣсколько верстъ пышный поѣздъ царскій. Скрипѣли по рыхлому снѣгу полозья пошевень [1]), скакали стрѣльцы, съ гиканьемъ и посвистомъ, разгоняя народъ; тянулись телѣги обоза съ разною кладью и казною царской, съ утварью и одежами дорогими, въ большихъ укладкахъ [2]) схороненныхъ.

И дивился диву народъ: куда-де царь батюшка путь держитъ?

Сказано было и чернымъ [3]) людямъ и гостямъ московскимъ и самимъ боярамъ, виновникамъ отъѣзда царева, что больно недуженъ царь и что ѣдетъ онъ съ царицей молодой Маріей Темгрюковной и обоими царевичами да царевной по-

---

[1]) Саней.
[2]) Сундукахъ.
[3]) Простому народу.

клониться святынямъ Троицкимъ... И раньше „объѣзжалъ„ государь монастыри православные, но не бралъ съ собою столько клади и челяди, не бралъ казны и дѣтей боярскихъ съ ихъ чадами и домочадцами.

Ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Москвы царя, 3-го января 1565 года разсѣялось недоумѣніе народное. Прискакалъ дьякъ государевъ Константинъ Поливановъ съ двумя грамотами отъ батюшки-царя, остановившагося въ селѣ Александровскомъ, находившемся отъ Москвы въ 80-ти верстахъ.

Въ одной грамотѣ на имя Московскаго владыки митрополита Афанасія говорилось, что дюже гнѣвенъ царь на архіепископовъ, епископовъ, на бояръ, окольничьихъ и думу боярскую, отъ которыхъ до сей поры, во все свое царствованіе, однѣ, почитай, крамолы да измѣны зрилъ.

Кончалась грамота такъ: „Царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ Богъ наставитъ“.

Въ другой грамотѣ, присланной царемъ народу московскому, было сказано, что на народъ свой царь опалы не кладетъ и не гнѣвается.

Воплемъ и стенаніемъ наполнилась столица московская... Горько рыдалъ, покинутый царемъ, русскій народъ... Въ отчаяніи бросился онъ къ митрополиту съ просьбой умолить царя не покидать родной земли: пусть-де государь не оставляетъ Руси... Пусть казнитъ злодѣевъ своихъ. Его царская воля.

Наскоро было составлено посольство, состоящее изъ духовенства, въ числѣ котораго были и новгородскій архіепископъ Пименъ, и чудовскій архимандритъ Левкій; кромѣ того отправились къ царю князья-бояре: Иванъ Ѳеодоровичъ Мстиславскій да Бѣльскій князь, Иванъ Дмитріевичъ.

Крѣпко молили они царя не покидать земли русской. Воплемъ да рыданіемъ челобитье свое скрѣпляли.

Выслушалъ царь пословъ и смягчился душою, умилостивился; обѣщалъ остаться на Руси съ тѣмъ, чтобы не мѣшали ему карать измѣнниковъ и ввести новые порядки въ землѣ русской, согласно его, цареву, усмотрѣнію.

Вернулось успокоенное посольство въ Москву, а вслѣдъ за нимъ прискакалъ новый гонецъ съ новой царской грамотой, въ которой выставлены были условія царскаго возвращенія.

Тяжелы были эти условія, но еще тяжеле было-бы лишиться царя землѣ русской, и охотно согласился на нихъ измученный, перепуганный на-смерть поступкомъ царя, народъ.

Прежде всего набралъ царь особую стражу тѣлохранителей изъ дѣтей боярскихъ самаго незнатнаго рода, но отличавшихся храбростью и удалью. Эти люди, называемые опричниками (отъ слова опричь, т.-е. кромѣ, такъ какъ кромѣ царя ничего не знали), и составили новый дворъ Ивана Васильевича, поселившагося отнынѣ въ Александровской слободѣ.

Имъ даны были песьи головы да метлы въ знакъ того, что они должны выметать измѣну на Руси и грызть враговъ царскихъ. Число ихъ доходило въ началѣ до 1000, а потомъ достигло и 6000.

Страшную клятву давали они передъ поступленіемъ въ число царскихъ тѣлохранителей: не щадить ни жены, ни дѣтей, ни отца, ни матери, ради спокойствія государева.

На содержаніе своего новаго двора царь назначилъ особые города и волости: Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Суздаль, Галичъ, Вологду и др. Въ самой Москвѣ отдалъ нѣкоторыя улицы въ распоряженіе опричины (Чертольскую, Арбатъ, Сивцевъ Вражекъ, часть Никитской и др.).

Все же остальное государство составляло земщину. Царь поручилъ его боярской думѣ, во главѣ съ князьями Бѣльскимъ и Мстиславскимъ.

Кромѣ того царь велѣлъ выстроить себѣ новый дворецъ за Неглинной, между Арбатской и Никитской улицей, гдѣ и останавливался во время своихъ наѣздовъ въ Москву изъ Александровской слободы.

Большой же Кремлевскій дворецъ оживлялся теперь лишь во время пріемовъ посольскихъ, либо при особо-важномъ рѣшеніи думы царской, собиравшейся въ такихъ случаяхъ ради большей торжественности въ Большой Грановитой палатѣ.

Какъ только покончилъ царь Иванъ Васильевичъ съ новымъ устройствомъ, начались розыски и казни боярскія. Казнили крамольниковъ, а съ ними казнили и невинныхъ, взятыхъ по одному пустому подозрѣнію. Полилась рѣкой кровь православная! Задрожала святая Русь, припомнивъ во-очію времена татаръ и нашествія Батыева.

Тысячами гибли люди въ застѣнкахъ, пытаемые и заму-

чиваемые до полусмерти; тысячами умирали они на плахахъ и висѣлицахъ по одному навѣту царскихъ наушниковъ.

„Опричники, забравшіе въ свои руки власть, не упускали случая обогащаться на счетъ родовитыхъ бояръ земскихъ. Зная немилостивое отношеніе Ивана къ послѣднимъ, они обличали несчастныхъ, подводили ихъ подъ топоръ и висѣлицу, а имѣнье ихъ разоряли, забирая все цѣнное въ свои руки. Гибли и правые и виновные—отцы, мужья и братья, а жены и дочери, и сестры казненныхъ отдавались царемъ на потѣху крѣпшниковъ [1]).

На дыбахъ и висѣлицахъ, въ застѣнкахъ тюремъ звучалъ плачъ, ласкающій слухъ ожесточеннаго государя...

„Плакала Русь кровавыми слезами“, — говоритъ лѣтописецъ. Но не слышалъ, казалось, Иванъ Васильевичъ этого плача русскаго...

Слишкомъ ужь много горя принесли ему бояре-крамольники въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, въ самомъ юномъ отрочествѣ и младости, чтобы могъ приклониться къ ихъ плачу милостивымъ ухомъ Иванъ. Только когда слишкомъ громокъ и страшенъ былъ этотъ плачъ, слишкомъ явственно долетали до царя скрежетъ зубовъ и стоны страдальцевъ, бросался царь въ безумныя оргіи, тѣшился дикими забавами и разнузданнымъ развратомъ, часто заканчивающимися новыми потоками крови человѣческой.

Хотѣлъ виномъ и сладострастнымъ разгуломъ утишить царь голосъ совѣсти, поднимающійся со дна его души въ защиту невинно-убіенныхъ.

Тяжелое время переживала Русь... Казалось, Самъ Господь за грѣхи народа православнаго посѣтилъ Своей карой небесною великое московское царство...

---

[1]) Такъ называли москвичи опричниковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ Слободѣ.

Прошло три года...

Свѣтлая іюльская ночь стоитъ надъ селомъ Александровскимъ или Слободою, какъ его издавна называли современники. Круглый, полноликій мѣсяцъ льетъ потоки свѣта на слободскіе дома и улицы; свѣтозарными бликами играетъ онъ на разноцвѣтныхъ изразцахъ-кирпичикахъ теремныхъ башенекъ причудливо-хитро размалеваннаго царскаго дворца. И ни одинъ то кирпичикъ, ни одинъ столбикъ не похожъ на другой по замыслу рисунка и красокъ. И сіяютъ, и отливаются эти яркіе разноцвѣтные столбики и плиты на подобіе многоцвѣтной радуги въ лучахъ золотого мѣсяца. Серебряною чешуею крыты черепицы кровель теремныхъ и дивно сверкаютъ онѣ въ этомъ ночномъ освѣщеніи.

Играютъ лучи мѣсяца и на куполѣ слободскаго храма, во имя Покрова Богородицы, заложеннаго еще великимъ княземъ Василіемъ въ бытность его здѣсь съ супругою Соломонидой, впослѣдствіи насильно постриженною инокинею.

Ударяютъ лучи и въ высокую звонницу [1]) и горитъ она своимъ мѣднымъ куполомъ, словно громадная жаръ-птица въ мѣсячномъ сіяніи... Играютъ лучи и на потемнѣвшей поверхности извилистой рѣчки Сѣрой, прорѣзывающей слободу, и на двухъ прудахъ, находящихся по ту сторону высокаго за-

[1]) Колокольня.

мета [1]) и крѣпкой стѣны каменной, окружающихъ фантастическое зданіе царскихъ палатъ.

Страшны эти пруды однимъ своимъ видомъ для слобожанъ: много труповъ крамольниковъ, а наравнѣ съ ними и невинныхъ мучениковъ, брошены туда на съѣденіе рыбамъ и ракамъ.

Освѣщаютъ серебряные лучи и страшныя висѣлицы, поставленныя на площади дворцовой, прямо передъ самымъ крыльцомъ царскимъ, и черный срубъ плахи, съ заготовленнымъ на немъ топорикомъ, отточеннымъ „случая ради“. Скрипятъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра высокія висѣлицы своими черными перекладинами, а надъ ними носится стая голодныхъ вороновъ, чующихъ скорую добычу.

Спитъ Слобода, новая резиденція царева... крѣпко спитъ... Не видно прохожихъ ни на теремной площади, ни на торговомъ крестцѣ [2]), примыкающемъ къ заднему фасаду государевыхъ палатъ. У высокой стѣны и замета ходятъ часовые воротники [3]) и изрѣдка прорѣзываетъ тишину ихъ гулкій окрикъ: „Кто идетъ?“

И снова все тихо, тихо, какъ въ могилѣ...

Въ десять часовъ все уже смолкаетъ въ Слободѣ... спятъ удалые опричники, спятъ молодые и старые, зная, что какъ ни крѣпокъ ихъ сонъ, а на зарѣ утренней разбудитъ ихъ гулкій ударъ церковнаго колокола, призывающаго въ храмъ. И бѣда ослушнику, пренебрегшему церковнымъ моленіемъ. Одинаково усерденъ какъ въ лютыхъ казняхъ, такъ и въ молитвахъ покаянныхъ великій царь. Подвергаетъ онъ нерадивыхъ молельщиковъ осьмидневному заключенію на хлѣбъ и на воду. А кто и второй разъ опростоволосится, того, заподозривъ въ ереси и чернокнижіи, и много почувствительнѣе накажетъ царь.

Но не всѣ спятъ по своимъ домамъ слобожане. Двое молодыхъ мужчинъ, почти юношей, тихонько пробираются вдоль замета къ главной заставѣ дворцовой ограды. Одѣты оба въ дорогіе кафтаны, отороченные соболемъ и шитые золотымъ шитьемъ по рукавамъ и поламъ, опоясанные серебряными поясами заморской чеканки. У поясовъ бряцаетъ драгоцѣнное ору-

---

1) Валъ со рвомъ.
2) Торговые ряды.
3) Сторожа, привратники.

жіе—ножъ да бердышъ [1]), выложенные золотомъ съ чернью. На головахъ ихъ надѣты низенькія шапки-мурмолки съ перьями залихватскими, на ногахъ сапоги сафьяновые, нѣмецкой кожи, серебряными подковами подбитые.

Старшій изъ юношей, красивый, коренастый, широкоплечій, представлялъ изъ себя тотъ завидный типъ русскаго богатыря-красавца, который снится не однажды въ сладкихъ грезахъ русскимъ краснымъ дѣвицамъ да московскимъ молодицамъ: взоръ соколиный, грудь и плечи косая сажень, кудри шелковые, уста медвяныя, да бородка курчавится себѣ на утѣху, дѣвкамъ на радость.

Спутникъ его и ростомъ поменѣ будетъ и изъ себя потщедушнѣе, и лицо его словно бы не мужское, а женоподобное. Глаза кроткою печалью да ласкою свѣтятся, на плотно сомкнутыхъ устахъ чуть примѣтная для взора, невеселая усмѣшка играетъ. Блѣдныя щеки чуть прикрыты первымъ пухомъ юности. Но что-то добродушное, почти дѣтское, хотя и печальное свѣтится въ этихъ кроткихъ очахъ, въ этомъ юномъ лицѣ пригожемъ...

Въ то время какъ юноши успѣли приблизиться къ заметy и каменной оградѣ, ихъ громко окликнулъ голосъ стражника:

— Кто идетъ?

— Съ царскаго обхода охранники государевы, аль не узналъ, друже? — прозвучалъ въ отвѣтъ голосъ младшаго прохожаго.

— Ты, Максимъ Григорьевичъ? Не призналъ. Вишь, мѣсяцъ за тучку схоронился, не обезсудь, боярин! — И голосъ стражника, рѣзкій и грубый при окликѣ, неожиданно зазвучалъ ласковыми, заискивающими нотами.

Поднялась и снова опустилась за пришельцами тяжелая застава. Заскрипѣли желѣзныя ворота и снова закрылись, пропустивъ обоихъ юношей во внутрь государева двора.

Они миновали площадь со срубами и висѣлицею, и красное крыльцо, и брусяную [2]) избу, и терема царицины, и стольню [3]) государеву и, повернувъ за уголъ, уперлись въ крыльцо обширной избы, находящейся рядомъ съ главнымъ зданіемъ „пытомаго“ отдѣленія или „застѣнка“ теремнаго.

---

1) Топорикъ.
2) Пріемная изба.
3) Столовая.

Оба юноши поднялись по ступенькамъ, вошли въ прохладныя сѣнцы и очутились въ небольшой, но уютной горницѣ.

Ихъ очевидно ждали. На столѣ, укрытомъ расписною скатертью, стояло блюдо съ курникомъ и жареною утицей, приправленною черносливомъ. Тутъ-же помѣщались и увѣсистые ковши съ олуемъ [1]) и брагою и бутылка искристаго фряжскаго [2]) вина.

Два шандала литой мѣди, со вставленными въ нихъ сальными свѣчами, скупо освѣщали столъ и горницу, и лавки постѣнныя, крытыя суконными полавошниками [3]), и небольшое скромное ложе въ углу, подъ самою божницею, слегка задернутой убрусцемъ [4]).

Младшій юноша поспѣшно сбросилъ съ плечъ кафтанъ и остался въ одной рубашкѣ изъ алаго шамаханскаго шелка. Онъ оглянулъ ласковымъ взоромъ горницу и тихо произнесъ съ нѣжной усмѣшкой:

— Все матушка... Не пойдетъ ко сну допрежъ того, штобъ обо мнѣ не позаботиться... И браги, и ѣды, всего понаставила. Садись, Истома Никитичъ, гостемъ будешь...

— Да поздно, друже...—нерѣшительно отозвался тотъ.

— Ништо... Намъ ни впервой полунощнить... Дѣло государево сдѣлали, можно и отдохнуть, я чаю... Слыхалъ ты, какъ меня стражникъ величалъ намедни? Бояриномъ, слышь!.. и не брехомъ назвалъ, а съ умысломъ... Лестно сыну Скураты-Бѣльскаго угодить подлымъ людишкамъ. Я чаю, батюшка, какъ услыхалъ бы то, до небесъ подпрыгнулъ... Казной бы не поскупился, озолотилъ бы ретиваго воротника. Ему, почитай, днемъ и ночью боярская шапка грезится. То окольничьимъ, то оружничьимъ царскимъ мнитъ себя! Да куды ужь! Намедни просилъ царя, а осударь, вѣдаешь, что отцу отвѣтствовалъ?

— Не вѣдаю,— отозвался тотъ, кого звали Истомой Никитичемъ, прихлебывая изъ ковша пѣнистую брагу.

— А то и отвѣтствовалъ, што не гоже приспѣшнику-палачу наравнѣ съ именитыми боярами русскими стоять. Соба-

---

[1]) Пиво.
[2]) Виноградное вино.
[3]) Покрышка на лавки.
[4]) Занавѣска на кіотахъ.

кой при томъ обозвалъ и отпустилъ ни съ чѣмъ. Дюже гнѣвенъ вернулся тогда отъ царя батюшка... Весь боярскій родъ уничтожить грозился... А чья вина, на себя пѣняй: душегубствомъ да наушничествомъ не дойти до чина боярскаго.

При послѣднихъ словахъ глаза юноши утеряли свой кроткій взоръ и горѣли теперь словно уголья. Голосъ окрѣпъ отъ гнѣва... Кудри, разбросанные вкругъ чела, красиво обрамляли пушистыми прядями лицо его... Онъ былъ чудно прекраснъ въ эту минуту глубокаго волненія.

— Полно, Максимъ Григорьевичъ! не растравляй сердца зря!—невольно любуясь пріятелемъ, произнесъ Истома Никитичъ,—для иного прочаго побереги его!

— Не на што беречь, Истомушка! Не для дѣвокъ же красныхъ беречь ретивое. Не про меня это писано... Въ другой разъ и сунулся-бы, да какъ попамятую, что сынъ я подлаго ката [1]) россійскаго, душегубца, мучителя, такъ меня индо и отброситъ въ сторону. Кто изъ дѣвокъ, скажи, пожелаетъ породниться съ Малютою? Его сыну Максимкѣ женою стать?

— Окстись, Максимъ! Нешто такъ можно, — остановилъ его Истома,—въ заповѣдяхъ сказано: чти отца твоего и матерь твою...

— Я и чту матушку, родимую мою! Видитъ Богъ, чту!— произнесъ пылко молодой Скуратовъ,—да пойми ты, друже, что отцомъ то я палача признать не могу! Уйду я, Истома, видитъ Богъ, уйду отселева!

— Што-жъ такъ?

— Не вмоготу, друже, терпѣть мнѣ это лихо стало! Кабы не матушка, да не Русь святая, убѣгомъ убѣгъ къ султану турскому, али къ Жигимонту ляхскому, какъ Курбскій князь.

— Окстись!.. што ты! непристойно говоришь!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ остановилъ его Истома Никитичъ.

Горько усмѣхнулся Максимъ... Кивнулъ головой другу.

— Не тревожься, не буду я перебѣжчикомъ. Хоша и сынъ я Малюты, а совѣсть во мнѣ есть... А вотъ што отселева уйду и вскорости, такъ это вѣрно. Ты, чаю, замѣтилъ, какъ мы обходъ по царскому наказу сегодня дѣлали, въ го-

---

[1]) Палача.

стиной избѣ на торжищѣ мниха-чернеца примѣтилъ?.. Этотъ мнихъ съ поборами сюда изъ Новогорода пришелъ, дюже хвалилъ обители тамошнія... Слушай, друже, не вмоготу мнѣ стало видѣть кровь невинную, коя кругомъ насъ льется...

— Льется кровь крамольниковъ, — сурово остановилъ Истома рѣчь пріятеля.

— Не все крамольники: и зря убіенныхъ посчитать, такъ не мало начтешь... Что Александра князь Горбатый, Шуйскій съ сыномъ то-жъ мятежники? Аль князь Шевыревъ мученикъ, а окольничій Головинъ? А по грамотамъ подметнымъ, што отъ круля яко-бы подосланы, о коихъ розыскъ чинился кровавый, мало што-ль къ винѣ непричинныхъ нашлось? Князь Куракинъ-Булгаковъ, Пронскій боярин, Козаринъ, Дубровскій, а Ростовскій князь воевода... Сколько годовъ служилъ вѣрой и правдой царю, а што себѣ уготовилъ! Въ омутѣ могилу нашелъ...

— Воля государева, — тихо и сурово произнесъ Истома.

— Воля государева, говоришь ты! Полно, друже, воля палачей, приспѣшниковъ царскихъ... Царь справедливъ и милостивъ допрежъ сего былъ, вонъ старые люди гуторятъ [1]). А какъ приблизилъ къ себѣ шакаловъ-кровопійцъ, въ родѣ осударя-батюшки, такъ совсѣмъ на иной ладъ пошло...

— Не наше дѣло! — произнесъ уклончиво Истома. — Велятъ старшіе — рубишь, не велятъ — милуешь! На томъ и крестъ цѣловали.

— Да и я цѣловалъ... Не по волѣ только...

И говоря это, вспыхнулъ по самыя очи Максимъ, точно что соромное [2]) вспомнилъ.

Вспомнилъ молодой опричникъ, какъ два мѣсяца тому назадъ, послѣ долгихъ пререканій и споровъ, происходившихъ между нимъ и отцомъ, изъ-за нежеланія Максима вступить въ опричину, вошелъ къ нему въ горницу отецъ и, нахмурившись, наказалъ Максиму либо крестъ цѣловать на вѣрность государевой службы опричной, либо изъ слободы вонъ убираться.

— Потому не пригодно мнѣ изъ-за пащенка постылаго подъ гнѣвъ царскій подпадать, — крикнулъ тогда Малюта.—

---

[1]) Говорятъ.
[2]) Безстыдное.

Враги не дремлютъ твое упорство видя, и меня подъ висѣлицу подведутъ! А посему либо крестъ цѣлуй, либо изъ слободы уноси ноги!

Шибко забилось тогда сердце Максима. Долго колебался юноша. Противенъ ему былъ весь строй, всѣ порядки опричины. Возмущалась противу нихъ его чистая, благородная душа... да уйти-то ему нельзя отселева... Крѣпко привязали его къ слободѣ Неволѣ [1]) кроткія очи сѣрыя, да тихій голосъ ласковой души красной дѣвицы. И не выдержалъ Максимъ, остался. И глянуть онъ не смѣетъ на любу свою, высоко стоитъ надъ нимъ его избранница. Не простого роду она, а такого, что и подумать о ней страшно доброму молодцу...

А все же мечтать о ней да видѣть ее изрѣдка не возбраняется юношѣ... Только бы видѣть, а о большемъ онъ и мечтать не смѣетъ... И ради сѣрыхъ очей кроткихъ дѣвичьихъ, ради мечты своей радостной, остался Максимъ Григорьевичъ въ слободѣ, записался въ опричину.

„Не всѣ же охальники и кромѣшники они; есть промежъ ихъ и добрые люди, вотъ хоть-бы Истома Никитичъ Качаловъ“,—утѣшалъ себя Максимъ, цѣлуя крестъ на вѣрную службу въ опричинѣ царской. Вспомнилось теперь все это юношѣ и стыдно стало передъ пріятелемъ.

А Истома Никитичъ будто и не замѣчаетъ Максимова смущенія.

Время близилось къ полуночи, когда, осушивъ послѣдній ковшъ, истово перекрестился Истома Никитичъ на божницу и сталъ прощаться съ товарищемъ.

— До завтрава, а теперь по домамъ!

— До завтрава! — уныло произнесъ Максимъ и вдругъ, скользнувъ по рослой, богатырской фигурѣ Качалова, какъ-бы вспомнилъ что-то. — Ты насчетъ Марьи больно не заботься, сказалъ, не изсохнетъ. Не таковая. Дюже озориста дѣвка... Да отлынетъ... Увидитъ, что зря опаляться не къ чему... Тоже вѣдь вѣковушами не любо сидѣть. А кто на дочекъ Малюты позарится!—съ тою же горькою обычною своей усмѣшкой произнесъ Максимъ, и потомъ вдругъ разомъ лицо его приняло ласковое выраженіе и онъ произнесъ съ милой улыбкой, ярко отличающей его кроткую красоту:—Вѣстимо, не

---

[1]) Слободу Александровскую называли «Неволей»

зря ты къ ней не мирволишь, и у тебя, друже, видно есть зацѣпа сердешная, только хоронишься отъ меня, съ чего, не вѣдаю!

Ничего не отвѣтилъ Истома товарищу, только кудрями тряхнулъ, да обнявъ Максима не спѣша вышелъ изъ горенки

ГЛАВА II.

Подъ покровомъ ночи.

Ночь попрежнему стояла надъ слободою...

Попрежнему освѣщалъ мѣсяцъ слободскія строенія... но на душѣ Истомы было ужь не такъ легко, какъ прежде, когда онъ возвращался съ ночного обхода съ Максимомъ Скуратой-Бѣльскимъ. Отгадалъ да не совсѣмъ Максимъ: была и у Истомы когда-то зацѣпа сердешная... Годовъ съ пять тому назадъ жилъ онъ въ Старицѣ съ отцомъ и матерью. Отецъ имѣлъ свою небольшую вотчину и состоялъ въ ротныхъ начальныхъ людяхъ при князѣ старицкомъ Володимірѣ Андреевичѣ, двоюродномъ братѣ государя. Но не ладно жили Иванъ со Владиміромъ. Не могъ забыть царь своему брату двоюродному, что тотъ не хотѣлъ давать крестнаго цѣлованія младенцу царевичу Дмитрію, когда Иванъ Васильевичъ лежалъ поверженный злымъ недугомъ. „Не присягну братьямъ Захарьинымъ, — говорилъ тогда гордый князь, — ни младенецъ царственный, ни мать-царица будетъ править государствомъ, а они...“

Но сила царская сломила волю княжескую. Не по своей охотѣ, а все-же присягнулъ Владиміръ. Не по доброй волѣ далъ крестное цѣлованіе князь. Съ той поры и пошла у нихъ распря съ Иваномъ. Въ 1554 году, послѣ рожденія второго сына царя, снова приказалъ царь князю Владиміру подтвердить присягу, а третьей записью [1]) обязалъ брата государь

---

[1]) Давались письменные документы, кромѣ цѣлованія, подтверждающіе вѣрность приводимаго къ присягѣ.

не держать въ Москвѣ болѣе 108 человѣкъ челяди, а еще черезъ девять лѣтъ всѣ лучшіе бояре были перемѣнены у князя Владиміра и самые удѣлы его Старица и Верея отобраны царемъ и даны взамѣнъ ихъ князю Дмитровъ, Тверь и Звенигородъ. Всѣхъ бояръ, всю челядь княжескую взялъ себѣ Иванъ, давъ Владиміру Андреевичу взамѣнъ ея другихъ людей изъ холопей своихъ. Только кой-кто изъ приближенныхъ боярынь да сѣнныхъ дѣвушекъ остались у княгини Евдокіи Романовны Одоевской, второй супруги князя.

Никита Ивановичъ Качаловъ попалъ вмѣстѣ съ молодымъ своимъ сыномъ Истомой въ эту смѣну. Взялъ и его вмѣстѣ съ прочими Иванъ Васильевичъ и на „обмѣнъ“ далъ князю кого-то изъ своихъ бояръ. Но привыкъ Никита Ивановичъ къ обществу своего князя любимаго и начальника въ ляшскихъ, огорянскихъ и другихъ походахъ. И крѣпко затосковалъ Никита Ивановичъ въ дружинѣ царской... Къ тому же время мирное подоспѣло, а тутъ еще возникла опричина. И вовсе закручинился боринъ... Чтобы развѣять тоску, запросился онъ у царя противу хана крымскаго, который нѣтъ-нѣтъ, да и дѣлалъ свои набѣги на русскія окраины. Пошелъ и не вернулся изъ похода бояринъ. А юный сынъ его Истома остался круглымъ сиротою и былъ зачисленъ, по особой милости царской, въ число опричины.

Унаслѣдовалъ Истома отъ отца и храбрость, и отвагу, и любовь къ царю и родинѣ. Всю свою силу, всю жизнь свою готовъ былъ отдать молодой Истома за царя! И цѣнилъ государь молодого опричника. Какъ въ особую милость, отдалъ онъ его подъ начало любимому своему оружничьему, князю Афанасію Ивановичу Вяземскому.

Служитъ вѣрой и правдой царю Истома, бояръ крамольниковъ истребляетъ по царскому указу; не дрогнетъ его рука, когда онъ вмѣстѣ съ товарищами-опричниками разоряетъ гнѣзда измѣнниковъ. Твердо вѣритъ Истома—правъ государь. Нѣтъ ему покоя на свѣтѣ отъ крамолы боярской! И воленъ онъ, батюшка, съ корнемъ вырвать измѣну лютую изъ Руси святой... Одно не любо Истомѣ: грабежъ да насилье. Много разъ отговаривалъ онъ товарищей, много разъ грозился даже, но дюже ретивы царскіе тѣлохранители въ дѣлѣ грабежа и разгула. И видя свое безсиліе, махнулъ рукой Истома и только уходилъ подальше отъ нихъ, когда они, съ гиканьемъ и кри-

ками на манеръ разбойничьихъ, бросались опустошать вотчины опальныхъ и казненныхъ бояръ. Отворачивался онъ съ ужасомъ, содроганіемъ и отъ картины пытокъ, которыми такъ любилъ услаждать свои взоры великій царь земли русской.

Но и тутъ оправдывалъ царя Истома: недуженъ-де царь, а вокругъ его охальные наушники... доносятъ, раздуваютъ вины боярскія, ну и опаляется батюшка... И то сказать — великъ грѣхъ измѣна государю и святой Руси.

А между тѣмъ, что-то иное говорило, въ самой глубинѣ своей, сердце юноши...

Особливо за послѣднее время, когда ему подружиться довелось съ молодымъ Скуратой-Бѣльскимъ. И не дальше, какъ сегодня, напомнилъ ему Максимъ о неправотѣ и жестокости царевой. Но и тутъ подыскалъ вѣрный Качаловъ оправданіе вѣнценосному мучителю: недуженъ-де царь... За поступки свои не отвѣтственъ.

Не по волѣ своей поступилъ и Истома въ опричину царскую. Выбралъ его Иванъ въ числѣ прочихъ за удаль молодецкую, за заслуги отца, за взоръ соколиный, безстрашный...

Выбралъ самъ царь, а отецъ передъ походомъ, точно чуя, что не вернется, сказалъ Истомѣ:

— Вѣрой и правдой служи царю. Помни, что руками царскими правитъ Богъ.

Не чуялъ, видно, бояринъ, привыкшій къ честному дѣлу ратному, всю жизнь проведшій въ рядахъ ратниковъ, что не всегда правитъ Господь дѣлами Своихъ помазанниковъ.

Не чуялъ старикъ. А сынъ, обожавшій царя со всѣмъ пыломъ молодости, и того меньше чуялъ въ то время. Сталъ Истома въ ряды опричниковъ, готовъ жизнь свою отдать по первому слову царскому, но не разъ находитъ грусть-тоска на молодого сподручнаго оружничьяго князя Вяземскаго.

Вспоминается порой Истомѣ тихая Старица, зеленый садъ и рѣчи дѣвичьи сердечныя... Молода была боярышня Незнамова, а хороша, какъ Божій день. Съ дѣтства зналъ ее Истома, вмѣстѣ съ ней не разъ игрывалъ въ отрочествѣ. Веселымъ ребенкомъ росла хорошенькая Любаша въ домѣ старицкаго князя Владиміра. Замѣсто родной дочери была взята Любаша, оставшись круглой сиротой, въ домъ князя.

Не зря взялъ ее къ себѣ князь Владиміръ. Въ 1552 году насильно приведенный къ присягѣ Владиміръ Андреевичъ ли-

шился своей малолѣтней дочери княжны Евфиміи, отобранной въ качествѣ какъ-бы заложницы въ царскія палаты Ивана.

А тутъ скончался его другъ боярин Незнамовъ и поручилъ ему дочь свою Любашу на смертномъ одрѣ. Взялъ ее Владиміръ Андреевичъ. Воспиталъ при себѣ, а какъ отобрана была отъ него и вторая дочь Марѳуша-крошка и отошла въ вѣчность первая супруга князя, тосковавшая по дочерямъ, князь еще больше привязался къ маленькой Любашѣ Незнамовой.

Черезъ нѣсколько лѣтъ женился снова Владиміръ Андреевичъ и новая молодая супруга его крѣпко полюбила Любашу. Помнитъ Истома тихую ласковую боярыню, покровительствующую ихъ зарождающейся любви. Помнитъ Истома веселые часы, помнитъ дѣтскія рѣчи и ласки Любаши. Не чаялъ Истома, что любовь эта такъ скоро прикончится... Горько плакала Любаша, когда молодой Качаловъ уѣзжалъ изъ Старицы въ Москву; и она вмѣстѣ съ княжьей семьей въ новый удѣлъ Владиміровъ, Тверь, собиралась.

— Не забуду тебя,—лепетала, глядя ему въ очи, подростокъ-дѣвушка, — вѣкъ не забуду... хошь ты не токма на Москву, а и въ Соловки уѣдешь...

— А полюбишь меня, какъ выростешь? — шутливо спрашивалъ Истома.

— Ну, вотъ еще, я и теперь большая... и теперь люблю тебя.

— А замужъ пойдешь за меня?

— Въ омутъ за тебя кинусь, не токмо што! — пылко отвѣчала боярышня, мало еще сознавая за юностью своей всю важность своего обѣщанія.

— Ну, въ омутъ, не въ омутъ,—улыбнулся тогда Истома,— а гляди, боярышня, послужу, огляжусь на службѣ царевой, а тамъ, годковъ черезъ пять, и сватовъ зашлю.

— Не запамятуешь, молодецъ?—лукаво сощурясь, смѣялась дѣвочка.

— Запамятовать — голову потерять, а я чаю голова у меня на мѣстѣ. Какъ мыслишь о томъ, боярышня?—говорилъ со смѣхомъ Истома, а самъ въ это время думалъ:

„Даромъ, что молода, что ребенокъ еще по пятнадцатому году, а хороша-то! Хороша, словно вишенка, словно яблочко наливное изъ садовъ райскихъ!“

Простился онъ тогда съ Любашей и увезъ съ собой сердечную тревогу-любовь на службу царю.

Почему припоминалась ему теперь такъ живо далекая боярышня, Истома не вѣдалъ. Пять лѣтъ прошло съ того времени, какъ дѣвочка-подростокъ прощалась съ отъѣзжавшимъ молодымъ Качаловымъ, и много новыхъ впечатлѣній пережилъ съ того времени Истома. Почти изгладился у него въ душѣ стройный обликъ Любаши Незнамовой, за недосугомъ на службѣ да нерѣдкими бражничаніями... Давно вѣдь то было... Шутка-ли сказать, пять годовъ долгихъ протекло съ той поры. Да и сама почитай позабыла его боярышня, сердце дѣвичье—что твой сахаръ. Подогрѣть его—онъ и растаетъ... А охотниковъ на него не мало найдется... Ужь и тогда въ подросткахъ обѣщала стать красавицей Любаша. „А може,—раздумывалъ Истома,—ужь давно она и сосватана, кто ее знаетъ!“ И чего это Максимъ ему о зазнобѣ напомнилъ. Нѣтъ у него зазнобы. Служба царская да воля государева—вотъ кто его „зазноба“!

И лихо тряхнувъ кудрями, Истома оглянулся кругомъ и разсмѣялся.

Въ своемъ раздумьѣ да въ мечтахъ и не замѣтилъ Качаловъ, что все онъ вдоль забора неподалеку отъ избы Скуратовской бродитъ... Такъ и есть... Вонъ и липы, и тополи торчатъ изъ-за ограды большого тѣнистаго сада, прилегающаго къ строеніямъ. Вотъ и калитка, въ тыну вдѣланная... Но что это? Будто она пріотворена, а у высокихъ столбцовъ двѣ фигуры стоятъ, словно его дожидаючись.

Кто это?

Глянулъ Истома, за бердышъ схватился.

Тать [1]), али хуже што? Мѣсяцъ закрылся облакомъ и не разглядѣть юношѣ, кто стоитъ. Межъ тѣмъ, одна изъ фигуръ быстро отдѣлилась отъ калитки и, схвативъ за рукавъ кафтана опѣшившаго Истому, быстро залепетала:

— Нишкни... бояринъ... нишкни! Боярышня моя... Марія Григорьевна здѣсь... Повидать тебя хочетъ...

Истома разомъ понялъ, кого за татя ночного во мракѣ принялъ. Не узналъ онъ Матрешу, сѣнную дѣвушку дочери Скураты-Бѣльскаго.

---

[1]) Воръ.

— Ладно!—произнесъ онъ весело, — иди, схоронись гдѣ-нибудь, да вѣсть дашь, коли проснется кто... Здравствуй, боярышня, — произнесъ онъ тѣмъ же веселымъ шопотомъ, быстро приближаясь ко второй фигурѣ, укутанной поверхъ лѣтника большимъ платкомъ.

— Ты, Истома Никитичъ? — послышался тихій шопотъ взволнованнаго дѣвичьяго голоса.

— Вѣстимо я! Аль другого ждала? И то сказать, не гоже тебѣ, боярышня, объ эту пору въ саду гулять да съ прохожими молодцами разговаривать,—уже степенно произнесъ Истома, шагнувъ вслѣдъ за Маріей Григорьевной въ чащу сада, гдѣ подъ развѣсистой липой стояла дерновая скамья.

— Гоже аль не гоже, про то сама вѣдаю, а ты мнѣ, молодецъ, на томъ не указчикъ!—произнесла такъ-же взволнованно дѣвушка.—Когда сердце болитъ, не дѣло ужь о гожествѣ разсуждать. Я тебя здѣсь полночи караулила, видала, какъ ты къ брату Максиму въ горницу взошелъ. Дождусь, думаю... И дождалась. Что-жъ это, бояринъ? Долго тебѣ еще надо мной издѣвки творить и сушить меня? А?

И голосъ дѣвушки, взволнованный было и дрожащій отъ волненія, теперь разомъ окрѣпъ.

Мѣсяцъ, снова выглянувъ изъ-за облака, освѣтилъ собою все лицо говорившей. Не дюже приглядно было оно у дѣвушки. Годовъ двадцать, а то и болѣе казалось младшей дочери Малюты, Маріи Григорьевнѣ. Худая, высокая, съ блѣднымъ недобрымъ лицомъ она только одно и имѣла въ немъ ладнаго—глаза красивые, но и они недобрымъ у нея огнемъ горѣли... А все же черные, какъ уголья, большіе, какъ миндалины, и горючіе, словно зерна алмазныя, они были очень хороши у дѣвушки. Шибко надѣялась на красоту ихъ и сама Марія Григорьевна, думала заполонить ими давно приглянувшагося ей Истому. Да не таковскій былъ онъ; не по праву пришлась опричнику царскому дѣвушка. Да и родъ ея, кровью запятнанный и прозвище дочки катовой [1]) не улыбались ему. Всячески обѣгалъ онъ встрѣчъ съ Марьей Григорьевной, подмѣчая ея взоры зазывные, привѣтные.

„Заполонилъ ты сестру, — нерѣдко говаривалъ ему Максимъ,—давно по тебѣ сохнетъ“,—а Истома только отмалчи-

---

[1]) Враги называли Малюту Скуратова царскимъ палачемъ, катомъ.

вается, обидѣть пріятеля-друга не желаетъ да и зазорить дарма стыдъ дѣвичій.

— Што молчишь, бояринъ? Аль слова привѣтнаго для меня не найдется?—съ легкой усмѣшкой произнесла дѣвушка, любовно оглядывая Истому своими пронзительными черными очами.

— Што желаешь, штобъ сказалъ тебѣ, боярышня? — спокойно спросилъ ее тотъ.

— Што желаю? Аль не вѣдаешь?—съ дрожаніемъ въ голосѣ произнесла Марія Григорьевна, и вдругъ неожиданно двѣ крупныя слезинки выкатились изъ ея черныхъ очей и упали на высоко вздымающуюся грудь дѣвичью.

— Истомушка, — нѣжнымъ, пѣвучимъ шопотомъ чуть слышно долетѣло до ушей Качалова, — аль не чуешь, Истомушка, какъ ты любъ мнѣ? Кажись, солнца краснаго мнѣ дороже, ладный [1]) ты мой, соколъ мой ясный! Денно и нощно вижу тебя то въ мечтахъ, то въ видѣніяхъ сонныхъ. Любъ ты мнѣ, желанненькій, ой, какъ любъ!

Наклонилась къ Истомѣ дѣвушка, огнемъ-полымемъ жжетъ его лицо ея дыханіе горячее, алмазные глаза совсѣмъ близко отъ лица его горятъ, искрятся... Закипѣла кровь удалая въ жилахъ опричника... Не привыкъ онъ гораздъ къ ласкѣ дѣвичьей, чистой... И кажется ему, будто близка и дорога ему дѣвушка, свое сердце горячее отдавшая ему.

„И ты мнѣ желанна, ладушка!“ — хочется крикнуть одурманенному чужой страстью Истомѣ, и протягиваетъ онъ уже руку, чтобы охватить ею станъ боярышни, да вдругъ въ ушахъ его пронесся, звуча ненарокомъ, словно серебристый голосокъ вопрошающій далекой, почти забытой Любаши: „А не запамятуешь, молодецъ?!“

Што за притча... Въ-явь онъ грезитъ, што-ль? Передъ нимъ другія черты, юныя, почти дѣтскія, но чудно-прекрасныя Любы-красавицы... И помимо воли опускается рука Истомы и взоромъ, полнымъ холода, обдаетъ онъ Марью Бѣльскую.

— Што-жъ молчишь? Аль я тебѣ не угодна? — срывающимся голосомъ вопрошаетъ она.

— Не угодна, не обезсудь, боярышня!

---

[1]) Хорошій.

И вскочивъ со скамьи, быстрыми шагами удаляется Истома изъ сада Малюты.

А боярышня какъ была, такъ и осталась на мѣстѣ, пристыженная, убитая, нежеланная...

Слезы обиды глаза жгутъ... досада и гнѣвъ въ груди закипаютъ...

— Постылая! Постылая! — лепечутъ засохшія отъ жару уста дѣвушки, — не люба ему, „не угодна“, сказалъ... Да што-жъ это такое? Соромъ! стыдъ какой! И чѣмъ то не приглянулась ему? Ужь кажись люблю его, какъ день бѣлый, какъ солнце красное! Нѣтъ, самой видать, што не гожа! А коли не гожа, такъ попомни, бояринъ!—вскакивая внезапно со скамьи и сверкнувъ очами выкрикнула дѣвушка,—не мила я тебѣ, не люба, такъ и другой тебѣ любы не будетъ! Про все дознаюсь, про все спровѣдаю и погублю тебя и разлучницу, не дамъ вамъ миловаться да царствовать. На все пойду, а не будетъ тебѣ счастья, Истома Никитичъ, попомни, бояринъ, не будетъ! Не даромъ-же самого Малюты я дочь!

И погрозивъ вслѣдъ своему обидчику, съ неосушенными еще отъ слезъ очами, теперь ярко горѣвшими во мракѣ гнѣвомъ и злобой непримиримою, Марія Григорьевна направилась въ домъ, въ свою дѣвичью свѣтлицу, гдѣ жила вмѣстѣ со старшей сестрой, рыжей Катеринушкой.

Всю ночь напролетъ не спала Марьюшка, съ боку на бокъ ворочалась она, всѣми силами стараясь отогнать отъ себя чудный и плѣнительный образъ Истомы, котораго она и ненавидѣла-то всѣми силами души и любила въ то-же время пуще прежняго.

ГЛАВА III.

Думы царевы.

Слабо мерцаетъ лампада передъ божницею въ опочивальнѣ царской. Тихимъ умирающимъ свѣтомъ озаряетъ она высокій одръ со взбитыми пуховиками и безчисленными перинами, съ грудою подголовниковъ въ расшитыхъ шелками наволокахъ... Стеганое одѣяло съ полемъ бирюзовымъ изъ аксамитовой [1]) ткани лежитъ на высокой постели почитай не смятое.

Царь Иванъ Васильевичъ сидитъ въ одежѣ дневной въ высокомъ креслѣ диковинной рѣзьбы, по ручкамъ и наспиннику дорогими камнями выложенномъ.

Не старъ еще государь, четвертый десятокъ къ концу близится, а на видъ онъ почитай што и вовсе старикъ... Хошь и высокъ и широкоплечъ въ станѣ, а все же согбенъ не по лѣтамъ. Волосы, прикрытые легкой шапочкой-тафьей, рѣдки и просвѣчиваютъ на вискахъ и маковкѣ... Года три тому назадъ и вовсе лишенъ былъ растительности на головѣ и бородѣ послѣ тяжкаго недуга государь.

Глаза подъ нависшими бровями, почти сросшимися у переносицы, смотрятъ прозорливо да подозрительно... Неспокоенъ этотъ взглядъ... Поминутно обѣгаетъ онъ все окружающее, и блестятъ недобрыми огоньками очи царя. Носъ хрящеватый съ горбинкой, съ подвижными ноздрями, поминутно вздрагивающими. Уста блѣдныя подергиваются частой легкой судорогой—примѣтой частаго волненія... Сейчасъ его

---

[1]) Родъ парчи бархатной съ выпуклыми узорами.

лицо отъ частой безсонницы воспалено, горитъ, нездоровымъ румянцемъ пышетъ...

Не ложится царь... Тутъ по сусѣдству и другая постеля ему уготовлена. Ни парчеваго одѣяла, ни шелковыхъ подушекъ, ни даже простого полавочника не положено на голыя доски этого простого ложа деревяннаго, на которомъ порой любитъ умерщвлять свою грѣшную плоть великій Грозный царь русскій Иванъ Васильевичъ.

Но не ложится онъ сегодня даже и на свой одръ покаянный... Тяжело, нудно на душѣ Ивана. За дубовою дверью опочивальни царевой спятъ вѣрные караульщики. Спитъ молодой спальникъ царя Басмановъ Ѳедя, заступившій мѣсто нѣкогда такъ горячо любимаго царемъ Алеши Адашева. Стоитъ крикнуть царю и вбѣжитъ къ нему оружничій его Аѳоня Вяземскій, день и ночь не разстающійся съ государемъ. А еще за двумя дверями ходятъ дозоромъ сторожа царскіе, чередные тѣлохранители-опричники... Сторожатъ они зорко всѣ переходы дворцовые... Нигдѣ не проглядятъ они измѣны коварной... всюду накроютъ, всюду запрутъ ей ходъ къ царю-батюшкѣ, преградятъ ей путь къ нему...

„Преградятъ... да не совсѣмъ...—думается Ивану.—Инъ ползетъ она отовсюду — и отъ дверей, и отъ стѣнъ, и отъ щели кажинной, словно змѣей подколодной извивается...“

И чудится измѣна царю какимъ то живымъ существомъ, не то гидрой стоглавою, не то ехидной пронырливой. Прячется она и все же скользитъ все впередъ и впередъ и достигаетъ она самаго кресла царскаго...

Вздрогнулъ царь... Много крови виновной и правой пролито, а измѣна все же не изведена съ корнемъ. Рубятся, отсѣкаются однѣ головы гидры, анъ другія взамѣнъ ихъ наростаютъ и дразнятъ царя своими языками красными, ядовитыми.

— Да, много крови пролито... и невинной почитай и поболѣе, — шепчутъ запекшіяся уста Ивана, — но Ты еси вѣдаешь, Господи, виновенъ ли въ томъ я?—обращаетъ онъ мрачно горящій взоръ къ кіоту, какъ бы испрашивая приговора у Владыки небеснаго, правъ или неправъ онъ, владыка земной, въ пролитіи крови этой.

Тамъ, въ кіотѣ этой, откуда смотрятъ на царя строгіе лики угодниковъ, спрятанъ его памятный листокъ, синоди-

комъ именуемый. Много въ свиткѣ этомъ именъ вписано... То имена казненныхъ бояръ-крамольниковъ и дѣтей, и родичей, и холопей ихъ... Еженедѣльно разсылаетъ по монастырямъ Иванъ такіе-же точно снимки съ приказомъ царскимъ поминать въ церквахъ имена казненныхъ... Грозенъ царь, да милостивъ... Не хочетъ онъ безъ поминанья церковнаго оставить души крамольныя. И самъ поминаетъ ихъ ежедневно въ молитвахъ дневныхъ и вечернихъ Иванъ. И сейчасъ сунулъ въ божницу руку государь, вынулъ синодикъ... Читаетъ... Длинная полоса именъ мужскихъ и женскихъ, и дѣтскихъ даже, пестритъ передъ нимъ. Страшно думать о мертвецахъ въ ночи... И скорѣе прячетъ обратно свитокъ въ кіоту царь... А самъ на кресло садится и снова глубоко, тяжко задумывается...

И вспоминаетъ Иванъ свое печальное дѣтство, свое отрочество и юность нерадостную. Помнитъ онъ себя маленькимъ отрокомъ по восьмому году... Помнитъ смерть матушки государыни-правительницы, съ которой такъ хорошо ему было, такъ весело и сладостно жилось!

Скончалась внезапно Елена, полная еще красоты и молодости, и оставила сиротами его, Ивана, и младшаго брата его, слабоумнаго Юрія.

Тутъ-то впервые и постучалось настоящее лихое горе въ дѣтское сердечко Ивана.

Какъ сейчасъ помнитъ онъ страшныя картины произвола боярскаго, тѣхъ самыхъ бояръ, что пикнуть не смѣли при жизни правительницы.

Какъ живой, стоитъ передъ Иваномъ блѣдный, какъ смерть, любимецъ правительницы, верховный боярин князь Иванъ Ѳедоровичъ Телепень-Оболенскій.

— Не попусти, государь!—говоритъ онъ ребенку,—бояре меня извести надумали!

И тутъ же, почти на глазахъ малолѣтняго государя, хватаютъ несчастнаго князя и, бросивъ его въ каменный мѣшокъ, морятъ голодною смертью.

А день черезъ десять еще большая потеря ждала великаго князя-отрока. Его любимую маму, боярыню Аграфену Челяднину, родную сестру князя Телепня-Оболенскаго, вырвали изъ объятій плачущаго государя и насильно постригли въ Каргопольской женской обители.

Помнитъ Иванъ ненавистныя лица ихъ мучителей, князей Полоцкихъ, Вельяминовыхъ и Шуйскихъ. Особенно Шуйскихъ... Много горя и муки доставили они малолѣтнему владыкѣ земли московской!

Принялись они за воспитаніе отрока-государя. Не понималъ тогда ребенокъ, почему пѣстуны [1]) бояре старались потакать дурнымъ инстинктамъ его, почему стремились наталкивать его на всякое худое... Но подросъ и все понялъ Иванъ. Хитрые, лживые бояре хотѣли ослабить любовь народа къ ихъ великому князю россійскому и тѣмъ увеличить свое вліяніе на Русь.

Вотъ почему сочувственно улыбались они, когда подростающій Иванъ, съ толпою своихъ приспѣшниковъ, на всемъ скаку давилъ народъ православный или еще много ранѣе того всячески мучилъ безсловесныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ тварей, сбрасывая дворцовыхъ кошекъ и собакъ изъ высокаго терема своей государевой опочивальни.

Помнитъ царь, какъ любимца и друга его Ѳедю Воронцова схватили ненасытные бояре и, избивъ заодно съ отцомъ, отослали въ дальнюю Кострому въ изгнаніе. Напрасно слезно молилъ отрокъ-государь ограничить ссылку Коломной, его не послушали, какъ не послушали и митрополита Макарія, вступившагося было за Воронцовыхъ отъ имени царя.

Всѣ эти обиды глубоко затаилъ на душѣ Иванъ и жестоко всю свою жизнь платилъ за нихъ не только обидчикамъ, но и всему роду „крамольниковъ“, какъ онъ называлъ бояръ, начавъ съ того, что, достигнувъ 13-лѣтняго возраста, юный великій князь приказалъ псарямъ схватить на растерзаніе перваго своего врага Андрея Васильевича Шуйскаго...

Мало того, видя, что бояре, равно какъ и его самого, обижаютъ и весь народъ русскій неправедными судами, взятками и прочими вымогательствами, онъ рѣшилъ ограничить ихъ власть и въ 1546 году, будучи шестнадцатилѣтнимъ юношей, вѣнчался на царство.

Помнитъ Иванъ и все послѣдующее время. И кроткую, благочестивую супругу Анастасію Романовну, и умнаго Сильвестра, и перваго своего совѣтника Адашева. Но не долго услаждали они его царствованіе. Умерла Анастасія, а оба со-

---

[1]) Воспитатели.

вѣтчика, обуреваемые тщеславіемъ, возымѣли преступные замыслы противъ него, Ивана.

И опять измѣна и крамола поползли по Руси! И нѣсть числа и счета все наростающимъ и наростающимъ головамъ чудовищной гидры!

И сейчасъ, сидя въ эту позднюю пору въ своей опочивальнѣ, не можетъ отогнать отъ себя тяжелыхъ мыслей Иванъ.

И кровь рѣкой льется, и стономъ стонетъ святая Русь, и его иноземные государи палачомъ считаютъ... Вонъ Курбскій князь неоднократно ему это въ своихъ грамотахъ упоминаетъ... А развѣ палачъ онъ? Развѣ зла онъ желаетъ великой землѣ русской?! Не для ея ли блага выводитъ онъ всѣми средствами измѣну лютую? Не для блага ли отечества заставляетъ онъ людей стонать на дыбахъ, скрежетать зубами въ застѣнкахъ и складывать на плахѣ буйныя головы?

Вотъ теперь хотя бы Колычевы и митрополитъ... Незрячій и тотъ увидитъ козни и крамолы, что проклятый Колычевскій родъ готовитъ... Не даромъ не русской крови они! Прусская кровь лукавая говоритъ въ нихъ... И не сознаются крамольники, что подкапываются подъ жизнь его, Ивана.

А царю завѣдомо извѣстно, что занимаются они смутяжествомъ всякимъ и недовольство въ народѣ противъ него, царя, сѣютъ.

Погубить, запытать ихъ! Свести съ митрополіей каѳедры докучающаго своими проповѣдями ему—царю всесильному—Филиппа, ихъ сродственника... Но какъ свести? Любъ онъ народу, этотъ непрошенный печальникъ земли русской! Заступится за него черный людъ!.. Не допуститъ коснуться любимаго владыки. А знаетъ царь, что будетъ гнѣздиться крамола и измѣна въ боярскомъ роду, пока печалуется за нихъ сердобольный старикъ... Знаетъ онъ, что черезъ родственниковъ Филиппа, бояръ Колычевыхъ, жалуются на царя владыкѣ ненавистные представители московской земщины... Знаетъ царь, что и самъ Филиппъ открытый порицатель и врагъ его! Громитъ онъ всюду Ивана, при каждой встрѣчѣ, не смущаясь присутствіемъ синклита [1]) царскаго. А ближайшіе царя не разъ говаривали, что самъ владыка въ ереси повиненъ. Може и

---

[1]) Свита.

клевета это, а може и впрямь, кто знаетъ, окромя Бога, сердце человѣческое.

И пуще того охватываетъ туча душу царя... Хошь бы вздремнуть малость... Да гдѣ тутъ!.. И ночь то лѣтняя не въ мѣру тепла, да и думы одолѣваютъ нудныя. Мерещатся царю загубленные имъ крамольники, мерещатся наравнѣ съ ними и убіенные невинно за грѣхи другихъ... И Рѣпнинъ князь, уничтоженный недавно за излишнюю вольность языка, несмотря на всю его вѣрную службу батюшкѣ-царю, и Иванъ Петровичъ Челяднинъ, ближній конюшій царя, отданный по убіеніи на съѣденіе псамъ, за послухъ единый, за пустое подозрѣніе, пересказанное царю его усердными наушниками.

— Господи, Ты вѣдаешь, Боже! — шепчетъ молитвенно Иванъ, — не по злобѣ моей наказую родъ сей! Но ежели и безвинные страдаютъ, не виновенъ въ томъ я, Господи, но приспѣшники мои, аки шакалы и псы крови алчущіе. Да падетъ же кровь невинная на главы ихъ!

Молится Иванъ, а сердце такъ и холодѣетъ въ груди, то бьется, ровно птичка въ клѣткѣ, то замретъ, словно неживое. Страхъ, безочетный, неясный страхъ западаетъ въ душу царя... Вотъ-вотъ, чудится ему, раскроется дверь горницы и войдутъ тѣ, кто имѣетъ право требовать отчета за пролитую кровь отъ царя-мучителя.

Холодный потъ выступаетъ на высокомъ челѣ царя, быстро поднимается онъ со скамьи. Страшно блуждаетъ его горящій взоръ... Съ минуту онъ остается неподвижнымъ, придумывая, куда ему укрыться отъ мыслей недужныхъ.

Къ царицѣ!—мелькаетъ неожиданно въ головѣ царя.

Да, да, къ царицѣ, она успокоитъ его, она жарко приласкаетъ своими ласками жгучими прирожденной черкешенки, усыпитъ поднявшійся и непрошенный голосъ докучной совѣсти...

И стараясь не глядѣть по сторонамъ и угламъ горницы, гдѣ уже—мерещится царю—поднимаются бѣлые видѣнія-призраки и протягиваютъ ему свои костлявыя руки мертвецовъ, спѣшитъ Иванъ къ дубовой двери, за которой стоятъ у порога царской опочивальни очередные стражники, и скорымъ шагомъ направляется черезъ прохладныя сѣнцы на половину царицы Маріи Темгрюковны.

ГЛАВА IV.

Слободская братія.

Ровно въ четыре часа ударила высокая звонница на слободскомъ соборѣ Покрова Богородицы, и при первомъ-же звукѣ мѣднаго колокола оживилась слобода. Распахнулись двери въ избахъ, раскрылись ворота хороминъ и потянулось по главной улицѣ, называемой Дворской, длинное и странное шествіе. Около трехъ сотенъ монаховъ, по двое въ рядъ, чинно выступаютъ по направленію собора. На нихъ черныя тафьи и рясы монашескія, а распахнутся ненарокомъ полы рясъ ихъ, подъ низомъ невиданной роскоши одежды парчевыя видны, сплошь ушитыя золотомъ, опушкой собольей отороченныя. И при каждомъ шагѣ позвякиваетъ оружіе, схороненное подъ черными рясами. Впереди идетъ усталый, согнутый, высокій, плечистый монахъ, на посохъ опираясь. Не узнать въ этомъ мрачномъ монахѣ, въ игуменскомъ клобукѣ, царя православнаго. Около него, немного поодаль, выступаетъ отрокъ лѣтъ семнадцати, съ блѣднымъ, недобрымъ лицомъ, носящимъ въ себѣ, несмотря на раннюю юность, слѣды разгула и безпутства... Это царевичъ Іоаннъ, старшій сынъ государя.

За ними опричники притихшіе, смиренные... Чуетъ царева „братія“ [1]), какъ называетъ ихъ Иванъ, что дюже гнѣвенъ

---

[1]) Иванъ искалъ утѣшенія своимъ мукамъ въ религіозной обрядности. Самый свой дворецъ онъ обратилъ въ монастырь и опричниковъ въ монаховъ, а себя произвелъ въ игумена. Игуменъ окружилъ себя братіей изъ самыхъ злѣйшихъ опричниковъ въ 300 человѣкъ. Вяземскаго онъ сдѣлалъ келаремъ, Малюту Скуратова параклиссіархомъ. Всю эту братію одѣлъ въ тафьи или скуфейки и черныя рясы.

Профессоръ Ковалевскій: «Іоаннъ Грозный».

отецъ игуменъ, и лучше не поднимать голоса, не показываться на глаза разгнѣванному царю.

Вотъ они приближаются къ собору... вотъ входятъ въ притворъ. Въ ту же минуту умолкаетъ высокая звонница и пономарь-чернецъ, высокаго роста, съ татарскимъ скуластымъ безобразнымъ лицомъ и огненно-рыжею гривою, быстро сбѣгаетъ съ крутой лѣсенки колокольни и, настигнувъ въ самомъ притворѣ царя, почтительно склонившись передъ нимъ, шепчетъ:

— Все сдѣлано, какъ велѣлъ, государь.

— Чинилъ розыскъ? — быстро, отрывисто вопрошаетъ Иванъ.

Рыжебородый пономарь киваетъ головою.

— Что-же, сказываются?

— Заперлись, надежа-осударь... Клещами слова не вытянешь.

— Да ты и впрямь, Лукьянычъ, клещами-то не поусердствовалъ-ли? Мудрено и ждать отвѣта въ такомъ случаѣ!..

И Иванъ обратилъ зоркій, пытливый взоръ на того, кого называлъ то Лукьянычемъ, то Малютою, а то по-простецки Гришкою въ ину пору.

— Небось, надежа, выживетъ!—съ отвратительной усмѣшкой отвѣчалъ тотъ; — спервоначалу отмалчивался все, а какъ соловскаго чернеца предоставили на очную ставку, что отецъ Паисій прислалъ, такъ тутъ нашъ служка апосля его розсказней словно бѣсованіемъ одержимъ сталъ... Не повиненъ владыка, твердитъ, ни въ ворожействѣ, ни въ колдованіи, а што отецъ Паисій, всѣмъ вѣдомо, подъ святого человѣка подкапывается... а што Колычевы бояре ужь давно съ владыкой не видались, а когда и видались, то и разговору промежъ нихъ объ опричинѣ не было, не токмо што!

— Запирается? Какъ мнишь? — сощуривъ по привычкѣ глазъ, спросилъ Иванъ Скуратова.

— Ништо, государь! Скажется! Дыба не постель лебяжья... небось... поразомнетъ косточки и языкъ развяжетъ.

— А Филиппъ о томъ не вѣдомъ?

— Не вѣдомъ, государь, службу взяли во время службы митрополью въ соборѣ, може и хватился, да не знаетъ никто куды дѣвался малецъ. Какъ сквозь земь!..

И говоря это, Малюта такъ и поблескивалъ довольными

заплывшими маленькими глазками, обличавшими въ немъ завѣдомаго злодѣя.

— Ну, а тотъ боярин, што онъ? — продолжалъ вполголоса спрашивать Иванъ,—тоже, чай, запирается?..

— До времени, осударь! Не пыталъ досели...

— Ты его мнѣ полегше, Лукьянычъ, не налегай зря. Все же плоть боярская, нѣжная...—ощущая внезапно знакомый приступъ зарождающагося гнѣва, произнесъ Иванъ.

— Твоя воля!—низко склонился передъ нимъ Малюта,— какъ повелишь, такъ и свершу!

— Знаю, Лукьянычъ,—ласково кивнулъ ему царь и, поднявъ посохъ, съ которымъ не разставался нигдѣ ни на минуту, далъ знакъ приступить къ богослуженію.

Отецъ Левкій, чудовскій архимандритъ, ставшій въ число первыхъ совѣтниковъ царя, оправилъ ризу и произнесъ мягкимъ и быстрымъ говоркомъ, безо всякой примѣси благочинія, первыя слова молитвы.

Утреня началась. Царь, ставшій на своемъ обычномъ игуменскомъ возвышеніи, передалъ посохъ своему любимому оружничьему, высокому, статному, черноглазому князю Вяземскому, и началъ усердно отбивать земные поклоны. Молились и опричники съ виду истово, дабы не разгнѣвать царя, а втихомолку, досадуя на долгое богослуженіе, пересмѣивались и перешептывались промежъ себя.

Только двое изъ нихъ были далеки и отъ показного усердія и отъ шутокъ неумѣстныхъ. Одинъ думалъ въ тысячный разъ о своей горькой долѣ по милости судьбы мачихи, а другой—о ночномъ свиданіи съ Маріей Григорьевной и объ ея угрозѣ, смутно долетѣвшей до него черезъ ерши [1]) высокой садовой ограды, и о томъ далекомъ воспоминаніи, которое внезапно нашло на него въ эту ночь. Стоя возлѣ своего печальнаго друга Максима, Истома Качаловъ послѣ пяти лѣтъ разлуки снова думалъ о когда-то любимой имъ Любашѣ Незнамовой.

Диву дивился юноша, что припомнилась она ему какъ разъ въ ту минуту, когда онъ готовился назвать своей „любой“ чужую ему дѣвушку.

„Не спроста это!—невольно мнится Истомѣ,—може и впрямь моя суженая Любаша, а никто иная... И впрямь сбудутся

---

1) Частоколъ.

грезы дѣтскія и будетъ онъ мнѣ женой богоданной... И гдѣ она теперь, желанная?!.. Чай выросла, похорошѣла! Хоть и сейчасъ подъ вѣнецъ!“ Сказывали, что въ Москву не разъ съ Володиміромъ княземъ да молодой княгиней наѣзжала, да недосугъ ему было изъ слободы урваться, да и—чего таить—не хотѣлъ онъ съ завѣдомымъ врагомъ государевымъ, хоть и въ чести, но все же подъ царской опалой находящимся, княземъ Старицкимъ, видаться. Вѣрой и правдой служитъ Истома царю. Крѣпко держится на своемъ крестномъ цѣлованіи. Боится онъ, какъ увидитъ князя Володиміра, все еще имъ любимаго, бывшаго покровителя своего, да тотъ ему невзначай слово негожее о царѣ да опричинѣ скажетъ, такъ наговоритъ онъ непристойностей князю во гнѣвѣ... Нѣтъ, ужь лучше отъ грѣха подалѣ! А что думается ему думушка о Любашѣ сегодня, такъ это по винѣ боярышни Скуратовой, изъ-за рѣчей ея любовныхъ! Всколыхнула чужая любовь сердце Истомы!... Да не вѣсть что! Пройдетъ!

Но вотъ кончилась утреня, за ней обѣдня, и въ томъ же порядкѣ двинулась изъ храма братія...

А въ стольной избѣ уже все готово къ трапезѣ... Длинные столы уставлены всякой снѣдью, въ изобиліи наставленной, да ковшами хмѣльной браги, да меда. Тутъ же въ кубкахъ да чаркахъ громадныхъ и вина фряжскія, романея да мальвазія стоятъ. Любитъ государь своихъ вѣрныхъ тѣлохранителей. Потчуетъ ихъ вдоволь; одни яства другими смѣняются.. Ходитъ чаша круговая... Звенятъ кубки серебряные... А самъ Иванъ Васильевичъ не кушаетъ; сидитъ онъ на высокомъ своемъ креслѣ и читаетъ священные тропари и кондаки во все время столованія братіи. Уже трапеза близится къ концу, царскіе стольники уносятъ блюда расписныя съ остатками снѣди, чтобы отдать ихъ нищей братіи, ожидающей подачки у высокаго крыльца. Сейчасъ поднимется царь и прочтетъ молитву затрапезную... но въ эту самую минуту, какъ удалые опричники осушаютъ послѣдніе кубки, а Иванъ Васильевичъ дочитываетъ послѣднія слова кондака, входитъ въ стольную горницу, весь залитый золоченымъ шитьемъ, въ парчевомъ кафтанѣ, любимецъ царскій Ѳеодоръ Алексѣевичъ Басмановъ.

Стройный красавецъ съ плѣнительнымъ женоподобнымъ лицомъ и наглою усмѣшкой устъ коралловыхъ, чуть подма-

леванныхъ какимъ-то заморскимъ малеваніемъ, и съ голубыми дерзкими очами, Басмановъ имѣлъ неотразимое вліяніе на внутренній міръ грознаго царя. Дерзкій и отважный по натурѣ, царскій угодникъ не разъ говорилъ въ лицо государю такія истины, которыя другого несомнѣнно-бы подвели подъ плаху. А ему все сходило съ рукъ. Чего иные достигали умомъ да воинскою отвагою, да совѣтомъ дѣльнымъ своевременнымъ, то царскій спальникъ шуточкой, веселымъ словцомъ да усмѣшкой на-лету достигалъ. Шибко ненавидѣла его опричная братія, да знали, что съ Ѳедькой-прелестникомъ не тягаться имъ! Коли шепнетъ царю — головой ему батюшка обидчика выдастъ. А онъ помудрѣе на выдумки пыточныя да на розыски самого прославленнаго Малюты-палача будетъ! Зналъ и самъ Басмановъ, что его дружно ненавидятъ въ слободѣ, и ухарски кичился этимъ: ихъ-де тысячи, а я одинъ у царя, да много всѣхъ другихъ ему, надежѣ-осударю, нужнѣе. И теперь, не робко и тихо, въ присутствіи царя, вошелъ Басмановъ въ стольную горницу, а съ высоко поднятой дерзкой головой и, отдавъ обычный поклонъ, близко подошелъ къ креслу государя.

— Что тебѣ, Ѳедя?—ласково спросилъ Иванъ, отложивъ книгу кондаковъ и окинувъ взоромъ любимца, любуясь гибкой молодцеватой фигурой юноши.

— Для потѣхи твоей все готово, — отвѣчалъ тотъ, играя своими наглыми глазами: то умышленно пряча ихъ подъ сѣнью длинныхъ, словно дѣвичьихъ, рѣсницъ, то обдавая ласковымъ взоромъ сидѣвшаго передъ нимъ царя.

— Скоро-жъ ты! А что скоро, то не споро!—милостиво пошутилъ Иванъ.—Ну, да ты ловокъ у меня, знаю! Значитъ пустили въ Залѣсье медвѣдя, коимъ новгородскіе гости поклонились мнѣ?

— Пустилъ, осударь.

— Инъ ладно... А псарей выбралъ?

— Выбралъ и псарей...

— Молодчина Ѳедюкъ!—совсѣмъ уже развеселился доселѣ хмурый царь. — Значитъ можно и снаряжаться, ничего что пора охотняя не пришла... Мы затраву и до времени сдѣлаемъ... Намъ на сіе указа нѣтъ... Хотѣлъ-было къ любезному нашему гостику, къ Ивану свѣтъ Борисовичу въ застѣнокъ пройти, да по дорогѣ и чернеца этого служку поспро-

шать малость, да недосугъ нонѣ, ужо вечеромъ пойду, а теперь на конь, да милости прошу, не обезсудьте на моей потѣхѣ государевой.

И говоря это, царь, тяжело опираясь на посохъ, поднялся со своего мѣста и въ сопровожденіи царевича и стольника Годунова Бориса прошелъ во внутреннiе покои дворца.

Зашумѣли опричники, повскакали съ мѣстъ, наскоро прочли затрапезную молитву и гурьбой, на ходу сбрасывая свои рясы монашескія и срывая тафьи съ головъ, кинулись они изъ стольной палаты по своимъ избамъ отдохнуть часокъ-другой передъ забавой любимой, на которую изволилъ ихъ милостиво пригласить царь.

Истома тоже направился съ ними къ выходу, но на порогѣ палаты его невольно остановилъ громкій окрикъ знакомаго голоса:

— Что не веселъ, Истома Никитичъ, аль недужится?

Глянулъ Истома. Передъ нимъ князь Вяземскій. Довольный, ласковый, самъ ухмыляется. Любитъ Истома своего молодцеватаго, красиваго, надменнаго начальника. За эту надменность пуще всего и любитъ... Не похожъ князь Аѳанасій Ивановичъ на прочихъ опричниковъ. Нѣтъ въ немъ ни алчности къ наживѣ, которой всѣ они отличаются, нѣтъ мелочной мстительности и подлости холопской по отношенію къ царю. Сразу замѣтно выдѣляется князь среди всего синклита царскаго. И родовитѣе же онъ всѣхъ здѣшнихъ слободскихъ. Да не только здѣсь, а и по всей Москвѣ своимъ воеводскимъ старинным родомъ князь Вяземскій славится. И не любятъ его здѣсь тѣ, кому знатности княжей да родовитости не видать какъ своихъ ушей. А пуще всего не любитъ его Малюта.

— Какой ужь это опричникъ, коли самъ онъ роду боярскаго да еще княжьяго!—сказалъ какъ-то Скуратовъ-Бѣльскій подъ шумокъ царю.

— Нѣтъ, Лукьянычъ! ты маво слугу трогать не моги,— съ усмѣшкой отвѣчалъ ему на это Иванъ.—Какъ мѣсяцъ на небѣ поелику всѣмъ звѣздамъ краса, такъ и Аѳонинъ родъ среди васъ, худородныхъ смердовъ, пуще алмаза свѣтитъ.—На томъ и прикончился разговоръ у нихъ.

Радостно блеснули глаза Истомы, какъ повстрѣчался онъ взоромъ съ княземъ.

— Не недужится мнѣ, княже! — молвилъ онъ весело, смѣло глядя въ черныя очи начальника.

— То-то, не недужится... Знаю я эту недужь молодецкую... Въ окрутку пора. Вишь ты какой!... Кровь съ молокомъ! Только помни, братъ, коли возьмешь дочку косоглазаго, тутъ тебѣ и карачунъ [1]) отъ меня. Знать тебя не захочу! Слышь?

Разсмѣялся Истома. Понялъ онъ, на кого намекалъ боярин. Не тайна была для князя Аѳанасія любовь дочери Малюты къ его любимцу.

— Нешто дѣвокъ мало въ слободѣ, что возьмешь за себя катовское отродье? — уже совсѣмъ расхохотался князь, дерзко поблескивая насмѣшливымъ взоромъ въ сторону Малюты, волей-неволей услышавшаго его послѣднія слова.

Зналъ Малюта, что никого, окромя его дочекъ, такъ называть не станутъ, и закипѣло бѣшенствомъ его сердце родительское.

— Ладно... Я те попомню катовское отродье,—шепнулъ онъ сквозь зубы по адресу князя.

А князь, между тѣмъ, умышленно оскорбившій ненавистнаго ему Скуратова, весело пересмѣиваясь съ Истомой и другими опричниками, вышелъ изъ палатъ дворцовыхъ.

---

[1]) Конецъ.

ГЛАВА V.

Въ царицыномъ теремѣ.

Тихо и невесело въ большой горницѣ, куда скудно доходятъ лучи солнца черезъ стрѣльчатыя окна высокаго терема. Полъ устланъ коврами кызыльбанскими [1]), полавочники изъ туркскаго бархату съ золотою гривкою [2]) до пола свѣшаны. Хитро расписаны скатерти парчевыя на столахъ. А отъ лампады съ паникадиломъ, на золотомъ гайтанѣ [3]) крученомъ у божницы привѣшанной, идетъ тихій, ласковый свѣтъ, борясь со скупо вливающимся дневнымъ свѣтомъ сквозь узкія слюдовыя оконца.

Въ красномъ углу подъ божницею, недалеко отъ окна терема, за широкими пяльцами сидитъ Марія Темгрюковна, вторая жена царя Ивана, царица московская и всея Руси. Хороша, дивно хороша царица Марія, но не тою красотою русской, прославленною лѣтописями родной земли, о которой говорится въ пѣснѣ:

Бѣлое лицо,—какъ-бы бѣлый снѣгъ,
Ягодицы [4]),—какъ-бы маковъ цвѣтъ,
Ясныя очи, какъ у сокола...
Она ростомъ-то высокая,
У ней кровь-то въ лицѣ, словно бѣлаго зайца...
А и рученьки бѣленьки, пальчики тоненьки,
Ходитъ она, словно лебедушка,
Глазомъ глянетъ, словно свѣтлый день...

---

1) Персидскими.
2) Бахромой.
3) На шнуркѣ.
4) Щеки.

Вотъ каковъ былъ идеалъ женской красавицы того времени. Царица Марія, прирожденная княжна черкесская, родомъ изъ Кабарды далекой, не отвѣчала ему. Маленькая, худенькая, тщедушная и порывистая, она скорѣе похожа на красиваго гибкаго мальчика. Тяжелый головной уборъ кика, низанная камнями самоцвѣтными, изъ подъ которой рясы [1]) жемчужныя повисли, такъ и придавливаетъ ея маленькую, словно дѣтскую головку. Юное личико, тоже почти ребячье, блѣдное, какъ у всякой восточной женщины, напоминаетъ бѣлизной своей бѣлизну альбатра [2]) камня. Изрѣдка только пышутъ полымемъ румянца ланиты царицы. Полураскрытыя уста обнажаютъ два ряда зубовъ бѣлыхъ, хищныхъ, словно у звѣрька лѣсного... А глаза, страстные, нѣжащіе, черные, какъ ночь, какъ пропасть глубокіе, то горятъ словно звѣзды, то меркнутъ въ истомѣ подъ долгими рѣсницами. Что-то жесткое, немилостивое лежитъ печатью незримой въ этомъ юномъ прелестномъ лицѣ... Казалось, эта блѣдная, черноокая красавица чужда жалости, чужда порыву доброму, сердечному...

Алый, цвѣта крови, домашній лѣтникъ, расшитый жемчугомъ да зернами бурмицкими, съ запонами изъ камней драгоцѣнныхъ по всему переднему полю, дивно личитъ [3]) къ яркой красотѣ царицы. Поверхъ его парчевая тѣлогрѣя чуть наброшена на плечи худенькія, стройныя. Душно царицѣ, жарко ей объ эту пору въ ея теремѣ.

Вокругъ боярыни томятся кто въ кикахъ дорогихъ, кто въ повойникахъ, полегче, прохлады ради, но шитьемъ хитрымъ расписанныхъ, не уступающихъ и кикамъ парчевымъ. Въ тяжелыхъ тѣлогрѣяхъ, несмотря на жару, потныя, красныя, съ густо намалеванными, по обычаю, лицами.

Между ними выдѣляется боярыня Грязная, жена одного изъ первыхъ опричниковъ, да Ивана Чоботова супруга, толстая, рыхлая женщина съ неискусно расписаннымъ лицомъ.

А среди нихъ мелькаетъ, словно звѣздочка межъ тучъ небесныхъ, княжна Евфимія Володиміровна Старицкая. Шестнадцатый годъ пошелъ всего княжнѣ, а выше и много до-

---

1) Подвѣска подъ кикой.
2) Алебастръ.
3) Идетъ.

роднѣе она своихъ лѣтъ кажетъ. Если сама царица не отвѣчаетъ типу русской красоты, то княжна Евфимія или „Фимушка“, какъ ее называетъ государь-дядя,—вполнѣ настоящая русская красавица: и станомъ высокая, и полногрудая, и бѣлотѣлая, и очи сѣрыя подъ тонкими бровями потуплены, и алыя щеки ровнымъ, спокойнымъ румянцемъ горятъ Что-то кроткое, словно печальное, но тѣмъ и завлекательное, манящее сквозитъ въ каждой черточкѣ лица княжны. Не слышится смѣхъ ея дѣвичій да рѣчи веселыя,—тиха, богобоязненна юная княжна... И стыдлива и покорна притомъ. Но коли придется по душѣ ей кто, взглянетъ только Фимушка, такъ отъ взгляда того словно на душѣ весна расцвѣтетъ, словно птички запоютъ въ ней райскія!

Прилежно склонилась княжна Евфимія надъ пяльцами въ своемъ уголку и торопливо дошиваетъ платъ на гробницу Преподобному Сергію, Святителю и Угоднику Троицкой лавры, что въ 30 верстахъ отъ слободы стоитъ. Нижетъ она проворными пальцами бѣлыми низи жемчуга искристаго на шамаханскаго шелку полосѣ серебряной, въ даръ Угоднику. Русая коса, заплетенная въ шестьдесятъ прядей, свѣсилась на плечо. Начельникъ [1]) голубого цвѣта поднебеснаго чуть съѣхалъ назадъ. Лѣтникъ свѣтлый, мелкими золотыми пуговками до полу застегнутый, скрываетъ высоко вздымающуюся отъ дыханія дѣвичью грудь. Спѣшитъ княжна свою работу докончить, обѣтъ исполнить завѣтный Угоднику.

Про этотъ обѣтъ никто не знаетъ. Ни мамы боярыни, ни сестры, ни даже сама царица. Нельзя и заикнуться о немъ Фимушкѣ. Опалится, храни Господь, царь-дядя, коли узнаетъ о немъ. Дюже гнѣвенъ онъ, боится его княжна! А зарокъ-то Угоднику самый невинный, самый безхитростный Фимушкой данъ!—Проситъ она Преподобнаго Сергія устроить ей съ отцомъ повидаться, съ княземъ Владиміромъ, котораго крѣпко любитъ княжна, несмотря на то, что рѣдко видитъ, когда онъ наѣздами въ Москвѣ бываетъ, да обѣихъ дочекъ его—Евфимію, да востроглазую Мароушу, да братца Валю видѣть можетъ. Не ладитъ, баютъ, князь Володиміръ съ царемъ и потому долго въ Москвѣ не загащивается, а у себя по удѣламъ съ семьей живетъ. Сердечно привязана къ отцу Фимушка. Какъ увидитъ

[1]) Дѣвичья повязка.

его, въ рѣдкія ихъ свиданія, такъ словно солнышко красное ее пригрѣетъ.

И теперь, расшивая ширинку узорную камнями самоцвѣтными, думаетъ думушку объ отцѣ княжна Евфимія. Скоро-ль онъ вернется въ Москву, въ Слободу заѣдетъ на дѣтокъ взглянуть.

Слыхала она, что надумалъ дядя-осударь съ агарянами воевать нечестивыми и воеводство батюшкѣ князю Володиміру поручить. Слыхала она, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей снова грозится Россіи и Казань и Астрахань себѣ отобрать хочетъ. Вотъ и пойдетъ противу нечестивца-хана батюшка-князь. А она, Евфимія, къ тому времени покровъ Угоднику кончитъ и помолится Ему о скоромъ и счастливомъ возвращеніи отца.

И нижетъ жемчугъ княжна и налаживаетъ его на серебряномъ полѣ плата, стараясь поаккуратнѣе нашивать полосы узорчатыя. А супротивъ ее царица сидитъ надъ пяльцами, иглу въ рукѣ держитъ, да только далека отъ работы она. Мысли докучныя въ головѣ роемъ толпятся... покоя не даютъ... Задумалась царица... Забыла она и про теремъ душный, не видитъ бояры ь, кои окрестъ нея стоятъ да стрекочутъ, ровно сороки, про разныя сплетни дворцовыя, и княжну Фиму, погруженную въ работу, не видитъ... Тяжко на душѣ осударыни... Сорвала она тяжелый убрусъ [1]) съ головы... Черные, какъ смоль волосы, длинными змѣями вдоль стана разсыпались... И тѣлогрѣя увѣсистая съ плечъ долой скатилась... И того не видитъ царица...

Шибко задумалась...

И мнится государынѣ, что не царица она московская, а вольная кабардинская княжна изъ славнаго роду черкесскаго, князей Темгрюкскихъ, горныхъ властителей... Видится ей въ яви [2]) крѣпкій замокъ отца—Темгрюка князя, построенный на Терекѣ рѣкѣ. Шумитъ, кипитъ бурливый Терекъ, день и ночь пѣнится, день и ночь клокочетъ... Подъ нѣсни его дикія да подъ шумъ горныхъ обваловъ выросла, расцвѣла княжна... Краше ея нѣтъ никого ни въ аулахъ безчисленныхъ кабардинскихъ, ни въ тихихъ долинахъ грузинскаго

---

1) Уборъ женскій головной.

2) На-яву.

царства. Словно день Божій хороша княжна! Много витязей по ней сохнутъ. Много изъ нихъ за нее сложило голову въ честномъ бою... Но никто изъ нихъ не любъ княжнѣ... Сердце свое вѣщее отдала съ дѣтскихъ лѣтъ красавица оруженосцу отца смуглому, прекрасному юношѣ Селиму. Любитъ его еще пуще горъ родныхъ, пуще вольной Кабарды своей Темгрюка-княжна. Незнатнаго онъ роду, но храбръ, какъ тигръ, и быстръ въ бою, какъ горный орелъ. Знаетъ она, что не отдастъ ее по добру отецъ за Селима, но што ей въ томъ? Давно они сговорились съ милымъ бѣжать въ племя сосѣднихъ лезгиновъ и ждать тамъ до поры до времени милости-прощенія отцова.

Но нежданно, негаданно измѣнилась судьба княжны... Прослышалъ о красотѣ юной кабардинки грозный царь русскій Иванъ Васильевичъ, схоронившій въ ту пору первую супругу Анастасію Романовну и безуспѣшно сватавшійся къ сестрѣ Жигимунта Августа. Отказали въ рукѣ литвинки Екатерины-красавицы русскому владыкѣ и обратилъ обиженный царь взоръ свой на Кабарду далекую. Не разъ говорили ему послы земли черкесской, поддерживающей сношенія съ Россіей, о дочери Темгрюка-князя. У самого султана туркскаго Селимона-Паши въ гаремѣ нѣтъ такой красавицы, разсказывали они Ивану. „Что-де за звѣзда диковинная появилась на небѣ восточномъ?!“—посмѣиваясь, говорилъ царь, а у самого уже очи загорались вожделѣннымъ огнемъ и въ груди сладострастныя вздымались желанія. Не любилъ государь сдерживать желанія эти... Въ 1561 г. послалъ въ Пятигорскъ Иванъ Васильевичъ посольство, доставившее ему красавицу княжну, прельстившую его сразу и ставшую, по святомъ крещеніи, второю царицею московскою. Помнитъ царица, какъ узнала она о пріѣздѣ пословъ, шибко забилось ея сердце дѣвичье. И Селима-то жаль ей храбраго витязя, ея суженаго... да и доля высокая манитъ ее къ престолу. А тутъ еще мать княгиня, русская плѣнница, захваченная въ гаремъ князя отца, расписываетъ ей яркими красками богатства и довольства земли Московской. И отецъ, и братъ отважный, безстрашный и жестокій къ врагамъ-набѣжчикамъ чужихъ племенъ, княжичъ Темгрюкъ,—всѣ ей одно въ ту пору твердили: нельзя-де царю всесильному отказывать. Налетятъ урусы, какъ черные вороны, въ Кабарду и разорятъ гнѣздо родовое

Темгрюковъ славныхъ, а ее—княжну, въ полонъ возьмутъ на потѣху цареву. Такъ ужь лучше миромъ да добромъ ѣхать и царицей Руси быть, нежели царевой наложницей.

Да и сама княжна недолго колебалась. Ужь больно хороши были дары, присланные ей отъ царя московскаго.

Ахнула дикарка восточная при видѣ камней самоцвѣтныхъ, зеренъ алмазныхъ, да штукъ соболей, да куницъ, да шелка и бархата, тисненаго узорами хитрыми. Къ тому же не одну ее въ далекую Русь отправляли. Ѣхалъ съ нею братъ-князь на службу царя московскаго, прельщенный его посулами [1]) на богатство да знатность...

Недолго колебалась красавица... А когда Селимъ грозиться ей сталъ, что не отпуститъ ее въ Москву, оговорила она его передъ отцомъ, что онъ на ея свѣтлыя очи зарится, и пропалъ безъ вѣсти въ ту же ночь Селимъ, вѣрный оруженосецъ княжій. Куда пропалъ,—про то знаютъ лишь стремнины горныя да бурливыя воды кипучаго Терека.

А княжна черкесская—стала царицею московскою.

Но не счастье нашла красавица въ высокомъ терему царскомъ. Душно, тяжело ей здѣсь. Не манятъ ее богатство и почетъ! Что въ нихъ, когда дни и ночи укрыта она отъ людей и только изрѣдка появляется она объ руку съ царемъ въ соборахъ во время праздниковъ церковныхъ либо полюбоваться порой на потѣху царскую. И тогда даже ревнивая фата скрываетъ ее отъ взоровъ любопытныхъ. И некому похвастать своей красотой пышной, уборомъ роскошнымъ тщеславной царицѣ. Царь!... Не любъ онъ ей... а порой даже и противны вовсе ласки его порывистыя, страстныя... Сама она нрава не мягкаго, а частенько дрогнетъ отъ ужаса, узнавъ о какой-нибудь кровавой расправѣ царя. Да къ тому же нѣтъ-нѣтъ и вспомнится несчастный Селимъ, по ея же волѣ загубленный. Смотрятъ на нее глаза его жгучіе, полные укора... а уста, словно живыя, шепчутъ: „Зачѣмъ погубила меня? Зачѣмъ прельстила красотою своей дивною, коли вмѣсто нея раннюю могилу дала?“

И жутко въ такія минуты царицѣ-черкешенкѣ... И сегодня нашло это на нее... Видится ей, вмѣсто узора росписного, шелками стеганнаго, блѣдное, искаженное лицо

---

[1]) Обѣщаніями.

Селима... Такъ бы и вскочила она сейчасъ, осѣдлать велѣла коня кабардинскаго и метнулась бы на просторъ, на волю, гдѣ горы высятся подъ небо синее, гдѣ кричатъ орлы да дикіе кречеты. Но не горы передъ нею, а стѣна тюремная... Стрекочутъ по-прежнему дородныя боярыни, осмѣлѣвшія, видя царицыну задумчивость... Шьетъ и нижетъ красавица Фима сѣроокая... Теремъ... неволя... Душно въ немъ царицѣ, дюже душно...

Но что это?.. Смолкли боярыни, переполошились... глаза потуплены долу...

— Царица-матушка... — шепчетъ ей дородная Чоботова,—самъ осударь къ тебѣ жалуетъ...

Вспыхнула царица, вскочила... Дрожащими руками черныя косы хватаетъ, подъ убрусъ закладываетъ... Тѣлогрѣю парчевую на плечи вздымаетъ... Да гдѣ ужь тутъ?!. На порогѣ государь стоитъ, ея смятеніемъ любуется...

Боярыни съ поклонами къ противуположной двери пятятся. Фима за ними идетъ.

— Куда ты?—останавливаетъ ее государь,—не чужой я, чай, тебѣ, дядя троюродный...—и ласково глядитъ на зардѣвшуюся дѣвушку.—А ты што?—обращается онъ въ сторону царицы,—оставь убрусъ, не напялишь все едино! Да и такъ много ты краше, Марьюшка! Не пристала къ тебѣ кика тяжелая, што говоритъ! Сиди ужь простоволосая! А, ишь, косы-то, косы у тебя! Поищи косъ такихъ другихъ, по всему свѣту не сыщешь!—И царь шутливо разбросалъ черныя косы царицы вдоль ея стройнаго, почти что дѣвичьяго стана.

Фимушка ниже потупилась. Не гоже ей на мужскія, хотьбы царскія, шутки съ женой смотрѣть. Дѣло ея дѣвичье.

— Что прилежничаете? — милостиво спрашиваетъ царь, поглядывая на пяльцы жены и племянницы.—Доброе дѣло!.. А я къ вамъ съ новостью... Тяжко мнѣ эту пору отъ крамолъ боярскихъ... Вонъ Колычевы усердствуютъ... да и почтенный владыко то-жъ... За колдовство, за волхованіе принялись... Супротивъ меня владыку родичи направляютъ; не надо-де опричнины и раздѣла не надо государственнаго, а про то мнѣ вѣдомо — надо аль не надо чего!.. Такъ што бишь я?—внезапно перебилъ себя на мысли Иванъ, вспомнивъ, что не дѣло раскрывать дѣлъ государевыхъ въ терему

бабьемъ.—Хочу потѣшиться малость... Новгородцы медвѣдемъ невиданной величины челомъ били. Сказываютъ, роста огромаднаго... Такъ травить его въ Залѣсьѣ будутъ... Хоша не въ пору оно, опосля Успеньева дня надоть-бы... да то бишь не охота заправская, а травля буде... И вамъ, бабамъ, на ту травлю поглядѣть сбираться мой царскій указъ. Рада чай? Вишь глаза-то словно уголья загорѣлись, фу ты!—съ явнымъ восхищеніемъ любуясь разомъ преобразившимся лицомъ царицы, съ усмѣшкой произнесъ Иванъ.

— Рада, осударь!—тихо молвила Марія, а у самой сердце дрогнуло отъ восторга небывалаго. „На людяхъ буду,—мыслится красавицѣ. — Покрасуюсь хошь передъ удалыми дружинниками, ловчими да доѣзжачими царскими“.

— Ну, а ты, Фима? А ты рада-ли, царевна несмѣяна, тихоня ты наша?—ласково обратился Иванъ съ вопросомъ къ племянницѣ.

Вспыхнула княжна, поднялись потупленныя доселѣ очи сѣрыя, глянула на дядю.

— Уволь, осударь!—молвила тихо, почти шопотомъ.

— Што-жъ такъ? Аль боишься косматаго? Такъ вѣдь въ рыдванѣ сидѣть будешь, за спинами челяди хорониться, глупая.

— Не боюсь я... осударь батюшка! а не любо мнѣ глядѣть, какъ звѣря травить будутъ. Чѣмъ онъ повиненъ, а кровь свою проливать долженъ...

Нахмурился Иванъ. Въ рѣчахъ нехитрыхъ дѣвичьихъ намекъ усмотрѣлъ...

— Што такъ больно жалостлива?—съ легкой судорогой въ лицѣ, означающей начало волненія, спросилъ онъ.

— Такова ужь уродилась, не прогнѣвись, осударь.

— А крамольниковъ моихъ тоже поди жалѣешь?—неожиданно рѣзко произнесъ Иванъ и очами строгими, пронзительными такъ и впился въ княжну.

Дрогнула отъ страха Марья-царица, чуя приближеніе грозы. Глаза опустила.

А Фима не боится. Смотритъ царю въ очи спокойными, чистыми дѣвичьими очами... Смотритъ молча, а взоромъ говоритъ многое... И чудится что-то знакомое, почти забытое въ этомъ взорѣ царю, въ глазахъ этихъ чистыхъ, прекрасныхъ.

„Чтой-то? Словно Настя [1]) никакъ? — вихремъ проносится въ головѣ Ивана нежданная мысль. — Настя и есть... Фу ты, какъ схожа! Инда въ потъ вдарило! И глаза тѣ-жъ, и ликомъ кротка, и безстрашна, какъ та! Желанненькая... Вотъ-бы кого женою Ивашкѣ моему, чай тоже-бы отъ всякаго худа порою блюла, какъ и меня моя Настасья-покойница. Да нельзя. Кровь близка ужь гораздъ. Троюродные... Народъ завопитъ... Владыко!..“ — И при одномъ воспоминаніи о митрополитѣ и о невозможности имѣть невѣсткой княжну Евфимію снова собрались пропавшія было морщинки на челѣ царя и онъ снова готовился повторить свой грозный вопросъ племянницѣ, какъ вдругъ дверь горницы широко распахнулась, и двѣ дѣвочки-одногодки, въ легкихъ лѣтникахъ шелковыхъ, безъ повязокъ, съ коротко подстриженными косичками, болтающимися вдоль спинъ, словно ураганомъ, влетѣли въ свѣтлицу, хохоча и взвизгивая...

— Цыцъ, срамницы! — сверкнула на нихъ очами царица, — не видите, что осударь здѣсь.

— Не трошь ихъ, Маша! Пущай стрекочутъ, время ихъ таковское... Подростутъ — остепенятся...

— Ну, што вы, непутевыя? — обратился къ дѣвочкамъ государь, усаживая обѣихъ на своихъ колѣняхъ.

— Тятя! — вскричала царю старшенькая по виду — царевна Евдокія, дочь Ивана отъ перваго брака, некрасивая, но живая дѣвочка, — братецъ Ванюша сказывалъ, што потѣха въ Залѣсьѣ наказана... Ужь стрѣльцы и доѣзжачіи и хорты на конь садятся. Ведмѣдя, баютъ, травить будутъ... И рыдванъ сготовленъ — царицѣ, баютъ... Вотъ мы и помыслили съ Марюшкой...

И вдругъ неожиданно замолкла тараторившая безъ умолку дѣвочка... Только глазенками сверкаетъ да на подружку поглядываетъ. А та тоже молчитъ, только таково лукаво косится на царя.

Дѣвочка эта вторая — дочь князя Володиміра, тоже, какъ и Фимушка, взятая отъ отца и жившая при дворцѣ Ивана.

— Ну, што-жъ замолкли? Выкладывайте, непутевыя, — совсѣмъ уже развеселившись, произнесъ государь, цѣлуя дочь

---

[1]) Первая супруга Ивана, которую единственно любилъ этотъ грозный деспотъ.

и поощрительно поглядывая на хорошенькую румяную племянницу Марѳушу, свою любимицу.

А та и рада. Царевна много потише ея норовомъ будетъ. Не сумѣетъ она высказать своему державному отцу всей просьбы, ими задуманной. А она, Марѳа, хошь сейчасъ. Не боится она царя-дядю, вотъ нисколечки, ничего, што его вся Русь Грознымъ прозываетъ.

— А мы мыслили, што и насъ возьмешь!—неожиданно выпалила шустрая княжна и даже оглядѣлась по сторонамъ на радостяхъ, словно сказать хочетъ сестрѣ и теткѣ: „Вотъ я какова! Не боюсь его, да и только!“

— А какъ ведмѣдь тебя сцапаетъ? Вотъ этакъ-то!— И Иванъ шутливо повалилъ дѣвочку на колѣняхъ и сгребъ ее своими сильными руками.

— А я его изъ пистоли убью!—хохоча отъ удовольствія и предвкушаемой побѣды, лепечетъ Марѳуша. — У братца царевича пистолю возьму и—пифъ, пафъ!

— Ну, ладно, быть по вашему,—со смѣхомъ произнесъ государь,—только Фимушку просите, штобъ съ вами ѣхала, а то вотъ она заладила: не люба потѣха да не люба... Просите ее!—лукаво косясь въ сторону старшей племянницы, молвилъ Иванъ.

— И то, Фимушка! не препятствуй дѣтямъ потѣшиться...—уже ласковыми нотками зазвучалъ голосъ государя,—што тебѣ одной въ терему хорониться. День-то какой, глянь, ни облачка... Да и царицѣ веселѣе буде горазно!

— Твоя воля, осударь... Было-бы приказано,—согласилась покорная Фимушка.

— Ну, вотъ и разумница, вотъ и спасибо тебѣ!.. А теперь, непутевыя,—опять обратился царь къ дѣвочкамъ,—ступайте окручиваться [1]), да живо! День не гораздъ дологъ. Не ночью-жъ Мишку травить. Ступай и ты, Фима...

Дѣти живо соскользнули съ колѣнъ царя и на-перегонки съ хохотомъ и визгомъ бросились изъ свѣтлицы. Степенно и плавно отвѣсивъ поклонъ большого [2]) обычая царю, пошла за ними и статная Фима.

---

1) Одѣваться.
2) Земной поклонъ.

„И впрямь Настасья!“—мысленно произнесъ царь, съ удивленіемъ и лаской глядя вслѣдъ медленно удаляющейся красавицѣ дѣвушкѣ.

— Дозволишь и мнѣ обрядиться, осударь?—спросила царица, все еще простоволосая, съ разсыпанными вдоль стана косами, стоя передъ царемъ.

— Нѣ, пожди малость, Маша!—остановилъ ее царь и, притянувъ къ себѣ, посадилъ на колѣно,—Ты, може, тоже какъ Фима ведмѣдей да крамольниковъ жалѣешь? Молви.

Вспыхнули яркимъ румянцемъ щеки царицы Маріи. Прильнула она къ царю всѣмъ своимъ гибкимъ, ровнымъ, словно у мальчика, станомъ. Не любъ онъ ей, этотъ преждевременно состарившійся, похотливый и злобный Иванъ, да помнитъ она, что нельзя перечить ему въ ласкахъ... Помнитъ, что нелюбимыя жены царей русскихъ кончали вѣкъ свой въ келіяхъ монастырскихъ. Надо отвѣтными, значитъ, ласками его дарить, побороть гадливость и цѣловать морщинистыя щеки и уста горячія, ссохшіяся своими жаркими, молодыми устами.

— Твоя воля, государь мой милостивый, муженекъ мой богоданный,—шепчетъ съ дѣланной ласковостью царица,—и карать, и миловать ты воленъ... Коли крамольники они—чего ихъ жалѣть?!. Одна имъ дорога — на плаху да на висѣлицу... Убыли не будетъ на томъ родной землѣ, когда покараешь враговъ... а сугубо лучше будетъ... Меньше зла на Руси!..

— Молодецъ ты, Марья!—восторженно произнесъ царь,—хошь баба, а какую молвь молвила. Истинно, зла меньше будетъ. Желанная! Умѣешь ты успокоить меня! А ужь я-то иной разъ думаю: не зря ли головы сѣку... Не взыщетъ-ли Богъ? А ты вотъ молвила—зла меньше буде! И впрямь! Люблю тебя за это, Маша, что совѣсть мою ты успокоить умѣешь, што руку мою не отвращаешь отъ крамольниковъ, достойныхъ кары... Не бабья душа въ тебѣ, Марья. То мнѣ и любо... Люба мнѣ ты, ягодка... ой, какъ люба порою! Чего хочешь проси, все тебѣ сейчасъ сдѣлаю...—неожиданно заключилъ опьяненный горячими поцѣлуями и ласками жены Иванъ.

И Марья царица попросила... На языкѣ эта просьба у нея давно была... Но не вслухъ изложила она ее, а на самое

ухо царя тишкомъ-шопотомъ... словно отъ сорома шелковымъ рукавомъ рубахи закрываясь. Услышавъ ея просьбу, сначала блеснули удивленіемъ очи царя, а потомъ сморщилось пуще его лицо, только не отъ гнѣва, а отъ смѣха. Засмѣялся Иванъ звучно, въ голосъ, затрясся индо весь.

— Ай да Маша!—захлебываясь приступами хохота, молвилъ онъ, еле приходя въ себя,—экъ, куда хватила!.. Не бывало еще такихъ на Руси! Да, и то сказать, и того не бывало, штобъ цари русскіе изъ вольной Черкесіи женъ себѣ добывали... Кто мнѣ указъ?! Самъ я себѣ указчикъ и владыко... Инъ будь по твоему... По нраву мнѣ пришлась твоя просьба... Да и отъ слова не отступаюсь, — сказано. Валяй во всю! Глянь только, на боярынь сорома не напусти зря. Помрутъ!

И снова разсмѣявшись раскатистымъ, веселымъ смѣхомъ, царь прижалъ къ себѣ Марію, съ страстной нѣжностью поцѣловалъ ея счастливое, возбужденное лицо долгимъ поцѣлуемъ огненнымъ...

А боярыни и сѣнныя дѣвушки на женской половинѣ царскаго терема диву давались и переглядывались между собой въ великомъ недоумѣніи. — Что-де сталось съ царемъ? Давно не слышно было веселаго смѣха у батюшки. Смѣялся онъ дико и злобно только при видѣ мученій крамольниковъ своихъ, злодѣевъ бояръ. А тутъ нако-ся! Есть чему подивиться! Смѣется царь, да таково весело, беззаботно, что точно гора съ плечъ у него скатилась и очистилъ онъ Русь отъ измѣны лукавой.

ГЛАВА VI.

Потѣха царева.

Длинная вереница всадниковъ потянулась отъ новой Слободы, названной такъ въ отличіе отъ старой, находящейся отъ нея въ пяти верстахъ по сю же сторону Сѣры, по направленію къ Залѣсью. Такъ называлось лѣсистое мѣсто за озеромъ Дичковскимъ, гдѣ были устроены „затравы“ царскія для всякаго звѣрья, доставляемаго по большей части изъ Новгорода, а то и изъ прочихъ концовъ Россіи. Далеко раскинулся поѣздъ царскій... Хорты, доѣзжачіе и ловчіе бердышами поблескиваютъ, шестоперами да ножами вострыми, заткнутыми за поясъ, дорогой чеканки. Царскіе псари въ парадныхъ кафтанахъ тащутъ цѣлую свору курцовъ [1]), прихваченныхъ на крѣпкихъ цѣпяхъ кованыхъ къ поводьямъ коней. Курцы лаютъ и прыгаютъ, предвкушая скорую забаву. Дюже злы они, давно не кормлены, што-бъ ярости въ нихъ къ звѣрю поболѣ было. Самъ царь ѣдетъ въ кучкѣ первыхъ чиновъ опричины на сѣромъ въ яблокахъ аргамакѣ, крытомъ попоною аксамитовою съ кистями золотыми. На гривѣ аргамака сѣтка прядильнаго золота навѣшана. Подъ уздой въ шесть рядовъ цѣпь звенящая. На копытахъ бубенцы серебряные. Весь чепракъ нѣмецкаго сафьяна тисненаго, а лука золоченая камнями драгоцѣнными выложена. На царѣ чуга тіусиноваго [2]) цвѣта изъ аксамита заморскаго. Опояска грани червоннаго золота съ плащами [3]) и камнями самоцвѣтными. Петлицы жемчугу

---

1) Борзыя собаки.
2) Фіолетоваго.
3) Съ бляхами.

дробнаго [1]) низаны, запоны яхонтовыя вдоль полы настеганы. Чекань [2]) и кистень за поясомъ заткнуты. Сайдакъ [3]) за спиною виситъ, а на головѣ мурмолка златная съ бобровымъ околомъ и перевиткой изъ бляхъ жемчужныхъ. За нимъ окольничій шестоперъ и посохъ везетъ царевъ. Въ рукѣ на-готовѣ кинжалъ далмацкій держитъ, рубиномъ и яхонтомъ по рукояткѣ усыпанный, на ногахъ сафьяна нѣмецкаго сапоги красные съ золотыми подковками.

А подлѣ царя по одну сторону царевичъ Иванъ ѣдетъ на ворономъ аргамакѣ арабской крови, а по другую, близко, близко отъ царскаго повода держась,—отрокъ красоты диковинной въ роскошномъ кабардинскомъ нарядѣ: въ шальварахъ алыхъ, да въ бешметѣ голубомъ, да въ папахѣ бѣлой козьяго мѣха, на чело надвинутой, изъ-подъ которой сверкаютъ и жгутъ огнемъ искрометнымъ громадные, острые глаза отрока.

И у него лукъ и стрѣлы къ сѣдлу прикрѣплены, и кинжалъ въ ножнахъ съ насѣчкой драгоцѣнной у пояса болтается. А кругомъ весь синклитъ царя скачетъ—рыжеволосый, бородатый Малюта, словно вросшій въ сѣдло всей своей богатырской нескладной фигурой, на маленькой татарской лошаденкѣ, и черноусый, черноглазый Михаилъ Темгрюковичъ, отважный, безстрашный и жестокій черкесскій князь, родной братъ царицы, и женоподобный Ѳеодоръ Алексѣевичъ Басмановъ на свѣтломъ аргамакѣ невиданной красы, отбитомъ имъ у самого мурзы татарскаго во время послѣдней схватки съ агарянами подъ Рязанью, гдѣ онъ недолго, но успѣшно воеводствовалъ.

Хорошъ, на-диво хорошъ любимецъ царскій въ своемъ терликѣ [4]) изъ алтабаса [5]) цвѣта радужнаго, въ тафьѣ алой, жемчугами унизанной да соболемъ обшитой. Молодцевато скачетъ онъ на своемъ конѣ, взорами такъ и играетъ, што твоя прелестница завзятая. Такъ и норовитъ на глаза царю попасться: то гарцуетъ, красуясь, то вдругъ рысью метнется въ сторону отъ царскаго поѣзда.

---

1) Мелкаго.
2) Топорикъ съ узкимъ лезвіемъ.
3) Приборъ, состоящій изъ лука и стрѣлъ.
4) Полукафтанъ.
5) Шелковая ткань.

Недалече отъ него другіе два любимца царева скачутъ: Вяземскій князь Афанасій Ивановичъ, въ сопровожденіи своихъ первыхъ подручниковъ—Истомы Никитича Качалова да Ѳедьки Ловчикова, отчаяннѣйшаго изъ опричниковъ, облагодѣтельствованнаго имъ съ юныхъ лѣтъ, да черноглазый, стройный юноша съ не русскимъ лицомъ, ранѣе рындъ, а нонѣ стольникъ царскій Борисъ Годуновъ, дальновидный, спокойный, большого ума парень, даромъ что на губахъ молоко не обсохло.

А рядомъ съ Борисомъ Максимъ Скурата-Бѣльскій ѣдетъ. Не веселъ онъ... Голову на грудь опустилъ, поводья изъ рукъ выронилъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и оглянется назадъ, гдѣ далеко, за толпой хортовъ, доѣзжачихъ, ловчихъ да выжлятниковъ царскихъ, колымага крытая ѣдетъ... За шелковою завѣсью, знаетъ Максимъ, сидитъ княжна Евфимія съ царицей и сестрами-дѣвочками, съ боярыней Чоботовой да ея сестрой Марьюшкой, приближенной теремной боярышней. И какъ взглянетъ Максимъ на колымагу, такъ сердце въ немъ и замретъ.

Разъ только въ Петровъ день видалъ онъ княжну въ соборѣ... Только встрѣчи этой ему во вѣкъ не забыть. Стоялъ онъ со своей „братіей“ посреди храма въ скуфьѣ, въ рясѣ монашеской, какъ по цареву уставу велѣно имъ быть... Стоитъ... Херувимскую зачали выводить клиряне, и вдругъ его что-то толкнуло впередъ... Глянулъ—боярышня подъ фатою въ царскомъ предѣлѣ позади царицы стоитъ... Фата-то чуть отогнулась, лицо видать... пригожее... бѣлое... глаза ясные къ небу подняты... Молится жарко... о чемъ—невѣдомо... Слезы дрожатъ на рѣсницахъ долгихъ... Съ той поры сердце ей и отдалъ Максимъ. Зналъ, что не гожее это дѣло, что не на радость зазнобила его княжна, да что-жъ подѣлаешь? Сердцу приказать не воленъ молодецъ.

Видалъ онъ и послѣ княжну, да только лика ея прекраснаго больше не видѣлъ... Подъ фатою кисейною скрывалась боярышня, словно чуяла, что грѣховныя мечты въ сердце молодеческое заронила...

И не вѣдаетъ княжна Евфимія, что полонила сердце юношеское горячее, что у Максима Бѣльскаго только и мысли нонѣ что о ней... Ѣдетъ она въ колымагѣ просторной, коврами обложенной, среди сестеръ да подружекъ подъ надзоромъ строгой мамы-боярыни. Стрекочутъ какъ птички сестры... и ца-

ревна Евдокія Ивановна, и Марѳуша княжна... Любо имъ, что вырвались изъ терема. Хоть и тутъ онѣ взаперти не хуже теремнаго, за шелковыми плотными стѣнками колымаги, да все-жъ сквозь окошечки слюдовыя видны имъ и поѣздъ охотничій, и ловчіе, и доѣзжачіе съ собакими на цѣпи... И хвостъ свиты царской имъ виденъ.

— Вонъ, Максимъ Григорьевичъ—братъ твой—ѣдетъ!— подталкиваютъ онѣ задумавшуюся въ своемъ уголку Марію Григорьевну Скуратову.

Не весела что-то Марья Григорьевна съ того самаго вечера, какъ съ Истомой въ саду видалась она.

Оттолкнулъ ее тогда Истома, насмѣялся надъ ней, да только отъ этого зазноба ея сердечная не уменьшилась, а словно-бы и больше прежняго распалилась сердцемъ дѣвушка.

И злость-то ее забираетъ, и гнѣвъ лютый, да и любовь-злодѣйка за сердце щиплетъ.

Не вытерпѣла она, развѣдала, что „вѣщая женка“ [1]) въ слободкѣ живетъ, близъ торжища, и съ Матрешей туда вѣрной сбѣгать рѣшилась въ первое же новолуніе. Будь, что будетъ. А молодца она попытаетъ приворожить.

И снова сладкою надеждой наполняется сердце дѣвушки...

— Жалость какая, что на самую травлю глядѣть нельзя,— лепечетъ съ сокрушеніемъ царевна Дуня. — Батюшка баялъ, шатры намъ разобьютъ на опушкѣ...

— И то ладно! — бойко вторитъ ей сестра троюродная, быстроглазая Марѳуша.—Не больно-то гораздъ въ терему сидѣть... Все-же на волюшкѣ...

— И то сказала—волюшка! — протестуетъ капризно царевна.—Съ Фимушкой-тихоней да боярыней-соней што за волюшка?!

— Ась? На что я тебѣ занадобилась, свѣтикъ царевна?— раздается заспанный голосъ изъ угла рыдвана и на самомъ дѣлѣ успѣвшей уже вздремнуть дородной боярыни.

— Нишкни!—подталкиваетъ Евдокію веселая Марѳуша,— быдто и мы спимъ! — и она начинаетъ умышленно похрапывать носикомъ. Потомъ неожиданно раскатывается громкимъ, веселымъ хохотомъ.

Между тѣмъ царскій поѣздъ охотничій достигаетъ опушки.

---

[1]) Предсказательница, ворожея.

За нею начинается Залѣсье, часть котораго для травли огорожена.

Доѣзжачіе и хорты съ ловчими спѣшиваются и окружаютъ царя, ожидая приказаній. Но вотъ ударили въ литавры, загудѣли гудки, забили накры [1]), спустили курцовъ съ цѣпей, съ лаемъ рвавшихся изъ рукъ охотниковъ. Стрѣльцы оцѣпили ту часть лѣса, которая была назначена для травли, съ гикомъ и криками, и охота началась.

— Любо-ль тебѣ? — наклоняясь къ лукѣ, шопотомъ спрашиваетъ царь у дивнаго отрока, ни на шагъ единый не отстававшаго отъ него весь путь.

— Любо, ой любо, желанный мой, соколъ мой ясный! — шепчетъ ему въ отвѣтъ отрокъ и глаза его чудно сверкаютъ изъ-подъ темныхъ бровей.

— А не признали вѣдь дурни мои! — смѣется Иванъ, окидывая всю стройную фигуру отрока горячимъ взоромъ.

— Гдѣ признать, осударь, самъ вѣдаешь!

— Ну, чай, не всѣ-то олухи... Бориска—тотъ глазами такъ лопаетъ. Не вѣритъ поди, что кабардскій князекъ къ Михайлѣ Черкасскому въ гости пожаловалъ! А боярыня постельная, я чай, съ сорому померла, какъ штаны тебѣ подавала. — И Иванъ въ голосъ расхохотался, воображая тучную боярыню, одѣвавшую царицу.

Дѣйствительно, правъ государь; не узнать въ этомъ красавчикѣ, паренькѣ кабардинскомъ, молодую царицу Марію, испросившую надѣть мужской нарядъ у царя и въ потѣхѣ травли участвовать. Любо ей скакать на удаломъ аргамакѣ, любо, какъ въ былые дни дѣвичества, натягивать тетиву и пускать стрѣлу наугадъ въ темную дубраву Залѣсскую... Упросила она царя переодѣться въ родной свой бешметъ, да шальвары черкесскія и хоть на денекъ упиться вдоволь волюшкой недолгой. Знала чѣмъ взять Ивана лукавая черкешенка, когда шопотомъ, полнымъ страстныхъ посулъ да ласки, шептала она на ухо царю:

— Не воленъ ты, родимый, брать меня на потѣху съ собою... Засмѣютъ бояре ближніе... Ишь-де царица-то сорамничаетъ... парнишкой рядится. Не гожее дѣло, скажутъ... Мы на то не указываемъ!

---

[1]) Родъ литавръ.

— Какъ не указываемъ? — такъ и вскипѣлъ Иванъ, — нешто по ихъ указу я дѣйствовать долженъ! Не буде того! Окручивайся, какъ надумала.

А царицѣ того и надо... Шальвары надѣла, бешметъ атласный, что до сей поры на самомъ днѣ тяжелой укладки лежалъ, и такъ-то обряжена вышла къ царю.

— Ай да баба! Ай да князекъ кабардинскій! Знатно! Еще такого на Руси не видано!

Много смѣялся въ терему Иванъ надъ своей да надъ царициной выдумкой. Смѣется и теперь... Не помнятъ опричники царя, чтобы Грозный Иванъ Васильевичъ таково веселъ былъ.

И самъ себя не узнаетъ Иванъ.

— Зачинать травлю прикажешь, царь?—словно изъ-подъ земли вырастаетъ передъ нимъ Михайло Темгрюковичъ...

— Зачинайте, съ Богомъ!

Разсыпались по лѣсу охотники... Въ литавры бьютъ загонщики... Въ гудки гудятъ... Звѣря на бой вызываютъ. Но Мишка забрался видно въ чащу, не хочетъ выходить... За то цѣлая стая зайцевъ, спуганная гиканьемъ, высыпала съ перепугу прямо на охотниковъ и разсыпалась по кустамъ. А тѣ не зѣваютъ... Борзыхъ спустили... Съ лихимъ гиканьемъ „уй, уй!“ несутся они на коняхъ быстрыхъ во главѣ съ царемъ и отрокомъ черкесскимъ, никѣмъ не признаннымъ.

Радостно на душѣ Маріи... И день-то дивный таковой, и воздухъ теплый, началомъ осени вѣетъ. Скачетъ о-бокъ съ царемъ царица, а мысли еще пуще взыгрались подъ папахой, на лобъ нахлобученной.

Грезится ей въявь Кабарда родная и шумливыя воды Терека, и Селимъ чернооκій, любимый, ей смѣется... Нѣтъ его болѣ... ни въ Кабардѣ... ни на цѣломъ свѣту... Самъ виноватъ въ своей гибели... Что замыслилъ ей, царицѣ земли русской, поперекъ пути стать... Вздумалъ упрекать ее за любовь недолгую! Она-ль не глава себѣ?! И не дурой родилась она: знамо, лучше царицей россійской быть, нежели бѣглянкой отъ отцовыхъ взоровъ въ аулахъ лезгинскихъ таиться!

Ишь, што выдумалъ!

А все же погибъ Селимъ, и нѣтъ-нѣтъ и вспоминается о немъ царицѣ.

Много витязей русскихъ за ними скачутъ, а такого мо-

лодца другого не сыскать ей на Руси... А сердце любви проситъ, да не той, которою мужъ постылый ее милуетъ... А жаркой любви, отвѣтной, восточной, горячей кровью созданной, отъ коей огнемъ бы все тѣло молодое горѣло да кровь кипѣла ключомъ.

И шибче гонитъ коня Марія, изо всѣхъ силъ нагайкой шелковой хлещетъ и, выхвативъ ножъ изъ-за пояса, на-готовѣ держитъ, чтобъ въ перваго попавшагося зайчонка по рукоять всадить...

ГЛАВА VII.

Спаситель.

Межъ тѣмъ и колымага съ царевной и княжнами на опушку подъѣхала... Охотники всѣ въ лѣсу скрылись, только стражники, изъ нижнихъ чиновъ опричины, кой-гдѣ межъ деревъ виднѣются, а надъ стражниками Максимъ Скурата оставленъ за главнаго... По дорогѣ ножъ утерялъ, а безъ ножа на охотѣ, что безъ веретена по воду идти... Схоронился за кустами, а самъ нѣтъ-нѣтъ и глянетъ въ ту сторону, куда колымага подъѣхала.

Вышла княжна Евфимія изъ рыдвана; за ней сестры-малолѣтки; царевна Евдокія да княжна Марѳа и Марьюшка Скуратова выскочили... Боярыня Чоботова, кряхтя, вылѣзла... Сѣнныя дѣвушки... Челядь шатеръ разбила у самой опушки, подалѣ отъ царской ставки охотничьей, штобъ ненарокомъ не видалъ кто теремныхъ затворницъ. Хоша и подъ фатой онѣ, а все негоже. Скатертцами накрыли траву... Яства поставили на посудинахъ—блюдахъ сердоликовыхъ да изъ горнаго хрусталя. А на блюдахъ тѣхъ на потѣху дѣвичью чего-чего не накладено: и анисъ, и миндаль-то въ сахарѣ, и сыченый медъ, и варенья изъ кишнеца, и пряники имбирные, и ягоды въ патокѣ... Всего тутъ вдоволь...

Кушаютъ дѣвушки, а сами поглядываютъ: не блеснетъ-ли гдѣ поблизости одежа, золотомъ шитая, аль грива лошади какого молодца доѣзжачаго... Нѣтъ никого... Тихо кругомъ... Только издалече глухими звуками шумъ охоты доносится.

— Скучно какъ! и тута все одно што въ терему, ни народа тебѣ, ни веселья!—вдоволь накушавшись всякихъ сла-

стей, шепчетъ царевна Дуня,—инъ, што выдумалъ батюшка! А я другое мыслила...

— Ой, дѣвушки, не вмоготу, пить хочу! — произнесла Марьюшка Скуратова.—Тутъ родникъ поблизку есть... Слышь, шумитъ... Пойдемъ пить, княжна, вишь, и ты дорогой сморилась.

А сама изъ-подъ навѣса шатра поглядываетъ—не видать-ли Истомы Никитича, гдѣ не остался-ли на опушкѣ ненарокомъ. Авось ей и встрѣтится...

— Не осерчалъ бы дядя-осударь!—усумнилась Фима.

— Ну, вотъ ужь такъ и осерчаетъ сейчасъ! Што ты, княжна!—рѣзко засмѣялась Марья.

Знаетъ боярышня, что всякое слово ей съ рукъ сойдетъ, што-жъ церемониться. Передъ ней не кто иной, а князя опальнаго дочь. А она—Малютино дѣтище, такихъ, какъ Малюта, немного слугъ у царя.

— И то пойдемъ, царевна съ боярыней да княжной Марѳой останется, а мы дѣвушекъ возьмемъ да къ родничку и сходимъ. Недалече онъ.

— И мы, и мы съ вами!—всполошились дѣвочки.

— Храни Господи! Што вы, милыя, окститесь! — такъ и закудахтала боярыня. — Што мнѣ, на плаху изъ-за васъ идти, што-ль?!

— И то впрямь, боярыня, поблюди царевну! А мы живо!

И быстрая Марьюшка подватила за руку княжну и, крикнувъ сѣннымъ дѣвушкамъ слѣдовать за ними, скрылась за деревьями.

Но нигдѣ, какъ ни искали боярышни, родника не оказывалось... И вправо, и влѣво брали—нѣтъ ключа да все тутъ. А межъ тѣмъ шумъ охоты царевой все глуше и глуше становится... Солнышко низко къ верхушкамъ сосенъ спустилося... Скоро и вовсе вечерѣть зачнетъ.

— Назадъ-бы, — шепнула боязливая Фимушка, — поди, боярыня сумлѣвается—не заблудились-бы.

— Ништо ей!—тряхнула головой Марья, а сама все нѣтъ-нѣтъ и оглядываетъ, не слѣдуетъ ли за ней ненарокомъ Истома Никитичъ, не одумался ли невзначай да не забилось-ли его сердечушко любовью отвѣтной.

— Глянь-ка-сь, княжна-красавица, ягодка! — крикнула одна изъ сѣнныхъ боярышень,—вишь ты, поздняя какая! А вона еще и еще!

Разсыпались дѣвушки... Отъ ягодки къ ягодкѣ... Глянь, и въ чащѣ онѣ...

Жутко кругомъ... Деревья кольцомъ тѣснымъ обступили... Темно отъ гущи ихъ вѣтвей стало...

— Не далече ли зашли? — опасливо оглядываясь, произнесла Фимушка.

— И то далече, пойдемъ-ка-сь вспять!—рѣшила Марья, обманувшаяся въ своихъ мысляхъ увидать Истому.

И бросилась обратно вся небольшая кучка притихнувшихъ дѣвушекъ, ища тропинки, по которой зашли онѣ сюда въ лѣсную глубь. Вотъ, кажись, и она...

— Ну, теперь айда!—крикнула Марьюшка...

Но чу! явственно и гулко послышались чьи-то тяжелые шаги изъ чащи имъ навстрѣчу.

— Кто-нибудь изъ доѣзжачихъ сюды забрелъ ненарокомъ. Ахти намъ, дѣвушки!.. Соромъ то какой, коли встрѣтитъ здѣсь!—зашептала сконфуженная княжна Евфимія.

— И то соромъ! А ну-ка, дѣвоньки, бѣгомъ, вразсыпную! — крикнула одна изъ ближнихъ боярышень и метнулась впередъ... И вдругъ закричала не своимъ голосомъ. Раздвинулись кусты и не молодецъ доѣзжачій, не удалой опричникъ выскочилъ изъ чащи, а большой, страшный съ вида бурый медвѣдь, ломая по пути вѣтки старыхъ и гибкіе стволы молодыхъ сосенокъ, шелъ прямо навстрѣчу дѣвушкамъ.

Дружный отчаянный визгъ встрѣтилъ неожиданное появленіе чудовища. Вразсыпную кинулись дѣвушки, кто куда. И про княжну забыли...

А она вся блѣдная, охваченная трепетомъ, шагу не можетъ сдѣлать... рученьки къ груди прижимаетъ и словно зачарованная смотритъ въ самую пасть лютаго звѣря. И радабы бѣжать по примѣру подругъ Евфимія, да ноги не несутъ боярышню, подкашиваются, а зубы отъ охватившей ее трясовицы одинъ на одинъ не попадаютъ.

— Смерть! Смерть! Конецъ мой пришелъ!—шепчутъ беззвучно побѣлѣвшія губы дѣвушки. — Свѣтъ Божій, красное солнышко, сестра Марѳуша, братецъ Вася, государь-дядя, родимый мой батюшка... всѣ прощайте!..

Упала на колѣни Фима, жарко молится... Не видитъ она, какъ изъ-за куста молодой опричникъ, все время слѣдовавшій издали за дѣвичьей толпой, вытащилъ стрѣлу изъ колчана,

въ лукъ вдѣлъ и, прямо въ глазъ звѣрю нацѣля, спустилъ.

Взревѣлъ Мишка, на заднія ноги всталъ дыбомъ, пошелъ на обидчика, а у самого изъ вытекшаго глаза стрѣла торчитъ и кровь сочится.

Оглянулась Фима, только вскрикнула и руками лицо прикрыла... Стоитъ съ топоромъ наготовѣ красивый русокудрый юноша, знаетъ она его, не разъ изъ терема видала въ толпѣ опричниковъ, знаетъ, что сынъ онъ Малюты безжалостнаго, братъ черноглазой Марьюшки.

Но хоть и проклятаго роду Скуратовскаго онъ, а все же неповиненъ онъ ни въ чемъ, не воленъ отвѣчать за грѣхи отца. Страшно за него княжнѣ. За нее вѣдь онъ въ бой со звѣремъ вступаетъ... Да и пригоже, и кротко само по себѣ лицо юноши... Словно бы онъ не сынъ того рыжебородаго ката, котораго и сама Евфимія княжна пуще всего боится... А медвѣдь все ближе да ближе подбирается къ юношѣ, на заднихъ лапахъ идетъ, ревъ испускаетъ дикій... мохнатыя объятія свои ему протягиваетъ...

Мигъ—и засвистѣлъ въ воздухѣ стальной бердышъ и вонзился со всего размаху въ черепъ звѣря. Захрустѣло въ немъ что-то только...

Не далъ одуматься медвѣдю Максимъ, кинулся къ нему и ножъ по рукоять въ мохнатую грудь звѣря изо всей силы вонзилъ.

Не видала того Фима, не видала, какъ тяжело грохнулось на траву чудовище... Ручками бѣлыми лицо закрыла и на траву бросилась ничкомъ, чтобъ того ужаса не узрѣть.

Склонился надъ нею Максимъ и шелохнуться боится... Смотритъ, затая дыханіе, на княжну любимую, желанную, на которую допрежъ того взглянуть не смѣлъ, а теперь руками своими сильными приподнимаетъ...

Поднялъ дѣвушку и понесъ ее къ опушкѣ.

У самаго конца чащи сосновой словно опомнилась Евфимія... Глянула... На рукахъ она красиваго юноши лежитъ, того самаго, что ее отъ лютой смерти спасъ... Дрогнули рѣсницы шелковыя на лицѣ княжны, алой краской блѣдныя щеки запылали...

Спустилъ ее съ рукъ Максимъ. Отошелъ немного, а взора съ лица ея нѣжнаго такъ и не спускаетъ.

— Спасибо тебѣ, Максимъ Григорьевичъ, кабы не ты, не видать-бы мнѣ свѣту бѣлаго.—шепнула чуть слышно красавица.

— Што ты, княжна Евфимія Володиміровна, — страстно вырвалось изъ груди Максима,—статочное ли дѣло тебѣ меня, смерда, холопа твоего вѣрнаго, благодарить. Не на чемъ, боярышня свѣтлая! Глазомъ только поведи, али бровью соболиною, и не токмо на медвѣдя, на плаху за тебя пойду.

Сказалъ, а самъ, словно обезпамятѣвъ, въ чащу шарахнулся, только и успѣлъ крикнуть:

— Не выдай осударю, не то всѣмъ сѣннымъ боярышнямъ и мамѣ боярынѣ карачунъ придетъ, што онѣ тебя допустили до страху этакаго...

Сказалъ и, словно и не было его, исчезъ.

„Во снѣ или въявь это все?“—мыслитъ княжна, выходя на лужайку, гдѣ ее ждутъ на-смерть перепуганныя боярышни.

И впрямь, словно-бы во снѣ!..

И медвѣдь страшенный, въ чащѣ поверженный лѣсной, и юноша Максимъ съ рѣчами ласковыми, со взоромъ преданнымъ, пламеннымъ. „Смердъ я... холопъ твой... не токма на медвѣдя лютаго, а на плаху за тебя пойду“,—стоитъ въ ушахъ княжны знакомый нѣжный голосъ.

И словно жалостью, словно тепломъ и невѣдомымъ ей еще доселѣ чувствомъ наполняется сердце дѣвушки...

Задумчивая возвратилась княжна къ колымагѣ, а тамъ вой идетъ поголовный. Не чаютъ ее ужь въ живыхъ видѣть... Готовятся держать отвѣтъ передъ Грознымъ царемъ за погубленную ненарокомъ царскую племянницу.

И вдругъ сама она, княжна Евфимія, здоровая, невредимая явилась передъ ними.

Кинулися къ ней со всѣхъ ногъ боярышни.

— Слава те, Господи, жива княжна! Минула кара небесная!

— Убѣгла, Фима, отъ медвѣдя, знать?—тихонько допытывается царевна, напуганная на-смерть участью троюродной сестры.

— Убѣгла!—тихо срывается съ устъ княжны, а передъ очами, затуманенными слезой непрошенной, такъ и носится образъ юноши-опричника, такъ и слышится его, полный ласки, голосъ: „Смердъ я, холопъ твой... Прикажи, не токмо на медвѣдя, на плаху пойду“.

— Слава те, Господи! Уберегъ Ты княжну!—шепчетъ напуганная не менѣе другихъ Марьюшка. Знаетъ она, что какъ

ни всесиленъ отецъ, а все-же и дочь родную по приказу цареву въ застѣнокъ сведетъ, коли княжна съ ея вѣдома попала бы въ когти звѣрю.

Глянула княжна на черноглазую, некрасивую Марьюшку да какъ всколыхнется вся...

Даромъ, что пригожества нѣтъ братнева въ лицѣ боярышни, а все-жъ что-то схожее, родственное въ обликѣ лица примѣтно.

Видать сразу, что сестра Максиму она!

И, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, нѣжно привлекла къ себѣ на грудь Марью Бѣльскую княжна Фима и жарко ее въ уста самыя поцѣловала.

Потомъ всѣ снова въ колымагу усѣлись и, не дожидаючись возвращенія царева, опять въ слободу потянулись, окруженныя челядью дворцовою.

По дорогѣ заставила крѣпко поклясться Евфимія младшихъ сестеръ, штобы ни государю, ни царицѣ-матушкѣ о медвѣдѣ ничего не вѣдомо было.

Побожилась царевна, за ней Мароуша.

Жаль имъ подводить подъ лихо и маму-боярыню и сѣнныхъ боярышень-дѣвицъ.

А царь съ охоты недовольный и хмурый на этотъ разъ въ слободу вернулся.

Рѣдкаго звѣря, присланнаго ему въ даръ Новогородомъ, чаялъ онъ на глазахъ своихъ царскихъ затравить, а невѣдомо кто помимо воли его свалилъ медвѣдя. Далеко въ сторонѣ за затравой его зарѣзаннымъ нашли. А кто зарѣзалъ и допытать нельзя. Не сознаются охотники.

Во весь обратный путь разгнѣванный Иванъ слова никому не сказалъ ласковаго. Даже отрокъ кабардинскій не плѣнялъ его болѣе... И не глядитъ на него даже царь. И ѣдетъ отрокъ поникшій, печальный съ потухшими очами, какъ-бы разомъ всю красу свою прежнюю утратившій.

А какъ вернулся царь въ слободу, вмѣстѣ съ Малютой рыжимъ да Михайломъ, шуриномъ своимъ, прошелъ въ застѣнокъ прямо, челядь бояръ Колычевскихъ пытать, признанье у нихъ вынуживать: правда-ль, нѣтъ-ли, что Филиппъ владыко ворожествомъ и колдованіемъ занимается, а бояре Колычевы мнятъ его, осударя, извести да вмѣстѣ съ Сильвестромъ разстригой брата государя, князя Володиміра, посадить на столъ московскій?!..

ГЛАВА VIII.

У вѣщей женки.

На самомъ краю слободы, почти у самой заставы слободской стоитъ небольшая избенка тесовая подъ черепичной крышей.

Единственнымъ окномъ своимъ выходитъ избенка на самую рѣку Сѣру, гдѣ за запрудой въ родѣ какъ-бы болотце отведено.

Въ избенкѣ „болотной“, какъ ее называютъ слобожане, живетъ знахарка травница, она-жъ и „вѣщая женка“ тожъ.

Но какъ благочестивъ батюшка-царь и всякаго нечистаго ворожейнаго духа у себя не выноситъ, такъ и „женка вѣщая“ хоронится отъ царя подъ видомъ торговки-пирожницы; лавочку свою на торжкѣ имѣетъ.

А знаютъ ее всѣ опричники въ слободѣ, знаютъ за великую вѣдунью и приворотницу. Много корешковъ у Анфисы Потаповны припасено. И отъ лиха и навѣта людского, и отъ порчи, и отъ болѣстей разныхъ.

Есть у Анфисы Потаповны и такой корешокъ, чтобы молодецъ удалой безъ памяти полюбилъ красну-дѣвицу.

Вотъ за такимъ-то корешкомъ и отправилась въ темную августовскую ночку Марья Григорьевна Скурата-Бѣльская, въ сопровожденіи вѣрной своей Матреши. Поверхъ лѣтника покрылась съ головой большимъ платкомъ боярышня, чтобъ не дознались ненарокомъ кто идетъ. А дознаются — не велика бѣда! Ужь больно распалилось сердце Марьи къ Истомѣ Никитичу, и себя не жалѣючи хочется его полонить.

Словно двѣ тѣни скользятъ дѣвушки вдоль избъ и заметовъ по направленію къ торжку, на самомъ дальнемъ концѣ

котораго мелькаетъ единственный во всемъ селѣ объ эту пору огонекъ въ домѣ кудесницы.

Жуть беретъ Марью... Бродятъ тутъ всякіе людишки опричные, рыскаютъ, словно голодные псы... Обидятъ ненарокомъ, того и гляди. Даромъ что она дочь Малюты всесильнаго, да ночью-то всѣ кошки сѣры, баютъ; пойди, дознавайся, кто обидчикъ.

И пуще того льнетъ къ плетнямъ да заметамъ боярышня, стараясь держаться у стѣнъ опаски ради.

Вотъ и площадь торговая, съ ларями, на ночь глядя, заколоченными... Вотъ и изба вѣдуньи. Слава те, Господи, дошли!

Постучала кольцомъ о дверь вѣрная Матреша.

— Отвори, баушка, свои...

За дверью тяжелые шаги, шлепанье босыхъ ногъ слышится, ворчанье старческое...

— Кого Богъ несетъ о сю пору?—слышится изъ горницы дребезжащій голосъ старушечій.

— Свои, свои, отворяй со Христомъ!

Дверь отворилась... На порогѣ съ лучиной зажженной стоитъ древняя старушонка сгорбленная; сѣдыя космы изъ-подъ повойника торчатъ, глаза горятъ, какъ у кошки, зоркимъ, почти молодымъ огнемъ. На ней сермяга поверхъ долгой рубахи накинута...

— Здравствуй, баушка! Къ тебѣ мы!—дрожащимъ голосомъ произнесла Матреша,—вотъ боярышня судьбу свою извѣдать хочетъ...

— Рада служить боярышнѣ, пойдемъ въ горницу,—шамкаетъ старуха,—а какъ звать-то, родимая? — зорко всматриваясь въ лицо Марьи, спрашиваетъ вѣдунья.

— Марьей Григорьевной,—чуть слышно шепчетъ Марьюшка, а сама думаетъ: „а коли дальше дознавать станетъ—сказываться либо нѣтъ?“

— А чьихъ же родителевъ будешь, боярышня?—не унимается старуха, а сама такъ и пронизываетъ большими очами дѣвушку.

„Не сказаться, сама извѣдуетъ,“ — рѣшила Марьюшка и шепчетъ чуть слышно:

— Я Бѣльскаго дочка, Скураты Григорія Лукьяныча.

Ежели-бы столбъ огненный упалъ на избушку вѣдуньи,

меньше того напужалась-бы Анфиса Потаповна, нежели чѣмъ когда услышала отвѣтныя слова дѣвушки.

Ноги затряслись отъ страха у старухи и, бухнувъ о земь, она заголосила дрожащимъ отъ страха голосомъ:

— Не выдавай, свѣтикъ мой боярышня! Не губи сирую старуху, лядащую. Не погнѣвись, не вѣдала я, што осударя батюшки Малюты ты дочка. Такъ сбрехнула попусту. Не обезсудь, боярышня, красоточка писаная, не вѣдомо мнѣ кудесничество да гаданіе! Простая я бабенка торговая, на ларѣ пирогами съ кашей торгую. Не погожусь я твоей милости ничѣмъ... Такъ и скажи государю твоему батюшкѣ—лгутъ де на Анфиску, што чернымъ зельемъ она промышляетъ... Зря вороги ненавистные судачутъ... Ей-ей!

И обнимаетъ старуха колѣни боярышни и дрожитъ-дрожмя, словно лихоманка-трясовица ее одолѣла.

Поняла тутъ Марія Григорьевна, что однимъ именемъ отца напугала она вѣдунью, помыслившую должно, что отъ его имени пришла къ ней боярышня выпытать да вывѣдать, впрямь-ли вѣдунья она и кудесница, а тамъ и на допросъ и въ застѣнокъ привлечь. Догадалась дѣвушка о мысляхъ вѣщей женки и постаралась, какъ могла, успокоить ее.

— Полно, баушка,—ласково поднимая старуху съ полу, произнесла она,—не по наказу батюшкиному, а по своей волѣ пришла я къ тебѣ. Не бойся меня... Повѣдай мнѣ судьбу и корешокъ мнѣ удѣли. А за платой я не постою. Глянь-ка-сь, какой ларчикъ у Матреши моей... Много въ немъ камней самоцвѣтныхъ накладено — все твое будетъ. Только пособи, баушка... штобъ зазноба моя ко мнѣ распалилась... Штобъ полюбилъ меня добръ-молодецъ.

Встала съ земли старуха... Глядитъ... И впрямь, не съ худа пришла боярышня... Глаза такіе страдальческіе, молящіе, и въ нихъ слезы горятъ. И ларчикъ въ рукахъ прислужницы кованый открытъ...

А въ немъ, Господи Боже Ты мой, и зерна бурмицкія крупныя величиной въ орѣхъ, и нить жемчуга, и сердоликовое ожерелье...

Не поскупилась боярышня... Видно и впрямь знатно ея сердечушко прихлопнуто. Да и то сказать — не свои сокровища отдаетъ вѣдуньѣ Марья. Знаетъ старуха, что кровью боярскою залиты всѣ эти низи да подвѣски, да перстеньки

съ запястьями. Отняты они у женъ и дочерей бояръ опальныхъ, замученныхъ и истерзанныхъ руками палачей.

А сокровища ихъ идутъ къ главнымъ опричникамъ и не брезгуютъ дѣти и жены тѣлохранителей царскихъ брать наряды и украшенія земскихъ женъ и дочерей.

Вотъ какія сокровища отдавала вѣщей женкѣ Марья, въ надеждѣ получить отъ нея подмогу желанную.

— Инъ и впрямь не по худу принесъ тебя ко мнѣ Богъ, боярышня,—произнесла, захлебываясь отъ радостнаго волненія, Анфиса, пожирая глазами драгоцѣнный ларецъ, — будь по твоему, садись! Помогу чѣмъ можно. Что не въ силѣ моей будетъ—не обезсудь!

Сѣла на лавку Марьюшка. Матрешу въ сѣнцы отослала. Шибко бьется въ ней сердце. И жутко ей съ сѣдой этой кудесницей въ ея горницѣ, гдѣ ни единой иконы въ углу не виситъ. Да что будешь дѣлать?! Не жить ей безъ любви Истомы Никитича!

А старуха межъ тѣмъ воткнула лучину на мѣсто и стоитъ передъ нею, руки скрестивъ, да глазами ее пронизываетъ.

— Чего хочешь допрежъ всего, боярышня,—спрашиваетъ,—судьбу-ль попытать... либо привораживать добра молодца?

— Допрежъ всего приворотимъ,—шепчетъ Марьюшка, — а судьбу и опосля можно...

— Будь по твоему!

Порылась старуха въ печуркѣ, вынула изъ нея корешокъ и, снявъ съ полки обломокъ зеркальца, поднесла его къ самому лицу дѣвушки. Пошептала надъ зеркальцемъ малость, потомъ подняла голову, спрашиваетъ:

— Какъ звать-то его, зазнобу твою?

— Истомой,—чуть слышно отвѣчаетъ Марьюшка.

— Истома бояринъ, не томи зря, не кинь стрѣлу въ сердце дѣвичье, а кинь стрѣлу на землю, кинь за темный лѣсъ, въ свое сердце кинь молодеческое,—залепетала старуха сначала громко, потомъ тише, потомъ чуть слышно наконецъ, потомъ ногой топнула, три раза перевернула зеркальце и снова поднесла къ самому лицу Марьи Григорьевны.

— Видишь ево?

Взглянула дѣвушка на чистую поверхность стекла и отшатнулась даже съ легкимъ крикомъ:

— Онъ!

Передъ ней словно въявь Истома стоитъ, статный, красивый. Очи подняты соколиныя, шелковый усъ покручиваетъ.

— Онъ!—уже тихо шепчетъ дѣвушка, а самой оторваться отъ плѣнительнаго образа не вмоготу.

Положила тогда корень старуха, который „обратимъ-травой“ прозывается, на зеркало, такъ что онъ собой весь образъ Истомы закрылъ, и зашептала, низко, низко склоняясь надъ поверхностью стекла, приказавъ Марьѣ Григорьевнѣ повторять заклятье за собою: „Како смотрюся въ зеркало да не насмотрюся, тако и Истома свѣтъ Никитичъ Качаловъ, боярскій сынъ, на меня молодешеньку не насмотрится“.

— А теперь, боярышня,—кончивъ заклятье, сказала она, —дамъ тебѣ и одоленъ-траву; силы она несокрушимой; ты возьми золы печной по три щепоточки изъ разныхъ угловъ изъ моей печурки и вмѣстѣ съ корешкомъ завѣтнымъ въ уголокъ ширинки сложи.—И когда Марья Григорьевна исполнила въ точности приказанное ей старухою, вѣдунья продолжала:— А таперя я тебѣ наузу [1]) нашепчу. Съ той ширинкой не разставайся цѣлую седмицу, боярышня, ни днемъ, ни ночью, и доколѣ она у тебя, молитвы святой не твори, опосля эту ширинку подъ стопы коня твоего суженаго кинь, штобъ конь тотъ перешагнулъ ее ногами. А штобъ зла тебѣ не имѣть оттого, скажи за мной надъ этой ширинкой, надъ наузомъ самымъ: „Завяжи наузу по волѣ вѣдуньи, на добро безъ худа и безъ зла мыслити отъ чернеца и черницы, отъ красной дѣвицы, отъ черновласаго, отъ бѣловласаго, отъ рыжевласаго и русовласаго, отъ одноглазаго, разноглазаго и упырца“.— Вотъ и все! — заключила Анфиса, — теперь ужь крѣпкона-крѣпко буде, боярышня. А штобъ не было печали сердешной, тоски, кручины, дамъ я тебѣ еще излюдинъ махровый цвѣтъ, ты его на зарѣ, какъ проснешься, съѣшь на доброе здоровье, только проговоришь надъ имъ допрежъ того какъ въ ротъ покладешь: „Скорби не узрю ни тѣлу, ни сердцу“. И трижды то молвишь, не запамятуй!

— Не запамятую!—произнесла Марья Григорьевна и, отстегнувъ верхнюю запону и ожерелье лѣтника, схоронила на груди и ширинку съ наговорнымъ наузомъ, и оба корешка, данные ей вѣщуньей.

---

[1]) На платкѣ.

— А таперь, боярышня, судьбу попытать што-ли?—сощурившись, какъ-бы отъ свѣту, произнесла кудесница.

— Попытай, баушка,—шепнула въ отвѣтъ Марья.

Едва успѣла лишь это сказать, какъ съ трескомъ потухла лучина, и въ горницѣ стало совсѣмъ темно.

Только въ печуркѣ разведенное пламя ярко горитъ... Надъ нимъ вѣдунья свои заклятья говоритъ страшныя. Потомъ наклонилась къ самой печи и всматривается въ глубь ея.

— Подь сюды, боярышня, подь сюды,—шепчетъ и, схвативъ Марью Григорьевну за руку, тянетъ ее къ себѣ.

Внѣ себя отъ страха приблизилась къ ней дѣвушка. А старуха опять въ печурку сунулась и шепчетъ таково скоро, скоро:

— Много казны у тебя, боярышня, камней самоцвѣтныхъ, уборовъ драгоцѣнныхъ, а опосля еще болѣ будетъ. Только на кажинномъ запястьѣ, на кажинной подвѣскѣ кровь православная неповинная накапана... Межъ тобой и милымъ твоимъ эта кровь легла... Да не тужи, не кручинься, красавица, не одинъ, такъ другой... Вѣковушей[1]) не останешься... Глянь-ка-сь, вижу я красавца быстроокаго... Кудри темные, голосъ вкрадчивый... Въ златомъ онъ кафтанѣ, боярскомъ... Къ царю близокъ онъ... И къ тебѣ близокъ будетъ онъ, затишитъ сердце твое, къ налою поведетъ... А апосля того... — Тутъ старуха, не обращая вниманія на пламя, почитай, и вовсе лицо въ печурку сунула... Страхъ и недоумѣніе отразились теперь на немъ. Всѣ черты словно корчею исказились, и, совсѣмъ почти впившись худыми пальцами въ руку Марьи Григорьевны, она зашептала еще глуше и беззвучнѣе:—Суженый-то твой... не простъ человѣкъ... Шапка на немъ боярская... Апосля того кровный онъ царю, ближній... Вижу и младъ-государя, кроткаго, чистаго... И онъ-то, супругъ твой, подлѣ... А вотъ смятеніе вижу... Смежилъ очи царь... А подлѣ ево... другой ужь на-готовѣ... Народъ его призвалъ... Бармы на емъ, шапка Мономаха, посохъ царевъ... И ты рядомъ съ нимъ у престола... на самомъ престолѣ таперича...

И вдругъ оборвала свою рѣчь старуха... Повалилась къ ногамъ боярышни и, ударившись челомъ о землю, простонала чуть слышно:

---

[1]) Старой дѣвой.

— Царица руссійская, московская, не прикажи казнить,— вели миловать!

Внезапно потухло пламя въ печуркѣ... И въ горенкѣ снова стало темно, непроглядно... Только слышно, какъ вѣдунья о полъ головой бьется да стонетъ, словно недужная. Сперло дыханіе въ груди Марьи Григорьевны... Страхъ ее охватилъ непонятный, въ ушахъ перезвонъ пошелъ... Сердце шибко-шибко въ груди, словно птичка подстрѣленная, мечется. „На волю, на воздухъ!“ мелькаетъ въ затуманенныхъ мысляхъ дѣвушки... Съ силой рванулась она изъ цѣпкихъ рукъ старухи, ухватившихъ ея колѣни, и выскочила въ сѣнцы, гдѣ ждетъ ее не менѣе самой дѣвушки напуганная Матреша.

— Домой! домой! Христа ради!—шепчетъ Марья Григорьевна и, словно почти обезумѣвъ отъ страха, обѣ выскакиваютъ на крыльцо.

— Страсти-то, страсти! Мать Святая, Владычица!—шепчетъ Матреша,—чуръ чуръ, насъ!—отплевывается она въ сторону избушки кудесницы, гдѣ натерпѣлась она такого страха въ ожиданіи своей боярышни.

А „боярышня“ словно не въ себѣ идетъ, какъ зачарованная... Дивныя вещи повѣдала ей кудесница! Такія, что и думать жутко... Она... она... не родовитая, незнатная Малютова дочка и вдругъ... Господи! Боже мой!.. Инда дрожь проняла...

А коли вретъ вѣдунья? Только нѣтъ, гдѣ ужь зря такое выдумать кудесницѣ и къ чему ей это... Знать и впрямь на роду написано ей, Скуратовой Машкѣ, стать царицей... А коли такъ... берегись, Истома!—почти въ голосъ, забывшись, лепечетъ Марья Григорьевна,—не хотѣлъ ты любить дѣвчонку неразумную, къ тебѣ льнувшую, — какъ-то ты передъ ею— царицей московской, кланяться будешь?!

И гордо выпрямляется высокій станъ дѣвушки, властнымъ огнемъ загораются глаза... И все сказанное тамъ въ горенкѣ „вѣщей женки“ уже не кажется такимъ бреханьемъ пустымъ да несбыточнымъ, какимъ раньше казалось.

И то сказать! Мало-ль нежданнаго да негаданнаго на Руси святой бывало?! Неисповѣдимы судьбы Господни... Може и ей такое выйдетъ, о чемъ она, холопка царская, дочь палача россійскаго, всѣми проклятаго за службу его вѣрную царю-государю, и въ мысляхъ держать не дерзаетъ.

ГЛАВА IX.

Изъ-за тафьи опричника.

Чудный день выдался на Руси... Ярко сіяетъ солнышко надъ дворцами и церквами московскими, надъ главами всѣхъ сорока-сороковъ... Пріятное смятеніе царитъ на Москвѣ... Народъ съ зари толкается на улицахъ... Лица у всѣхъ праздничныя, свѣтлыя, словно въ Христову Пасху.

Есть чему радоваться народу православному... Царь на Москву пожаловалъ. Давно не былъ въ столицѣ своей престольной, сказываютъ, не желалъ съ владыкой встрѣчаться. Гнѣвенъ былъ на владыку государь за рѣчи его заступныя, за неустанныя просьбы о помилованіи крамольныхъ бояръ. Еще зимой, въ одну изъ воскресныхъ службъ въ Успенскомъ соборѣ сталъ выговаривать всенародно владыкого сударю-царю, явившемуся къ нему со всей слободской братіей въ кромѣшныхъ скуфьяхъ да рясахъ. Не пожелалъ тогда благословить Ивана Филиппъ. Дюже разгнѣванный вышелъ изъ святого храма царь и ускакалъ въ слободу.

Съ той поры и не видались царь и митрополитъ московскій. Говорили въ народѣ, что осударь-батюшка крѣпко опалу на владыку держитъ. Что-бояръ сродственниковъ и друзей владыки—Колычевыхъ да Пронскихъ—подъ розыскъ подвелъ... Что въ самомъ домѣ митропольскомъ служка-чернецъ пропалъ и быдто служка этотъ тоже на розыскѣ въ застѣнкѣ слободскомъ мается... Всяко говорили...

Да кто вѣдаетъ: правда-ль то, аль брехня одна?!

Любитъ крѣпко народъ московскій Филиппа, „печальника“ и заступника своего... И тяжко было чернымъ людямъ и боя-

рамъ земскимъ, ненавистнымъ царю, когда между двумя владыками, мірскммъ и церковнымъ, разруха пошла. И немудрено, что сіяютъ сегодня по-праздничному лица москвичей.

„Коли пожаловалъ царь на праздникъ церковный въ Новодѣвичій монастырь, на службу владыки — знамо, межъ ими и разрухѣ конецъ".

Такъ думалъ народъ, такъ думалъ и Иванъ Васильевичъ, великій царь всея Руссіи, стоя 28-го іюля, въ монастырскій праздникъ, на своемъ царскомъ мѣстѣ, на посохъ опираясь.

Весело глядится яркое предосеннее солнышко въ высокія окна храма... Золотитъ оно косыми лучами и иконостасы и ризы драгоцѣнныя.

Стоитъ царь въ „большомъ царскомъ нарядѣ"... Царское платно [1]) на немъ камнями драгоцѣнными и золотомъ отливаетъ, діадима или бармы съ изображеніями Христа, Богородицы и двѣнадцати апостоловъ на грудь возложены, наперстный крестъ животворящаго древа и перевязь какъ жаръ горятъ. Самые сапоги царевы златные и тоже не менѣе платна блестятъ на лучахъ солнечныхъ. Подлѣ царя на подушкѣ царскую шапку окольничій держитъ съ собольимъ околомъ, съ Деисусомъ [2]) и крестомъ на концѣ. Другой окольничій запасной ингровый посохъ царя держитъ. А по бокамъ государя еще двое первыхъ чиновъ окольничьихъ стоятъ, чтобы поддерживать Ивана, когда онъ подымается аль опускается на колѣни, поклоны земные кладя.

А за ними четыре рынды, по двое рядомъ, съ боковъ помѣщаются, въ бѣлыхъ одежахъ серебряныхъ, съ бердышами на плечахъ, ярко сверкающими сталью искрометною въ лучахъ солнечныхъ.

Любо, свѣтло на душѣ Ивана... Давно такъ-то хорошо ему не было... Подкапываются людишки его подъ митрополита, завидки ихъ берутъ, зачѣмъ-де владыко болѣе къ земщинѣ склоненъ... Оклепали его, видать... самъ онъ знаетъ про клевету, у Паисія Соловецкаго пущенную и чуть не силкомъ вырванную у Пимена Новгородскаго: што-де владыко съ Сильвестромъ сносится, што кудесствомъ да ворожбой къ тому царское сердце приневолить хочетъ, што крамолѣ потакаетъ

---

1) Порфира.

2) Изображеніе Іисуса Христа.

и опричину вѣрную цареву той же ворожбой извести мыслитъ. Да брешутъ чай... Примѣрной святости митрополитъ. Недаромъ съ далекаго моря Студенаго о немъ такая слава шла. Недаромъ посадилъ его онъ, Иванъ, на столъ митрополій. Великаго подвига старецъ. А што докучаетъ просьбами о крамольникахъ да опричину не жалуетъ, такъ Господь съ имъ! Отъ этого не измѣнитъ дѣловъ государя... Такъ же все и останется... Набрехали ему многое на владыку люди опричные... „А все Скурата-кровопивецъ несъ,—продолжаетъ мыслить государь,—вѣрный онъ слуга, а все-жъ иной разъ не въ мѣру переусердствуетъ... Вотъ опять же по его навѣту Колычева Бориску въ застѣнокъ взяли да служку неповиннаго тожъ въ царской тюремной клѣти который мѣсяцъ держатъ... Все розыски чинятъ. А на што они, когда сразу видать—бѣлъ человѣкъ! Надоть буде ихъ повыпускать, какъ въ слободу вернемся“,—рѣшаетъ государь и начинаетъ усердно класть земные поклоны.

И впрямь чистъ и невиненъ передъ нимъ владыко... Въ богатомъ облаченіи стоитъ онъ на амвонѣ, съ лицомъ кроткимъ и свѣтлымъ, на которомъ словно-бы мученическую печать наложила невидимая рука Провидѣнія.

Встрѣтились взоры царя и владыки, скрестились... Што-то свѣтлое промелькнуло въ старческихъ очахъ Филиппа, словно угадалъ онъ мысли царевы, и необъяснимой любовію къ царю заблестѣли его очи... Слезы въ нихъ радостныя, умиленныя... И вспоминаются подъ этими взорами Ивану другіе ласковые и любящіе взоры другого владыки московскаго, Макарія, коему многимъ свѣтлымъ и хорошимъ обязанъ былъ царь. Смотритъ Иванъ на владыку, словно оторваться не можетъ... А на сердцѣ легко и радостно... И тяжелая година царствованія, и пытки, и плахи ежечасныя, и крамола — змѣя лютая — все забыто.

„Направь! Укрѣпи! Вразуми!“ — шепчутъ беззвучно губы царя... И владыко словно понялъ безсловесную просьбу измученнаго душевно державнаго властителя. Поднялъ онъ руку, занесъ сложенные крестомъ персты надъ головой молящагося царя и его свиты, готовясь произнести обычное „миръ вамъ“, нужное по ходу службы, какъ вдругъ, скользнувши по толпѣ опричниковъ, взоры владыки утеряли разомъ свое кроткое сіяніе, потемнѣли какъ небо ночное и, вмѣсто обычнаго возгласа

молитвы, прогремѣлъ звучно и мощно, словно окрѣпшій, помолодѣвшій, полный гнѣва и силы голосъ Филиппа:

— Государь, не приличествуетъ бо благочестивому держать агарянскій законъ!..

Словно куполъ храма повергся на склоненную въ молитвѣ голову Ивана.

Затрясся царь. Съ колѣнъ вскочилъ съ живостью юноши, едва окольничіе пособить успѣли. Побѣлѣлъ весь, дрожитъ, трясется...

— Что? Кто дерзалъ, нечестивые?—прогремѣлъ трубнымъ звукомъ гнѣвный окликъ Ивана.

А самъ обводитъ всю толпу опричниковъ загорѣвшимся бѣшенствомъ взоромъ.

— Единъ изъ ополченія твоего, изъ лика сатанинска!—отвѣтствуетъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ Филиппъ.

Трепетъ и волненіе прошло по стройнымъ рядамъ охраны, синклита царскаго. Оглядываются съ недоумѣніемъ, другъ дружку осматриваютъ: кто дерзнулъ нарушить боголѣпіе соборнаго служенія.

Но ничего не видно особеннаго въ ихъ рядахъ... Стоятъ они всѣ въ красныхъ кафтанахъ, шитыхъ дорогимъ золотымъ шитьемъ, опушенныхъ соболями да куницами, и никакого слѣда кощунства не примѣтно съ ихъ стороны.

И мгновенно утихъ гнѣвъ царя на любимую свою дружину, утихъ для того, чтобы распалиться съ двоякой силой на виновникѣ волненія напраснаго—митрополитѣ.

Еще за минуту до этого такъ хорошо было царю, тихо, отрадно... Нѣтъ, понадобилось-таки досадить, согнать свѣтлое настроеніе, да еще чѣмъ? — поклепомъ во святомъ мѣстѣ.

„Ну, што-жъ, пущай пеняетъ на себя, коли негожія митрополичьему сану рѣчи послухаетъ!“—И едва удерживая примѣтную судорогу, обычную у него въ минуты волненія, царь съ недоброй усмѣшкой обратился къ митрополиту:

— Непристойно владыкѣ московскому наклепы-напраслины на ратниковъ царевыхъ взводить... Коли чудится—окстись, владыче!

— Не чудится мнѣ, чадо! Зрѣлъ я негожество и посрамленіе храму сему! Единъ изъ синклита твоего, государь, воз-

ложилъ на главу свою уборъ чернецкій—скуфью... А замѣтя взоры мои, опустилъ въ зепь [1]) ту скуфью обратно.

— Такъ-ли, владыче, не почудилось-ли?

— Не почудилось, чадо! Слава Создателю, зрятъ по милости Его старчія очи мои!

— Зрятъ, да не больно гораздъ! — усмѣхнулся опять Иванъ, — ну, да быть по твоему, видно, вмѣсто молитвы, придется мнѣ розыскъ чинить... Кто изъ васъ дерзнулъ накрыться? Отвѣтствуйте, — снова прогремѣлъ мощный голосъ царя, обращенный къ толпѣ опричниковъ.

Но по прежнему недоумѣлые стоятъ тѣлохранители царскіе.

— Кто дерзнулъ?—другъ друга сами вопрошаютъ, но никто не видалъ содѣяннаго.

Одинъ только изъ всей опричины видѣлъ то-жъ, что видалъ и владыко.

Максимъ Скурата-Бѣльскій, ставшій у самаго придѣла церковнаго въ послѣднемъ ряду, по сосѣдству съ Ѳедькой Ловчиковымъ, призамѣтилъ, какъ тотъ передъ самымъ возгласомъ владыки вынулъ изъ зепи кафтана чернецкую скуфью, въ которыхъ они въ слободскій соборъ ходили на утрени, и вздѣлъ ее на кудри. Но лишь только глянулъ въ ихъ сторону Филиппъ, снова исчезла скуфья съ головы богохульника, словно и не было ея.

Точно толкнуло что по новому окрику Максима, не терпѣлъ онъ напраслины, да и кроткое лицо митрополита, укоряемаго царемъ, словно манило, звало юношу выйти впередъ... Двинулся Максимъ на самую середину храма, вышелъ въ ту самую минуту, когда оправившіеся нѣсколько опричники отвѣтствовали дружнымъ хоромъ царю:

— Не вѣдаемъ причины гнѣва владыки. Напраслина то есть, осударь!

И вслѣдъ за симъ зазвучалъ трепетный голосъ блѣднаго, какъ платъ, Максима Бѣльскаго:

— Нѣтъ, не напраслина, государь! Зрѣлъ и я, холопъ твой, какъ Ѳедька Ловчиковъ ту скуфью вздѣвалъ!

— А!—только прошепталъ Иванъ.—Инъ ладно!—и стало сразу жутко присутствующимъ отъ этого едва слышнаго возгласа царя.

---

[1]) Карманъ.

— Ѳедъ! — раздался затѣмъ его не громкій окрикъ,— подь сюды и вывороти мошну!

Трепещущій и взволнованный Ловчиковъ подошелъ къ государю, весь блѣдный какъ мертвецъ, а самъ зепь государю подставляетъ... Обыскалъ собственноручно Иванъ Васильевичъ глубокую зепь дорогого суконнаго кафтана опричника, сплошь зашитаго позументами. Не оказалось скуфьи. Успѣлъ-ли Ловчиковъ выбросить ее мимоходомъ межъ рядами опричниковъ, али схоронилъ въ другое мѣсто одежи, но чернецкой шапочки и слѣдъ простылъ.

— Што-жъ это, Ѳедъ! Пошто они на тебя наклепъ взвели? Аль прогнѣвилъ чѣмъ владыку немилостиваго да дружка-пріятеля Максимушку-свѣтъ-Бѣльскаго?

И, говоря это, Иванъ окинулъ пронизывающимъ взоромъ стоявшаго передъ нимъ все еще блѣднаго, но странно спокойнаго Максима, и начинающейся бурей повѣяло отъ этого взора на юношу.

— Ладно, парень, такъ и попомнимъ! Доносчикъ-клеветникъ! — долетѣла словно издали до ушей Бѣльскаго полная страшнаго смысла фраза царя.

И потомъ ужь царь обратился къ митрополиту:

— Ой! и дюже солоно пришлась тебѣ моя опричина, владыче! И то въ ей зришь, чего и не было... Умилостивись, отче, дай передохнуть отъ рѣчей твоихъ судныхъ намъ, холопничкамъ твоимъ лядащимъ, ратничкамъ слободскимъ!

Явною насмѣшкой звучали эти рѣчи царя... Но безъ страха и трепета внималъ имъ Филиппъ. Вотъ онъ приблизился къ самому краю амвона и, вперивъ свои кроткія очи въ лицо царя, произнесъ:

— Не по волѣ своей возведенъ грѣшный и смиренный азъ на каѳедру митрополію. Ты приказалъ, великій царь, править мнѣ, недостойному пастырю, паствой сей. И покорился я волѣ государя моего. Но и межъ хорошихъ овецъ найдутся и блуднія. Не препятствуй же уличать ихъ, государь, исторгать зло изъ стада моего и возвращать его на истинный путь. Сей мигъ уличилъ я богохульника, а ты, государь православный, грѣхъ непристойный простилъ кромѣшнику...

— Молчи, отче! Нѣсть-бо кромѣшниковъ среди вѣрныхъ слугъ моихъ!—вырвалось съ гнѣвомъ изъ устъ царя.

— Ты вѣдаешь о томъ, государь!—кротко возразилъ

владыко.—Но и азъ многогрѣшный не возведу хулу на ближняго моего, неповиннаго предъ лицомъ Господа щедротъ.

— Вѣдомо намъ!—съ злорадной усмѣшкой продолжалъ Иванъ,—и то, што злобствуешь ты, отче, противу слугъ мочихъ и посему чудится тебѣ ненарокомъ всякое зло ими-бы содѣянное!

— Не чудится мнѣ, чадо мое!—произнесъ съ сокрушеніемъ въ голосѣ и тоскою Филиппъ:—зрю я многія казни лютыя человѣковъ неповинныхъ. Кровь православная льется рѣкой... Стоны и жалобы невинныхъ несутся къ престолу Всевышняго. И нѣсть числа имъ. Одумайся, государь, возлюбленное чадо мое, приклони ухо твое милостивое къ стонамъ народа твоего. Да не узришь въ немъ болѣ измѣны и крамолы на наговоры слугъ адовыхъ, исчадій сатанинскихъ!...

— Молчи, чернецъ! — не своимъ голосомъ завопилъ Иванъ и изо всей силы ударилъ концомъ остроконечнаго жезла въ полъ храма.—Не вѣдаешь передъ кѣмъ рѣчь держишь! Зазнался, отче! Взлетѣлъ выше себя помысломъ своимъ непристойнымъ. Мыслишь: долготерпѣливъ и многомилостивъ государь... все снесетъ, все выслушаетъ. Ошибся, отче, всему предѣлъ есть! Здравъ буди покамѣстъ, „печальникъ“ земли русской!

И отвѣсивъ низкій поклонъ по прежнему спокойному Филиппу, царь, весь багровый отъ волненія, вышелъ изъ храма, сопровождаемый своею свитой.

Не того ждали собравшіеся у собора толпы народа. На ихъ громкій, радостный крикъ: „Здравъ буди, государь всея Руссіи!“ только сумрачно кивнулъ Иванъ и, не глядя въ сторону народа, прослѣдовалъ въ свой дворецъ опричный, что стоялъ на Неглинной между Арбатомъ и Никитской улицами. Тамъ, переодѣвшись въ дорожный нарядъ, онъ въ тотъ же часъ ускакалъ въ слободу, разгнѣванный и мрачный...

А Филиппъ, прервавшій было службу въ присутствіи царя, снова обернулся лицомъ по выходѣ Ивана и его дружины и, полными слезъ глазами взглянувъ на изображеніе Христа Спасителя, тихо прошепталъ:

— Да будетъ воля Твоя, Господи! Принялъ азъ клобукъ митрополій по волѣ Твоей и вѣнецъ мученическій приму, поелику же мнѣ уготованъ!

И снова продолжалъ прерванное моленіе. А царь, вернувшись въ слободу, держалъ гнѣвную рѣчь Малютѣ:

— Что-жъ это парнишка твой, Лукьянычъ, въ крамольники записался?—грозно насупясь, спросилъ онъ своего перваго холопа.

Упалъ на колѣни предъ царемъ Малюта, дрожмя дрожитъ. Пуще свѣта Божьяго любитъ онъ сына и боится подумать даже о томъ, что можетъ навлечь на него гнѣвъ царевъ...

И вдругъ, подъ наитіемъ внезапной мысли, произнесъ Малюта сокрушенно:

— Не прогнѣвись, государь-милостивецъ, младъ еще парнишка!.. Да и чары тѣ не по силамъ ему.

— Чары?—весь вздрогнувъ въ свою очередь, прошепталъ Иванъ.

— Вѣстимо чары, государь!—сразу ободрившись, подтвердилъ Іуда,—кабы не чары его, Филипповы, знамо не пошелъбы на то молодецъ. Всѣмъ вѣдомо, осударь, што ворожействомъ нечестивымъ и колдованіемъ не брезговаетъ владыко... И Паисій Соловецкій, и Пименъ Новогородскій хошь сей мигъ пойдутъ уличать на томъ Филиппа... Охъ, государь-милостивецъ, не вѣришь ты слугамъ твоимъ вѣрнымъ, а все же мы правы бываемъ... А ты, вонъ, нечестивцамъ, на насъ гласъ поднявшимъ, опалу не кладешь... А тѣ и рады зѣло... Уничтожитъ-де царь опричину, прикончитъ главныхъ защитниковъ своихъ... А тамъ на него, беззащитнаго, мы и подымемся и къ рукамъ его приберемъ. И второй Сильвестръ-попъ да Адашевъ Лешка сыщется, а тамъ глядишь—опять государь-отецъ подъ дудочку-сопѣлочку земщины запляшетъ...

— Молчи, холопъ! — не своимъ голосомъ закричалъ Иванъ.—Аль забылъ, съ кѣмъ говоришь, песъ смердящій!

Но не испугалъ этотъ окрикъ Малюту, примѣтившаго уже знакомые огоньки сомнѣнія, забѣгавшіе въ очахъ царя. Хорошо зналъ Скуратовъ то грознаго, то безсильнаго и безвольнаго своего государя. Какъ никто иной, умѣлъ развѣдывать всѣ малѣйшія ощущенія своего владыки Малюта.

И теперь отлично видѣлъ холопъ тревожныя колебанія царя и нашелъ, что это лучшій моментъ погубить Филиппа, ненавидящаго его, Малюту, и обличавшаго его всенародно, какъ злого генія земли русской.

— Чары, чары,—лепечетъ словно про себя Малюта,—ужь это-ль не чары, коли молодецъ видитъ то, чего нѣтъ,

среди бѣла дня! Нѣшто вралъ Максимка, когда предъ твои свѣтлыя очи, государь, скуфьѣ держать рѣчь зачалъ... Видалъ я самъ, што дюже былъ блѣденъ парень... На ногахъ едва держался... Што мудренаго! Сила вражеская непреодолима...

Вздрогнулъ Иванъ... Суевѣренъ и трусливъ государь. Крестнымъ знаменіемъ себя осѣнилъ, а самъ въ очи Малютѣ такъ и воззрился.

— Такъ ты баишь... Малютушка... што... онъ... т.-е... Филиппъ?!.—шепчетъ Иванъ, а у самого зубы стучатъ ровно въ лихоманкѣ.

— Кудесникъ онъ!—не задумываясь, отвѣчаетъ Малюта и выдерживаетъ стойко пронизывающій взоръ царя.

— А коли такъ... не личитъ ему клобукъ митрополій!— уже грозно по горницѣ разнесся голосъ Ивана.—Нарядить въ Соловки Суздальскаго Пафнутія епископа по нашему царскому указу да архимандрита Ѳеодосія съ княземъ Темкинымъ. Пущай опросятъ Паисія да иноковъ соловецкихъ... Да съ игумномъ соловецкимъ сюды пущай ѣдутъ—судъ судить надъ владыкой нечестивымъ. А въ Михайловъ самый день за имъ пошли нашихъ, што понадежнѣе, пущай возьмутъ да хошь въ Богоявленскую обитель посадятъ до времени. Смекаешь?

— Смекаю, осударь.

— Да што-бъ народъ менѣе зрѣлъ чародѣя... Поаккуратнѣе оборудуйте.

— Вѣстимо, осударь! А насчетъ служки митропольяго да Колычевыхъ бояръ...

— Держать въ кандалахъ Колычевыхъ... Да Пронскаго— пріятеля дружка митрополитова, несмотря на то, што монашествомъ укрыться вздумалъ, взять... А служку пусти. Ну, ево!.. И безъ ево уликъ будетъ немало. А вотъ Ивашку, племянника Филиппова, ты приструнь... Допроси изрядно...

— А попытать велишь?

Задумался на мгновенье Иванъ... Только на мгновенье... Блеснули насмѣшливымъ огонькомъ глаза Малюты. „Жалостливъ больно!—казалось, говорили они,—и къ кому жалостливъ-то? Къ ворогамъ своимъ лютымъ!“

Не долго колебался царь... Глянулъ въ самые зрачки своего вѣрнаго холопа и кивнулъ головой чуть примѣтно.

Понялъ его Іуда. Все по его желанію дѣялось. И Филиппъ въ рукахъ у него, и Колычевыми онъ воленъ по своему усмотрѣнію распорядиться... А казна ихъ да боярина Пронскаго, недавно лишь постриженнаго изъ боязни гнѣва царскаго, къ нему отойдетъ. Дочкамъ въ прикруту [1]) пойдетъ, сыну любимому... Да, вотъ сынъ! Забылъ о немъ Малюта, а выгородить надоть передъ царемъ парня... Упалъ на колѣни передъ царемъ Скуратовъ, челомъ ударился:

— Не погнѣвись, осударь, на маво дурня-Максимку,— самымъ вкрадчивымъ, самымъ ласковымъ голосомъ шепчетъ,— онъ тебѣ вѣрный слуга, надежа-осударь... каку ни повелишь службу, таку и выполнитъ.

— Такъ-ли?—лукаво сощурившись, спросилъ Иванъ.

— Такъ, государь!—твердо отвѣтствовалъ Малюта.

— Ладно, коли такъ, будь по-твоему. Гнѣва я на твоего парнишку не кладу на сей разъ, а только штобъ впередъ онъ ни-ни... Чары то чарами, а все-жъ языкъ пущай за зубами держать пріучается.

— Извѣстное дѣло, надежа-осударь, не обмолвится ни въ жисть... Онъ, поди, и сейчасъ измыкался отъ гнѣва твоего царскаго... Да ужь заслужитъ онъ тебѣ... вину свою невольную, чарами напущенную Филипповскими...

— Ладно, ладно, Лукьянычъ, ты намъ добрый слуга, вѣдомо намъ это! Мотри-жъ, штобъ и сынъ таковъ-же былъ, какъ батька... А то, баютъ, не оченно-то онъ къ опричинѣ нашей мирволитъ...

— Брешутъ, осударь! Пустое все!—произнесъ уже вполнѣ успокоенный Малюта и, отвѣсивъ земной поклонъ царю, вышелъ изъ терема государева.

---

[1]) Въ приданое.

Глава X.

По навѣту вѣдуньи.

Самъ не свой бродитъ съ той поры Максимъ, какъ удалось ему спасти красавицу-княжну отъ лапъ медвѣдя. Словно огневица его одолѣла, весь горитъ день и ночь, а самому дюже студно [1]) въ то-же время. И о гнѣвѣ государевомъ онъ недолго мыслилъ; княжна Евфимія всѣ-то думы изъ его головушки вытѣснила. Только и думушки што о ней... Да пользы-то мало отъ этихъ думъ-мыслей. Какъ ни мысли, а все-жъ судьбы своей не перехитришь. Высоки терема царскіе, а гдѣ свѣтлица царицы, царевны да княженъ помѣщается—еще выше кажутъ. Какъ туда проникнуть?! И помыслить о томъ нельзя... Вонъ ближайшіе стольники да окольничіи туда вхожи съ царемъ... а онъ, простой опричникъ царевъ, даже ненарокомъ не можетъ попасть. Только и радости у Максима, што у Марьи-сестры о княжнѣ свѣтлоокой поспрошать когда. Вхожа туда въ теремъ Маша, болѣ того—въ сѣнныхъ боярышняхъ приставлена. Она брату и вѣсти подаетъ о томъ, што говорила княжна, што дѣлала, какъ день провела...

И распаляется еще пуще отъ этихъ вѣстей сердце Максима. „Лучше-бы уйти куды подалѣ аль и впрямь въ монахи постричься,—не разъ приходитъ на мысль юношѣ,—все же спокойнѣе въ обители, нежели здѣся среди стоновъ, да криковъ, да казней лютыхъ“. Въ тотъ же вечеръ, какъ вернулся Максимъ со всей дружиной опричной послѣ новой размолвки

---

[1]) Холодно.

царя съ владыкой, сидѣлъ онъ въ своей горницѣ, поникнувъ кудрявой головой. Но не горько ему на душѣ, какъ намедни было. Сегодня доволенъ собой Максимъ... Не побоялся онъ въ защиту праведника выступить... Указалъ на Ловчикова Федьку царю... Жаль только, хитеръ собака,—вывернулся. Ну, да вдругорядь не улизнетъ. А и взглянулъ же онъ на него, аки волкъ на агнца! И, вспомнивъ быстрый, полный ненависти взоръ опричника, брошенный на него, не выдержалъ Максимъ—разсмѣялся...

А тутъ и шаги за дверью послышались... Вошелъ Истома.

— Што веселъ, друже?—спрашиваетъ,—одинъ-на-одинъ смѣхотворствуешь?

— Садись, Истомушка, гостемъ будешь!..—пригласилъ его пріятель, но не успѣлъ онъ и столецъ [1]) подставить пришедшему гостю, какъ дверь горницы разомъ распахнулась, и Марья Григорьевна остановилась на порогѣ.

Не ненарокомъ вбѣжала сюда дѣвушка.

Видала она каковъ гость въ братнину горенку прошелъ. А будто и не чаяла... Узорчатымъ рукавомъ рубахи закрылась...

— Не обезсудь, боярин!—шепчетъ, а сама полыменъ румянца словно маковымъ цвѣтомъ такъ и залилась.

— Не вѣдала што-ли?!—усмѣхнулся Максимъ чуть примѣтно.

— Не вѣдала, братецъ-голубчикъ! не обезсудь!

— Ну, коли не вѣдала, такъ вѣдай теперь и гостя принимай. Вотъ тебѣ чарка, а тамъ въ кувшинѣ и медъ малиновый, съ имбиремъ мѣшаный. Поднеси-ка гостю-то! А тамъ, какъ хозяйка молодая, и обыклость [2]) нашу справь... Кой чѣмъ инымъ гостя попотчуй!

Поняла боярышня рѣчь братнину, къ чему Максимъ клонилъ... Хотѣлось, видно, брату сестрицу кровную потѣшить за ея вѣсти о княжнѣ Евфиміи, изъ терема ему доставляемыя. И благодарностью засвѣтились очи Марьи Григорьевны. Благодарностью къ Максиму да любовію къ Истомѣ Никитичу. Налила полную чарку до краевъ Марьюшка, поставила на

---

1) Табуретъ.
2) Обычай.

блюдо росписное и съ поклономъ малаго обычая [1]) поднесла ту чарку Качалову.

Съ той самой ночи въ саду не видалъ Истома боярышни. Стоитъ передъ нимъ вся зардѣвшись Марья Григорьевна, не потупясь, нѣтъ, а прямо въ очи смотря Качалову очами своими горячими, искрометными, а сама румянцемъ такъ и рдѣетъ.

И полны очи дѣвушки такой любовью беззавѣтной, пламенной, такой преданностью да ласкою, што дрогнуло сердце и у самого Истомы...

„И штой-то—словно она какъ попригожѣла!“—мыслится невзначай юношѣ и, отвѣтивъ поклономъ на поклонъ Марьи, ласковымъ голосомъ проситъ:

— Пригубь, боярышня.

Опустила долу очи Марья Григорьевна, устами горячими сердоликовой чары коснулась и снова съ пояснымъ поклономъ протянула ее Истомѣ.

Однимъ духомъ осушилъ чару молодой опричникъ, отерся рукавомъ кафтана и трижды коснулся губами пылающихъ щекъ дѣвушки.

А самъ ласковыхъ очей не спускаетъ съ Марьюшки. Што-жъ, што не пылаетъ въ немъ полымемъ сердце молодеческое да не бьется въ груди ровно птица подстрѣленная, што не любитъ онъ жарко боярышню. Не съ зазнобой сердешной, а съ женой вѣрной придется вѣкъ коротать... А такая-то жена, какъ Марья Григорьевна, ему золота дороже будетъ! Потому—любитъ его крѣпко боярышня, беречь его будетъ. Дѣти пойдутъ—дѣтокъ чтить отца наставитъ, уму-разуму выучитъ. И отецъ ея первое, почитай, лицо у царя-батюшки... Тоже и царь за тестины послуги и зятя не оставитъ... Нѣтъ, не найти видно Истомѣ жены опричь Марьи Григорьевны Скуратовой-Бѣльской. Пусть не гнѣвается Афанасій Ивановичъ Вяземскій, пусть смиритъ недовольство свое. Къ тому-жъ давно прежняя люба, Любаша Незнамова, позабыта имъ... Дѣтская то была любовь... почитай она сама надъ ней теперь посмѣивается... А што привидѣлась она ему за тыномъ сада Малютова въ ту ночь, когда Марьюшка ему сердце свое открыла, такъ это пустое все—кровь закипѣла

---

[1]) Въ поясъ.

молодецкая... Минуло все теперь... И думать-то о Любашѣ онъ забылъ. Да и Марья Скуратова въ своемъ лѣтникѣ цвѣта малиноваго изъ червчатаго атласа, съ черными, золотомъ разукрашенными вошвами [1]), да въ вѣнцѣ [2]) аломъ дѣвичьемъ, со спущенной черной смоляной косой вплоть до пояса—ему далеко не противна.

И говоритъ словно не по волѣ своей Истома дѣвушкѣ, а самъ на Максима поглядываетъ:

— Не обезсудь, коли всего не выскажу, при третьемъ не гоже это. Ты не изъ злопамятныхъ, боярышня?

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ и вовсе смутившись Марья Григорьевна, понявъ къ чему клонитъ разговоръ Истома.

— То-то-жъ... Что было, то быльемъ поросло. Быль молодцу не въ укоръ! Вѣдаешь?

— Вѣдаю!—отвѣтствуетъ дѣвушка, а сама пуще того полымемъ такъ и пышетъ.

— То-то-жъ!.. Не обезсудь за рѣчи былыя... много дурости въ ихъ да молодечества брешнаго было...—продолжаетъ Истома и глаза его такъ и обдаютъ Марью тихимъ свѣтомъ ласковымъ.

Закипѣло въ ней сердце горячее. Кабы не Максимъ здѣсь сидѣлъ, не совладать бы ей съ собою, кинулась-бы она на богатырскую грудь молодеческую, обвилась-бы змѣей вокругъ шеи юноши руками и сказала-бы ему: „Желанненькій, соколъ мой, порада [3]) моя сердешная! Не токмо того, што промежъ насъ тогда вышло, но и побои самые съ охотой отъ тебя снесу, лишь-бы приласкалъ ты меня, голубчикъ мой сизокрылый, хоша изрѣдка, лишь-бы взглянулъ на меня ласково взоромъ твоимъ соколинымъ!“ Но ничего не молвитъ дѣвушка, братъ тутъ сидитъ... Да и безъ его-бы слова не молвила: зазорно рѣчи такія говорить молодцу, хоть и смотритъ онъ ласково, любовно.

„Инъ не обманула вѣдунья-кудесница,—мыслитъ Марья Григорьевна,—и впрямь корешокъ ея „обратимъ-трава“ дѣло свое вѣрно сдѣлала. Отдалъ ей, видать, Истома сердце молодческое, кипучее. Недаромъ она и излюдинъ корень на-тощакъ

---

1) Куски изъ другой матеріи, вшиваемые въ лѣтникъ.
2) Головной уборъ дѣвушки.
3) Радость.

ѣла, и наузу хоронила, только вотъ подъ копыто коня Истоминаго бросить не успѣла. Да и не надо ей, чай, теперь болѣ кудѣйствовать. Ея онъ—желанный красавецъ, любименькій! Спасибо вѣдуньѣ, безъ наговору ея вѣщаго не полонить-бы ей, Марьюшкѣ, добра-молодца!

И полная самыхъ радостныхъ мыслей, самыхъ свѣтлыхъ думушекъ, поспѣшно поклонилась гостю дѣвушка и, вся трепеща отъ радости, вышла изъ горенки.

— Што-то съ ней, словно чумная она?—удивленно спросилъ у Истомы Максимъ.—И то сказать, приворожилъ ты дѣвку, друже, словно сама не своя ходитъ...

— А знаешь, Максимъ Григорьевичъ,—словно въ отвѣтъ на слова пріятеля произнесъ Истома,—што я тебѣ о боярышнѣ Незнамовой толковалъ ранѣ...

— Ну?

— Прошло то... и быльемъ поросло!..—тряхнувъ кудрями, весело закончилъ юноша.

— Што-жъ, другая што-ль захороводила?

— Може другая, а може и нѣтъ!—уклончиво отвѣчалъ Истома.

— Да ты не финти, друже!—съ улыбкой остановилъ его Максимъ,—мнѣ штой-то невдомекъ... Ты не въ сестринъ ли огородъ камешекъ закидываешь? Такъ ты въ этомъ дѣлѣ поторапливайся, либо думать о немъ оставь: потому царевъ стольникъ Годуновъ, Бориска, во снѣ спитъ и видитъ съ Малютой породниться. Ну, коли сватовъ зашлетъ—такъ вѣстимо ужь не къ рыжей Катеринушкѣ. Марья много пригляднѣе сестры буде... да и подобрѣе. А и то сказать... Сердце дѣвки—воскъ ярый, коли любитъ дѣвка. Што хошь тогда изъ него лѣпи! А Марья давно по тебѣ сохнетъ, пріятель!.. Што-жъ, въ добрый часъ!.. Мнѣ-то много слаще въ шурины тебя взять, нежели Бориску. Дюже хитеръ парень. Мягко стелетъ, а каково-то спать будетъ?!

Промолчалъ Истома на рѣчь пріятеля. А въ сердцѣ его крѣпло и росло желаніе взять въ жены черноглазую Марьюшку. „И то, не перестарокъ она тебѣ, не уродъ какой, а ужь любить будетъ, дай Богъ всякому!“—думалось Качалову, когда онъ направился изъ Малютиныхъ хоромъ къ себѣ домой.

А Максимъ, по уходѣ товарища, снова въ свои думы не-

веселыя погрузился. Всѣмъ-то хорошо, всѣмъ-то ладно на Божьемъ свѣтѣ, думалось юношѣ,—глянь, и Марьюшка и та не сегодня-завтра свою судьбу найдетъ. А онъ долженъ горемыкой-горькимъ свой вѣкъ коротать молодецкій... И сердечной кручинѣ конецъ не предвидится... да и на опричненской службѣ сладости мало. Намедни, какъ вернулись въ слободу изъ Москвы, предсталъ передъ нимъ отецъ съ угрозами: „Што-де, щенокъ паршивый, замыслилъ? За крамольниковъ царевыхъ стоять, на вѣрныхъ слугъ государевыхъ доносничать! А намъ за тебя подъ отвѣтъ идти? Въ застѣнокъ? На плаху? Мать-старухѣ, сестрамъ дѣвкамъ? Ладно еще, што царь меня послухалъ, што удалось отвести ударъ... Мотри-же! — грозно заключилъ свою рѣчь Малюта, — ты мнѣ эту твою проруху чѣмъ хошь залѣпи. Што-бъ на тебя снова царь-батюшка ласково-бы взиралъ! Слышь?“ И ушелъ тогда разгнѣванный Скуратовъ изъ горницы, съ силой хлопнувъ дверью дубовою.

— Съ нами сила крестная!—зашептала тогда мать Максима, кроткая, болѣзненная старушка, трепещущая при одномъ появленіи своего грознаго повелителя-мужа.—Опасись, Максимушка!—съ мольбою складывая на груди свои высохшія, какъ у подвижницы-келейницы, руки, прошептала она,—не гнѣви его зря-то! и безъ того намъ всѣмъ не сладко живется!

ГЛАВА XI.

Судомъ царскимъ.

Въ день архангела Михаила, 8-го ноября, раннимъ утромъ цѣлая толпа опричниковъ, подъ предводительствомъ Алексѣя Ѳеодоровича Басманова, отца Ѳеди-красавчика, выѣхала изъ слободы и двинулась по московской дорогѣ.

Между ними ѣхалъ и Максимъ Скурата-Бѣльскій, и Ѳедоръ Ловчиковъ, метавшій отъ-времени-до-времени взоры, полные ненависти, на сына Малюты.

Не могъ забыть Ѳедоръ того дня, когда Максимъ указалъ на него царю. Всячески измышлялъ Ѳедоръ, какъ-бы погубить ненавистнаго ему доносчика, но Максима Скуратова не такъ-то легко погубить было. За спиной молодого опричника стоялъ могучій Малюта и волей-неволей приходилось смириться злобствующему Ловчикову. Но если безсиленъ былъ гнѣвъ опричника къ Максиму, то съ другимъ своимъ врагомъ, еще болѣе ненавистнымъ ему, его обвинителемъ, ему предстояла скорая расправа. И это отчасти веселило Ловчикова и возвращало ему хорошее настроеніе. Быстро двигался конный отрядъ по московской дорогѣ. Золотомъ шитые кафтаны, кривыя сабли, да бердыши, да песьи головы и метлы, у сѣделъ прицѣпленныя,—все сразу обличало опричниковъ царскихъ въ этомъ отрядѣ конниковъ. И каждый встрѣчный, издали завидя подвигавшуюся толпу всадниковъ, сворачивалъ съ дороги, творя крестное знаменіе:

— Помоги, Господи, помилуй отъ адовыхъ кромѣшниковъ, головорѣзовъ окаянныхъ!

Далеко окрестъ Москвы, да не только Москвы, а и

всей земли русской, неслась худая слава о дружинѣ царскихъ тѣлохранителей. Ужь одно заклятье опричниковъ „не щадить кровныхъ, ради спокойствія царева“ наводило страхъ и трепетъ при одномъ имени ихъ. Да и больно широко пользовались они данной имъ властью. Много невинной крови, ради одной только поживы-добычи, пролили они.

Безъ колебанія вѣрилъ государь одному доносу опричника, особливо на боярина ненавистной земщины, и брали на розыскъ боярина, а казна его отходила доносчику за успѣшное рвеніе къ службѣ царевой. Но не только на бояръ земскихъ, „завѣдомыхъ крамольниковъ“, какъ ихъ называли чины опричины, но и на богатыхъ купцовъ-торжниковъ взводили поклепы ретивые слуги царскіе, въ чаяніи добычи богатой.

А гибнущимъ отъ ихъ руки дѣвкамъ да молодухамъ числа не было! Цѣлыя вотчины опальныхъ бояръ попадали въ добычу опричникамъ и они безнаказанно могли хозяйничать надъ семьею, имуществомъ и челядью боярской. Много слезъ дѣвичьихъ и вдовьихъ и мужнихъ женъ, обиженныхъ охальниками, текло тогда на Руси-матушкѣ. И половина тѣхъ слезъ и стоновъ не доходила до царя Ивана. Непроницаемой стѣною между обиженными и тропомъ царскимъ стояли тѣ же раззолоченные кафтаны и буйныя головы обидчиковъ. А если и доходила какая жалоба до царя, то на грозный спросъ царя одинъ и тотъ-же отвѣтъ завсегда былъ наготовѣ: „Мы де твоихъ же крамольниковъ наказуемъ, надежа-свѣтъ-государь!“

И не мудрено поэтому, что, заслыша топотъ коней опричническихъ, завидя у сѣделъ метлы, да песьи головы, сворачивалъ съ ужасомъ крещеный людъ съ дороги и хоронился въ кустахъ да рощицахъ подорожныхъ, аль залѣзалъ въ канавы и лежалъ тамъ ни живъ, ни мертвъ, доколѣ не утихнетъ бряцаніе оружія кромѣшниковъ, да не заглохнетъ въ отдаленіи топотъ лошадиныхъ копытъ.

Быстро подвигается дружина... Торопятся: къ серединѣ обѣдни въ соборъ Успенскій надо поспѣть и все оборудовать безъ прохлажденія, штобы засвѣтло въ слободу вернуться.

Таковъ былъ указъ царскій, и въ точности долженъ исполнить его Алексѣй Ѳеодоровичъ Басмановъ и по вечеру предстать передъ очи царскія и отвѣтъ держать государю. Вотъ почему и поторапливается онъ и горячитъ коня. Вотъ почему

почти что вскачь несутся за нимъ опричные ратники съ любимымъ и страшнымъ своимъ крикомъ: гайда! гайда! Крикъ этотъ означаетъ, что ѣдутъ они не просто, а карать царскихъ крамольниковъ, скорый судъ чинить государевъ надъ опальными. Сорокъ верстъ позади осталось... Вотъ ужь и Москва какъ на ладони. Миновали Царь-городъ, бѣлой стѣной деревянной обнесенный, почему его еще Бѣлъ-городомъ зовутъ. Тамъ за Арбатскими, да Чертольскими, да Никитскими воротами по обѣ стороны Неглинки-рѣки самая богатая добыча для охоты кровавой опричнической. Окромя литейнаго завода царскаго, да конюшенъ, да дворца опричнаго государева, недавно сложеннаго, самыя богатыя хоромины князей, да бояръ земскихъ, да купечества сановитаго здѣсь стоятъ. Но на этотъ разъ не до разглядокъ хороминъ боярскихъ дружинѣ, предводительствуемой Басмановымъ. Духомъ промчались они черезъ Бѣлъ-городъ, сѣя за собой страхъ и смятеніе между его мирными обывателями. Почитай што въ каждой хороминѣ открывалось слюдовое оконце, высовывалась голова на улицу и, творя крестное знаменіе, шепталъ поблѣднѣвшій отъ страху земецъ:

— За кѣмъ это вновь проклятые пожаловали? Огради, Господи, Твоей великой милостью!

Но на сей день жители Бѣлъ-города могли не тревожиться. Миновала ихъ гроза. Опричники со своимъ неизмѣннымъ „гайда!“ пронеслись мимо по улицамъ Царь-города, миновали Китай-городъ съ его церквами — Іерусалимскою, послѣ взятія Казани построенной, да Меркурія Смоленскаго съ Красной площадью и торговыми рядами и исчезли за кирпичной стѣной Кремля.

И только около самаго Успенскаго собора спѣшились. Алексѣй Ѳеодоровичъ тожъ съ коня сошелъ, отстегнулъ полу кафтана, вынулъ изъ-за пазухи бумагу государеву — царскій указъ и вошелъ въ сопровожденіи дружины своей въ соборъ.

Толпы народа наводняли храмъ Божій, самый роскошный и старинный храмъ всей Москвы, еще при Иванѣ Калитѣ построенный. Самъ владыко служилъ сегодня въ соборѣ, въ которомъ вѣнчался на царство первый царь русскій. На Филиппѣ полный нарядъ митрополій. Золотая митра огнемъ горитъ, переливается камнями самоцвѣтными. Драгоцѣнная мантія почти придавила подъ тяжестью своей тщедушный старческій станъ владыки.

Но свѣтелъ и радостенъ ликомъ владыко... Великое пред-

знаменованіе было ему свыше эту ночь. Грезилось владыкѣ, что свѣтлый ангелъ подошелъ къ одру его и рекъ:

— Крѣпися, человѣче, поелику вкусишь отъ тризны Господней.

И готовъ старикъ и на смерть, и на подвигъ, и на вѣнецъ мученическій. Ни единое пятно не мрачитъ его совѣсти чистой. Не виновенъ онъ передъ Иваномъ ни въ дѣлѣ, ни въ помыслѣ... Какъ младенецъ чистъ! Русь дорога ему святая паче царя! За Русь молилъ онъ владыку Грознаго, за родину, утопающую въ крови... На все пойдетъ онъ ради Руси святой...

А клиряне большого митропольяго клира поютъ, заливаются... Словно колокола мѣдные гремятъ басы, бубенцами серебряными звенятъ дисканты дѣтскіе.

И вдругъ... Оборвалась, словно отрѣзанная, пѣснь канона архангелу... Въ ужасѣ шарахнулся народъ въ сторону. Цѣлая толпа опричниковъ, бряцая оружіемъ, вошла въ храмъ и остановилась противъ самаго мѣста митрополіева. Передъ Филиппомъ бояринъ сѣдовласый стоитъ въ кафтанѣ опричномъ. Знаетъ владыко... То Алексѣй Басмановъ, одинъ изъ злѣйшихъ кромѣшниковъ—враговъ его. Въ рукахъ Басманова грамота... Развернулъ онъ свитокъ, читать началъ. Не разбираетъ владыко, что ему по складамъ выводитъ чтецъ. Одно только понялъ онъ изъ пространно и витіевато расписаннаго указа царскаго—„за чары и колдованія и ворожейства всякія ему, бывшему митрополиту московскому, судомъ заочнымъ епископовъ, архимандритовъ и прочихъ священныхъ чиновъ, поставлено лишиться клобука митропольяго и со срамомъ и позоромъ изъятому изъ храма святого быть“.

Кончилъ чтецъ, а митрополитъ съ очами, поднятыми къ небу, словно не слыша, не видя ничего, прослѣдовалъ въ алтарь и, припавъ у престола на земь, свершилъ краткую молитву:

— Господи! Великій и многомилостивый! Твоя святая воля, Господи! Да свершится же по волѣ Твоей!

И не успѣлъ докончить молитвы владыко, какъ услышалъ страшный окрикъ за спиною:

— Што-жъ стоите! Хватайте его, колдуна нечестиваго, аль вновь приворожилъ онъ васъ чарами своими!

И въ ту же минуту почувствовалъ на себѣ десятки рукъ Филиппъ. Опричники сорвали съ него митру и мантію и, наки-

нувъ наскоро на плечи старенькую заплатанную ряску чернецкую, повлекли его изъ храма, заметая метлами слѣдъ на полу. Близко наклонилось надъ блѣднымъ, но спокойнымъ лицомъ владыки искаженное ненавистью молодое лицо...

— Не призналъ, владыче? — свистящимъ шопотомъ пронеслось надъ самымъ ухомъ старика. Глянулъ Филиппъ: передъ нимъ знакомое лицо опричника, совершившаго святотатство въ храмѣ и уличеннаго имъ.

— Узналъ, чадо мое! Да смилуется надъ тобой Господь, да отпуститъ Онъ, по великой Своей милости, грѣхи твои.

— Молчи, отецъ! Не въ твоей волѣ отпущать нынѣ грѣхи, разстрига! — вскричалъ обезумѣвшій отъ ярости Ловчиковъ и занесъ было руку надъ лицомъ владыки, какъ чья-то сильная рука ухватила его за расшитый рукавъ кафтана и удержала въ воздухѣ.

Обернулся Ѳедоръ, готовясь проучить непрошеннаго защитника... Но тутъ же и осѣлъ... Не воленъ онъ оскорбить опричника, удержавшаго его руку отъ удара... Передъ нимъ снова ненавистный Максимъ Бѣльскій стоитъ.

— Не мѣшай наказывать врага царева! — проскрежетавъ зубами, произнесъ Ловчиковъ.

— Поступай по указу, не моги перстомъ тронуть старца!—крикнулъ также гнѣвно Максимъ,—нѣсть указа на побоище отъ царя!

Сказалъ, а самъ такъ и впился глазами въ скорбный ликъ сверженнаго владыки и не можетъ оторваться отъ него.

Утромъ на зарѣ сего дня вошелъ въ горницу Малюта къ сыну и приказалъ ему именемъ царя ѣхать въ числѣ другихъ выбранныхъ свергать Филиппа.

— Служба это особливая,—тутъ же сказалъ Малюта,—и самыхъ вѣрныхъ холопей своихъ посылаетъ на нее государь. Иди и ты на отличку. Я самолично упросилъ государя послать и тебя, да вѣдомо было ему, батюшкѣ, што не причастенъ ты къ дѣламъ разстриги и што намеднешнее съ тафьей вышло у тебя—было отъ чаръ Филипповыхъ напущено. Мотри-жъ, вдругорядь не опростоволосься, парень!

Не смѣлъ ослушаться приказа царскаго Максимъ, да и что-то словно толкало его ѣхать въ соборъ, точно что влекло повидать владыку, только онъ и перечить не сталъ э натотъ разъ отцу.

И теперь, отведя руку Ѳедьки Ловчикова отъ кроткаго лица Филиппа, понялъ Максимъ, што не зря посылала его судьба въ Успенскій соборъ.

И Филиппъ, въ истерзанной одежѣ, влекомый по полу, успѣлъ замѣтить своего заступника... Спокойныя, кроткія очи владыки остановились на красивомъ лицѣ молодого опричника... Словно огнемъ прожегъ этотъ взоръ душу Максима. „Не повиненъ онъ... Не можетъ такой-то, ликомъ кроткій, аки Христосъ... ворожействомъ да кудесничествомъ заниматься... не можетъ супротивъ добра идти... Мученикъ онъ... страдалецъ безвинный!..“—вихремъ въ мысляхъ Максима проносится.

Словно понялъ Филиппъ, что происходило на душѣ молодого опричника.... Съ усиліемъ поднялъ онъ дрожащую руку и издали благословилъ Максима. Всѣми членами затрепеталъ молодой Скурата-Бѣльскій. Что-то невѣдомое, могучее сдавило ему грудь, прихлынуло къ горлу... и, закрывъ лицо руками, онъ стрѣлой ринулся изъ храма Божьяго.

А народъ, между тѣмъ, испуганный, недоумѣлый, съ воплями метнулся на паперть вслѣдъ за любимымъ владыкой. Слезы, стенанія однимъ сплошнымъ гуломъ повисли надъ соборомъ.

И вотъ, подъ этотъ шумъ народной толпы, сажаютъ святителя на дровни и везутъ въ Богоявленскій монастырь. Въ черной рясѣ заплатанной, съ непокрытой сѣдой головою сидитъ на простой телѣгѣ Филиппъ; сзади него помѣщаются двое опричниковъ съ метлами и песьими головами. Третій вскакиваетъ на коня, запряженнаго въ дровни... Тутъ только словно опомнился народъ, словно вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія: бросился бѣжать по обѣ стороны телѣги... Хватаетъ и цѣлуетъ на-лету протянутыя худыя аскетическія руки любимаго пастыря.

Кротокъ и ясенъ попрежнему чистый ликъ святителя. Простираетъ онъ благословляющія длани надъ головами своей паствы и вѣрой и твердостью звучитъ разомъ какъ-бы окрѣпшій голосъ старца:

— Молитесь, чада, молитесь за царя!

ГЛАВА XII.

Въ застѣнкѣ.

Темна и непроглядна ночь слободская...

Не свѣтитъ ровнымъ свѣтомъ мѣсяцъ двурогій, словно стыдясь освѣщать лихія дѣянія человѣчьи. Схоронился за тучкой блѣдный мѣсяцъ... Не видать его на небѣ промежъ темныхъ облачковъ ночныхъ.

Темно въ убогой каменной горницѣ, именуемой застѣнкомъ... Чуть освѣщенная трепещущимъ свѣтомъ горящей лучины, она невольно однимъ своимъ видомъ заставляетъ вздрагивать непривычнаго посѣтителя. Вдоль стѣнъ помѣщаются всевозможныя орудія пытокъ: длинныя желѣзныя полосы, исполинскія кольца съ крючьями, ввинченныя въ потолкѣ, съ висящими на нихъ ремнями... Дыба и очагъ каменный въ углу... Плети съ острыми колючими наконечниками, напоминающими собою когти дикаго звѣря... Остро отточенные ножи поблескиваютъ при свѣтѣ лучины своими стальными лезвіями. Желѣзныя сковороды и длинные остроконечные прутья... Тутъ же покладены въ углу горницы цѣлые пуки веревокъ, начиная отъ самыхъ толстыхъ, служащихъ для прикручиванія несчастныхъ узниковъ и кончая самыми тонкими, похожими на тончайшую проволоку, которыми на смерть запиливали уличенныхъ въ крамолѣ. По серединѣ горницы длинная жаровня стоитъ. На ней на медленномъ огнѣ страдальцевъ поджариваютъ, чтобы вырвать у нихъ дознаніе на розыскѣ.

Князья татарскіе, приходившіе на Русь во времена Батыева нашествія, и сама великая инквизиція позавидовали-бъ способности изобрѣтеній лютыхъ мукъ и казней, до которой

дошелъ умъ ближайшихъ сподвижниковъ и совѣтчиковъ царя Ивана.

И не мудрено, что, испытывая всѣ эти муки пыточныя, клепали напраслину несчастные страдальцы на близкихъ и дальнихъ людей, выгораживая себя, и другихъ тѣмъ подъ пытку подводили. А иные, обезумѣвъ словно, и на себя взводили напраслину, мысля признаніемъ этимъ лютую муку прикончить.

Но всѣ эти адскія хитрыя изобрѣтенія руки человѣческой на пагубу ближнихъ нисколько не трогали и не безпокоили, казалось, молодого узника, прикованнаго на цѣпи къ стѣночному кольцу въ дальнемъ углу застѣнка.

На блѣдномъ, изможденномъ, но все еще прекрасномъ лицѣ узника не замѣтно и тѣни страха и волненія. Отъ долгаго ли заключенія, али муки невѣдѣнія, но притупился и самый страхъ передъ смертью въ душѣ боярина Ивана Борисовича Колычева. Онъ даже жаждетъ смерти, этой скорой избавительницы отъ муки душевной. Давно уже томится въ застѣнкѣ бояринъ. Разгнѣванный на дядю митрополита, царь положилъ опалу и на племянника его и на прочихъ ихъ сродственниковъ... Не знаетъ за собой никакой вины Иванъ Борисовичъ; напали на него словно тати [1]) ночные, али подорожные станичники, слуги царскіе, схватили его ночью, слугъ перебили, а самого привезли сюда и держутъ здѣсь почитай которую ужь седмицу. Думаютъ изморомъ взять... Да стоекъ, молодъ бояринъ... Будетъ онъ долго держаться. Силы много у него... И што же онъ отвѣтствовать долженъ на розыскахъ, коли неповинны они ни въ чемъ съ дядей... „Коли одну только вину Филиппа скажешь,—говоритъ ему докучающій частыми приходами въ застѣнокъ Малюта, — сейчасъ помилуетъ тебя батюшка-царь, за разоренную вотчину другою пожалуетъ... Въ опричину приметъ, наградитъ своимъ царскимъ жалованіемъ не въ примѣръ другимъ... Еще, какъ знать, може первый чинъ у насъ въ слободѣ будешь!“

Молчитъ Иванъ Борисовичъ на всѣ эти рѣчи Малюты... Ни одного худого слова не скажетъ онъ про дядю. Знаетъ, что ни въ ворожбѣ, ни въ кудесничествѣ не виновенъ этотъ чистый помыслами человѣкъ.

Тогда къ иному способу прибѣгаетъ Малюта.

---

[1]) Воры.

— Знамо намъ, вѣдомо, — говоритъ онъ въ слѣдующій свой приходъ въ застѣнокъ, — што ты брался зельемъ кудеснымъ извести государя и по старому примѣру Адашевскому сторону Володиміра князя держалъ... А еще вѣдомо намъ, изъ вѣрныхъ устъ, што сбирался ты убѣгомъ уйти къ Жигмонту крулю, аки Курбскій Андрюшка, и ляхамъ предаться нечестивымъ.

— Не причастенъ я въ томъ! — шепчетъ свое боярин, пуще распаляя противу себя сердце допытчика. И не подвигается впередъ розыскъ нисколько... Къ пыткамъ приступать до времени не хочетъ Малюта. Домучить то легко да скоро можно. А замучаетъ до смерти боярина, какая-жъ гроза будетъ митрополиту? Нѣтъ, пока сидитъ въ застѣнкѣ племянникъ, будетъ на языкъ и дядя поопасливѣй. Такъ думаетъ палачъ царскій и крѣпится до времени, не приступаетъ къ своему занятію любимому.

А Иванъ Борисовичъ извелся, истомился весь.

„Скорѣе-бы, скорѣе ужь одинъ конецъ!“ — мыслитъ боярин.

Сегодня особенно не сладко на душѣ у Колычева. Вспоминается ему во всѣхъ подробностяхъ нападеніе опричниковъ. Ночь была... спали они всѣ... И онъ, и супруга его молодая, и дочурка шестилѣтняя Олюшка... И вдругъ шумъ на дворѣ слышится, бряцаніе оружія, ржаніе и топотъ коней...

— Господи! Никакъ опричники!

Знаетъ бояринъ, зачѣмъ они къ нему пожаловали. Денъ шесть аль пять до того такъ-же вотъ напали они на брата двоюроднаго, тоже изъ роду Колычевыхъ, и вмѣстѣ съ семьей взяли куда-то. И Пронскій бояринъ еще о Петровскій постъ подъ опалу попалъ безвинно и постригся, страху ради, въ обитель.

— Не попусти, Господи! — шепчетъ Иванъ Борисовичъ, а самъ дрожащими руками одежу накидываетъ да молодую боярыню будитъ.

Жена, дочка проснулись... Онъ ихъ наскоро снарядилъ и съ вѣрнымъ холопомъ потайной дверью изъ хоромъ въ поле выпустилъ... Тяжко было разставаться съ женой любимой, съ дочуркой малою... Плачетъ, разливается боярыня, рѣкой слезы текутъ... и Олюшка-малютка прижалась къ отцу, тоже плачетъ:

— Тятя... Тятя... Пойдемъ съ нами... побѣжимъ... не нагонятъ они насъ...

Сердце Ивана Борисовича словно захолонуло отъ этихъ словъ дѣтскихъ...

Крѣпко обнялъ онъ дочку, жену поцѣловалъ.

— Христосъ съ вами, родимыя! Милостивъ Богъ, не выдастъ злодѣямъ-завистникамъ. Не ворогъ я царю-батюшкѣ, слуга вѣрный... А такъ мнѣ и хорониться не пристало отъ посланцевъ государевыхъ.

— Ой, чуетъ лихо мое сердце!—рыдаетъ боярыня,—схоронись лучше по добру съ нами, Ваня. Все-же, можетъ, и не найдутъ тебя!

— Полно, голубка, — отвѣтствуетъ боринъ, — не гожее это дѣло хорониться отъ государя православнаго... Да и хуже тогда будетъ: вишь, поопасался, скажутъ, убѣжать замыслилъ, знамо есть вина за имъ?! Не хочу такого, родная! Храни васъ Богъ, а я пойду.

И крѣпко-на-крѣпко заказавъ холопу блюсти боярыню съ дочкой, вернулся въ избу Иванъ Борисовичъ, гдѣ уже рыскали, хозяйничая, опричники, и безъ сопротивленія отдался въ ихъ руки.

„Лишь-бы Настѣ съ Олюшкой укрыться успѣть въ подмосковной вотчинѣ ближнихъ родичей!..“—думаетъ бѣдняга, а самъ о себѣ и мыслить забылъ.

Связали его, словно татя, опричники, въ слободу привезли и безъ суда, безъ расправы, бросили въ застѣнокъ.

Вотъ какими думами полна голова узника-боярина... Низко опустилъ онъ ее на грудь, сидитъ понурившись и шепчетъ по временамъ губами запекшимися:

— Ужь скорѣй-бы! Скорѣе! Либо объ Настенькѣ съ дѣвчуркой узнать желанныхъ добрую вѣсть, либо на дыбу да на плаху заодно идти...

И словно подсторожила судьба желаніе боярина. Заскрипѣли тяжелые засовы. На ржавыхъ петляхъ желѣзная дверь повернулась... Цѣлый снопъ свѣта ворвался въ горницу и освѣтилъ и пригорюнившагося со своими мыслями безотрадными Колычева, и страшныя орудія пытки, разставленныя по угламъ.

Вздрогнулъ боринъ... Вскочилъ... Уныло кандалы и цѣпи прозвучали тяжелымъ, душу выматывающимъ звономъ. Передъ нимъ рыжебородый, хорошо знакомый Ивану Борисовичу Малюта стоитъ... За нимъ два ратника изъ опричнины, должно сподручные Іуды. Одинъ изъ нихъ въ рукахъ фонарь держитъ...

— Здравствуй, боярин!—съ насмѣшливой улыбкой, низко кланяясь въ поясъ заключенному произнесъ Бѣльскій. — Што-жъ, надумался, што-ли, отвѣтъ держать али все еще упорствуешь?

— Никакого отвѣта у меня нѣтъ, — твердо произнесъ Колычевъ.—Што допрежъ того говорилъ—то и теперь скажу: непричастенъ владыко ни къ какому худу... не...

— Вишь ты!—засмѣялся Малюта отвратительнымъ, измывающимся смѣшкомъ, — видно крѣпки стѣны тюремныя, што ты до сей поры не вѣдаешь, боярин, што вся Москва знаетъ... Нѣтъ болѣ владыки...

— Умеръ?—въ волненіи спросилъ Иванъ Борисовичъ.

— Зачѣмъ умеръ, — посмѣиваясь тѣмъ-же смѣшкомъ ненавистнымъ, продолжалъ Малюта, — такъ вотъ сейчасъ тебѣ и умеръ... Больно скоро. Нѣтъ, инако дѣло, слышь, тутъ наклевалось: не владыко болѣ Филиппъ, а разстрига, чернецъ смиренный..,

— Господи!—съ ужасомъ прошепталъ боярин,—попустилъ Ты проклятыхъ кромѣшниковъ...

— Потише! Гей, потише, молодецъ! — словно раскатомъ громовымъ пронеслось по застѣнку.—Не кромѣшники, а слуги царскіе творили по волѣ государевой. Ты побереги-то Господа на другое призывать, боярин. На поминальную молитву, къ примѣру сказать: родичи твои, бояре Колычевы, съ вотчиною и челядью и холопьями схвачены и...

— И... доканчивай, Іуда! — прошепталъ чуть слышно узникъ.

— И приказали долго жить тебѣ, боярин.

— Боже Праведный! — вырвалось изъ груди несчастнаго и онъ схватился руками за голову.

— И боярин Пронскій, што отъ царева гнѣва монашеской схимой укрыться хотѣлъ, — продолжалъ повѣдывать палачъ,—тожъ сложилъ свою буйную голову. Тоже, чай, сродни тебѣ, Ванюша? А?

Но не слышалъ послѣднихъ словъ мучителя Иванъ Борисовичъ. Страшная мысль въ его головѣ пробѣжала и словно опалила мозгъ боярина.

„Настя... Олюшка... Вѣдь у Колычевыхъ въ вотчинѣ хоронились онѣ... Што-то съ ними?.. Спаслись-ли, избѣжали-ли участи страшной?“

А спросить Іуду о томъ боится бѣднята... Какъ-бы на мысль ту его не навести ненарокомъ... Богъ вѣдаетъ, може и спасены жена и дочка... Такъ ужь лучше и не упоминать о нихъ, штобы не опомнились враги, не принялись за поиски...

А Малюта очей не сводитъ пронырливыхъ съ мучительно задумавшагося узника. Словно читаетъ онъ, што творится въ душѣ заключеннаго... Бѣсовская улыбка змѣится на губахъ палача...

— Што закручинился, бояринъ? Аль о супругѣ и доченькѣ ненарокомъ вспомянулось?

Встрепенулся Иванъ Борисовичъ. Словно ножъ острый при этихъ словахъ ему вдоль сердца прошелъ. Упалъ онъ къ ногамъ палача Малюты, гремя кандалами и цѣпью.

— Смилуйся, Христа ради, — шепчетъ, — скажи только слово единое—живы-ль онѣ аль нѣтъ?

— Што, што ты, бояринъ,—издѣваясь надъ несчастнымъ, остановилъ его Іуда, поднимая его съ полу, и произнесъ ласково:—и о женкѣ твоей, и о дѣвочкѣ все повѣдаю, только не упрямься, милъ-человѣкъ, выложи все какъ есть, безъ утайки, о чемъ знаешь про колдованіе Филиппово...

— Опять!—простоналъ въ отчаяніи Колычевъ,—докольже томить меня ты будешь, измывникъ! Сказано—не вѣдаю за дядей никакой прорухи... Святъ онъ предъ царемъ!

— А! Такъ ты снова переться вздумалъ!—полный лютой злобы, забасилъ Малюта,—тогда не погнѣвись, бояринъ. Извѣдай кой-што нерадостное: надо тебѣ за упокой молиться двухъ новопреставленныхъ: рабы Божіей Анастасіи и отроковицы Ольги...

Сказалъ, а самъ глазъ заискрившихся, какъ у ехидной змѣи подколодной, съ Колычева не спускаетъ.

Не крикнулъ бояринъ... Не ахнулъ даже.

Только съ усиліемъ руку правую, закованную въ цѣпи, приподнялъ и сотворилъ крестное знаменіе...

А уста поблѣднѣлыя шепчутъ чуть внятно: „Благодарю тя, Господи, што послалъ имъ конецъ, не попустилъ служить на потѣху Иродамъ“.

А потомъ поднялъ странно засіявшіе глаза на Малюту и спокойно, громко произнесъ:

— Больше ничего не узнаешь ты отъ меня, кровопивецъ, душегубецъ проклятый. Не томи же зря. На помостъ, на плаху веди скорѣе. Устъ моихъ не разомкну отнынѣ.

— Ой, штой-то ты словно прытокъ больно, бояринъ!— злорадно произнесъ Малюта,—помереть—помрешь, словъ нѣтъ въ томъ, помрешь, да только допрежъ того, не обезсудь, родимый, попытать тебя малость придется, не гнѣвись... Порядку ради, може и разомкнешь тогда уста свои милостивыя и повѣдаешь мнѣ, недостойному холопу твоему, правду-истину. Ей, вы, поспѣшайте-ка приняться за боярина молчаливаго,— обратился онъ въ сторону своихъ сподручниковъ, — надо дознаться намъ: може и впрямь ненарокомъ онѣмѣлъ бояринъ!

Не пришлось повторять Малютѣ своего приказанія... По одному взгляду понимали своего начальника холопы его вѣрные. Словно два дикіе звѣря, накинулись они на Колычева, повалили его на земь, сорвали съ него кандалы ножныя и ручныя, одежу скинули и, обнаживъ тѣло несчастнаго, распластали его на желѣзной скамьѣ, прикрутивъ ноги и голову узника къ обѣимъ ея концамъ. Потомъ одинъ изъ нихъ снялъ длинный прутъ со стѣны, законченный когтями желѣзными, и провелъ имъ отъ шеи до самыхъ пятъ несчастнаго. Дикій вопль огласилъ горницу... Струя крови вмигъ обагрила все тѣло боярина и не только тѣло, но и скамью и каменный полъ застѣнка.

А Малюта быстро склонился къ лицу лежащаго и прошепталъ ему въ самое ухо:

— Аль не любо! А и нѣженка-же ты, бояринъ! И погладить себя не дашь лапкой бархатной... Што-же, и таперича запрешься, што-ль?!

Тихій стонъ былъ ему отвѣтомъ.

— Да и упрямъ-же ты, дюже упрямъ, Ванюша! Ну, какъ знаешь, молчи, коль не считаешь достойнымъ мнѣ, твоему холопу, смерду окаянному, словомъ мирволить. Только ужь не погнѣвись, если я на сей разъ инако съ тобой побалясничаю.

И давъ неуловимый знакъ своимъ помощникамъ, Малюта снова отошелъ отъ жертвы.

На этотъ разъ длинный прутъ съ острыми когтями не коснулся искровяненной спины несчастнаго. За то нѣчто худшее заставило затрепетать по рукамъ и ногамъ связаннаго ремнями Колычева. Желѣзныя клещи коснулись Ивана Борисовича, и цѣлый кусокъ мяса человѣчьяго, вырванный почитай что до самой кости несчастнаго, повисъ на концѣ адскаго орудія...

Страшный вопль потрясъ стѣны горницы... За нимъ послѣдовалъ второй... третій... Пытка смѣнялась пыткой...

Но напрасно этимъ путемъ хотѣлъ вырвать изъ устъ полузамученнаго страдальца признаніе Малюта. Ни однимъ словомъ не обмолвился пытаемый. Раскаленныя иглы жгли его тѣло, клещи рвали мясо на живомъ человѣкѣ, острые гвозди вбивались подъ ногти, и въ отвѣтъ на всѣ эти нечеловѣческія муки—были лишь стенанія несчастнаго боярина, которыя все глуше и глуше становились и наконецъ затихли вовсе...

— Онѣмѣлъ и впрямь бояринъ! — склонившись надъ впавшимъ въ безпамятье страдальцемъ, произнесъ одинъ изъ палачей. — Не развязать-ли ему языкъ, аль може и совсѣмъ обезрѣчить его?—И, говоря это, сподручный катъ схватилъ какое-то новое орудіе, висѣвшее на стѣнѣ, не то ножъ о двухъ лезвіяхъ, не то топорикъ двухконечный, и приблизилъ его къ устамъ лежащаго.

— Не тронь! — властно раздался голосъ Малюты, — не моги портить лика боярскаго, — уже съ насмѣшкой добавилъ онъ,—мы его въ даръ готовимъ кой-кому, а не гоже жаловать дарами порченными, самъ, чай, знаешь?! Живъ онъ, што-ли еще?!

И быстро наклонившись надъ лежащимъ мученикомъ, Малюта проговорилъ ему въ самое ухо:

— Живъ што-ли, Иванъ Борисовичъ? Коли живъ, откликнись!

Глухой стонъ былъ ему отвѣтомъ.

— Впослѣдокъ спрашиваю я тебя,—такъ же громко въ ухо Колычева продолжалъ мучитель,—повѣдаешь ты намъ про козни кудесника-разстриги аль нѣтъ?..

Сплошная масса крови и отреньевъ мяса и кожи, висящихъ клочьями на этомъ живомъ скелетѣ, еще за часъ до того имѣвшемъ обликъ человѣческій, слабо зашевелилась, какъ-бы при послѣднемъ издыханіи.

— Никакъ отходитъ!—прошепталъ одинъ изъ палачей и отвязалъ ремни на тѣлѣ или, вѣрнѣй, на безобразной кучѣ мяса и костей, принадлежащихъ замученному.

— И впрямь отходитъ! — подтвердилъ Малюта.—Туда и дорога собакѣ! Ишь, нѣженки, ковы супротивъ царя строить куда горазды, а чуть што не по шерсткѣ, такъ и дохнутъ,

какъ мухи... Ну ево! Истомился надъ нимъ дарма, ажно седьмой потъ вдарилъ... Давай-ка-сь бердышъ, Ѳомка!

И взявъ изъ рукъ помощника небольшой острый топорикъ, Малюта ловкимъ и быстрымъ движеніемъ занесъ его надъ головою страдальца и... прекрасная, блѣдная, какъ алебастръ, голова Ивана Колычева отдѣлилась отъ тѣла и упала на полъ тюрьмы, обагренная кровью.

ГЛАВА XIII.

Кровавый даръ.

Прямо изъ застѣнка прошелъ Малюта въ горницу сына. Печальный сидѣлъ на лавкѣ Максимъ... Нерадостныя мысли въ головѣ кружились у юноши. Давно онъ не видалъ Евфиміи, давно и Марьюшка ему пересказывать о ней перестала... Только по временамъ глянетъ она на брата таково ласково, рукой проведетъ по головѣ его кудрявой и скажетъ жалостливо:

— Крѣпись, братецъ, крѣпись, Максимушка, противъ судьбы не попрешь!

Што за притча? Скрываетъ она што-то отъ него, что-ли? А што скрываетъ—не вѣдаетъ Максимъ и еще пуще на душу его тяга ложится, еще горше да тоскливѣе становится на сердцѣ юноши. Вотъ и сейчасъ сидитъ онъ, опершись рукой на столъ дубовый, головушку побѣдную на руку склонивъ. И не слышитъ, онъ какъ скрипнула дверь горницы, какъ вошелъ кто-то.

Опомнился юноша лишь когда пришелецъ нежданный уже супротивъ него стоитъ. Глянулъ—отецъ. Въ рукахъ мошна у него изъ красной кожи сафьяновой, тугими бечевками перетянутая. Положилъ на лавку свою ношу Малюта, самъ къ сыну подсѣлъ... Смотритъ на него ласково, словно и не тотъ это Малюта, который за часъ до того боярина до смерти запыталъ. Очи любовно на сынѣ остановились... Рука, еще отъ слѣдовъ крови не отмытая, опустилась на плечо юноши.

— Што не веселъ, сыночекъ? — спрашиваетъ. А голосъ таково ласково, нѣжно звучитъ. Даже всю свою грубость

обыклую словно утерялъ. Уста улыбаются тепло... любовно...

— Ничего, батюшка!—отвѣтствуетъ Максимъ, а самъ отъ тяжелой руки отца глазъ отвести не можетъ. Примѣтилъ зоркій взглядъ юношескій на рукавѣ рубахи отцовой, чуть повыше запястья-наручника расшитаго, малое пятнышко багровое... Понялъ Максимъ откуда пятно это на рукавѣ отца-палача. И содрогнулся юноша и отпрянулъ невольно въ сторону... А у самого зрачки расширились... губы блѣдныя шепчутъ безсвязно:

— Не подходи... не замай... Кровь на тебѣ человѣчья!

Горькой усмѣшкой повело недобрыя уста Малюты.

— Эхъ, ты, баба, баба, тетеря!—произнесъ онъ презрительно, — какой-же ты опричникъ, коли крови боишься... И вирямъ—баба!.. Соромись, безстыжій!.. Кровь не человѣчья это, песья... Крамольники царевы—тѣ-же псы смердящіе! А и квашня-жъ ты, Максимка, какъ погляжу я на тебя!.. Женить тебя што-ль, штобъ остепенился ты... Младъ еще... Да все-жъ лучше буде, коль жена добрая попадется, и кручина твоя пропадетъ, да поразумѣешь болѣ!..

Вздрогнулъ Максимъ.

Шутитъ отецъ аль нѣтъ?

Жениться ему теперь, когда образъ Евфиміи Старицкой денно и нощно передъ нимъ стоитъ, съ ея ликомъ свѣтлымъ, съ очами кроткими!

А може шутитъ батюшка?!

И то пошутилъ Малюта. Не скоро онъ разстанется съ сыномъ... Дороже ему всего на свѣтѣ бѣломъ Максимка. И жену, и дочекъ въ кабалу отдастъ, не сморгнувъ, Малюта, коли понадобится... А этотъ юноша, съ глазами его свѣтлыми, съ лицомъ пригожимъ да нѣжнымъ, словно у красной дѣвицы, такъ ему въ душу всосался, што развѣ съ сердцемъ его только и вырветъ изъ груди Малюта... Завѣдомый злодѣй онъ, завѣдомый палачъ жестокосердный, а отъ одного взора ласковаго юноши этого въ немъ сердце дрожитъ. Да не больно-то ласковъ съ нимъ сынокъ богоданный... И самъ не ластится да и отъ ласкъ отцовыхъ всячески отлыниваетъ. Не любитъ отца Максимъ, пуще того—ненавидитъ, боится... Да и не одного отца ненавидитъ, всю опричнину царскую, всю свою службу слободскую.

„Эхъ!—Перемелется мука будетъ!—думаетъ Малюта, самъ себя обнадеживая,—а не перемелется—самъ перемелю... и не услышитъ какъ, не почуетъ! И што, впрямь! Не таковскихъ передѣлывали на свой манеръ!“

И уже не прежней лаской недавней заблестѣли раскосые недобрые глаза Малюты. Что-то жесткое появилось въ складкахъ его толстыхъ губъ. Распалилось въ немъ сердце противъ юноши-сына, не мирволившаго лаской, покорствомъ къ нему—отцу его кровному.

— Слухай, парень! — обратился онъ къ Максиму, теперь грубымъ голосомъ, коимъ съ пытаемыми боярами въ тюрьмахъ привыкъ говорить,—памятуешь ты, што царь-государь на тебя опалу держалъ и простилъ тебя моего челобитья ради?!. Сказалъ тогда осударь, што ждетъ отъ тебя службы, и коли поусердствуешь ему, надежѣ свѣтлой нашей, проститъ онъ тебѣ негожее твое поведеніе въ Новодѣвичьемъ храмѣ монастырскомъ...

— Памятую, батюшка!—тихо, тихо, словно нехотя отвѣтилъ Максимъ.

— То-то, сынокъ. Вотъ теперь часъ службы пришелъ. Да не трудная то служба, парень. Сегодня объ вечеръ, какъ зайдетъ солнышко, осѣдлаешь коня и поскачешь на емъ въ Москву, къ Николѣ Старому, што на Никольской улицѣ подворьемъ стоитъ. Тамотко сидитъ Филиппъ-еретикъ. Войдешь ты къ разстригѣ сему въ келью его теремную и отвезешь ему сію мошну (тутъ Малюта глянулъ въ сторону сафьяноваго мѣшка, лежащаго на лавкѣ) съ даромъ царскимъ и дашь ее старцу. Скажи: молъ кланяется тебѣ низко осударь и проситъ не обезсудить на его царскомъ жалованіи.

— Исполню, батюшка.

— Да мотри, пуще глаза мошну блюди! Памятуй, сынокъ, не простую кладь везешь, а подарокъ царскій!

— Ладно! — отвѣтилъ Максимъ и ярко заблестѣли очи юноши.

Радъ онъ, несказанно радъ. Давно тянетъ его къ старцу благочестивому, кроткому... Съ того самаго дня, какъ вступился за владыку въ храмѣ Максимъ, покою не даетъ взоръ старца юношѣ. И горитъ желаніемъ сердце молодого опричника повидать его взглянуть въ кроткія очи святителя, услышать рѣчь его ласковую...

Вотъ бы кто поучилъ его, Максима, какъ поступать, какъ залѣчить рану сердечную, какъ тоску-кручину любовную по Евфиміи-княжнѣ изъ сердца изъять.

Да, да, къ нему, къ святителю, къ праведнику, страдальцу невинному, соколомъ быстрокрылымъ полетитъ Максимъ! Онъ его наставитъ, научитъ! Онъ—кроткій, дивный!.. Не даромъ взоръ его напомнилъ юношѣ взоръ другого страдальца на крестѣ—распятаго Спасителя!

И въ первый разъ глубокой благодарностью къ отцу нелюбимому забилось сердце Максима. Ласково блеснули глаза юноши.

— Не тревожься, батюшка, все исполню въ точности, отвезу царевъ даръ митрополиту.

Не вѣдалъ юноша, што было схоронено въ сафьяновой мошнѣ. Кабы вѣдалъ про то Максимъ Григорьевичъ, упало-бы сердце въ немъ и отпрянулъ-бы онъ отъ мошны, принесенной сюда Малютою. А Малюта, довольный сыновьимъ отвѣтомъ ласковымъ, вышелъ изъ горницы, наказавъ сыну не медля сбираться въ путь.

Уже алая полоса зари погасла на небѣ темномъ и густыя осеннія сумерки окутали Москву съ ея церквами и соборами, съ богатыми хоромами и двумя рѣчками, теперь первымъ ледкомъ подернутыми, Москвой-рѣкой да Неглинной, когда Максимъ на своемъ гнѣдомъ аргамакѣ подъѣхалъ къ тихой обители Николы Стараго.

Чернецъ-воротникъ не безъ страха открылъ ему тяжелыя ворота монастырскія, косясь на нежданнаго поздняго гостя...

— Гдѣ тутъ прежній владыко московскій, понѣ опальный мнихъ Филиппъ, помѣщается, повѣдай, отче! Я къ нему отъ осударя присланъ,—спросилъ у чернеца Максимъ, спѣшившись и привязывая коня къ тыну двора монастырскаго.

— Коль прикажешь, бояринъ милостивый, — съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ тотъ,—я тебя къ ему проведу.

— Ладно, веди, коли милость твоя на то будетъ.

И отцѣпивъ отъ чепрака [1]) прикрѣпленную къ нему мошну съ даромъ, Максимъ послѣдовалъ слѣдомъ за мнихомъ длинными ходами да переходами монастырскими.

Не великъ и не казистъ былъ монастырь Николы. Зат-

---

[1]) Родъ сѣдла.

хлостью да плѣсенью вѣяло отъ его покосившихся стѣнъ. Скорѣе на тюрьму походилъ онъ, нежели на тихое пристанище монашеской братіи. И уставъ монастыря здѣсь былъ строгій и суровый, каковы и самыя зданія. Зналъ Иванъ, куда помѣстить ненавистнаго, докучавшаго ему „печальника“.

Послѣ долгаго пути по полутемнымъ узкимъ переходамъ, подвелъ Максима чернецъ къ маленькой дверцѣ почти ушедшей въ землю келейки.

— Вотъ здѣсь братъ Филиппъ, бояринъ, сидитъ, — указалъ мнихъ и, отыскавъ среди ключей, висѣвшихъ на поясѣ, большой ржавый ключъ, открылъ имъ замокъ на двери и распахнулъ ее передъ Максимомъ.

Юноша очутился въ маленькой келейкѣ темничной. Изъ праваго угла глядѣлъ на него ликъ Спаса, освѣщенный трепетнымъ свѣтомъ висѣвшаго передъ нимъ паникадила, съ пеленою подъ божницею, доходящей до пола. Слабымъ огонькомъ озаряла лампада предкіотная сидящаго у стола на низенькомъ деревянномъ стольцѣ Филиппа. Передъ нимъ лежала большого размѣра книга, раскрытая, вся испещренная славянскими письменами. Усердно читалъ по ней бывшій владыко московскій и не слыхалъ онъ, какъ растворилась дверь кельи, какъ впустилъ въ нее Максима монахъ, а самъ удалился, позвякивая ключами монастырскихъ тюремъ да повалушъ[1]) келеекъ. А можетъ и слыхалъ, да не могъ оторваться отъ дивныхъ письменъ священнаго писанія, въ которыхъ черпалъ нынѣ и силы, и крѣпость духа.

Только когда упалъ передъ свергнутымъ святителемъ на колѣни Максимъ и, припавъ головой къ его ногамъ, молвилъ: „Благослови, отче!“ поднялъ голову отъ книги Филиппъ. Глянулъ... Опять передъ нимъ тотъ юноша свѣтлоокій, полюбившійся ему, словно родной сынъ... Опять тихія, чистыя какъ у младенца, очи смотрятъ на Филиппа съ затаенной жалостью и лаской...

Поднялъ обѣ руки, закованныя въ кандалы, бывшій митрополитъ и возложилъ ихъ на кудрявую голову юноши.

— Буде благословеніе Господа надъ тобою, сынъ мой! — произнесъ онъ и, наклонившись къ юношѣ, приподнялъ лицо

---

[1]) Кладовыя.

его и поцѣловалъ въ молодыя уста, осѣненныя раннею печатью скорби.

— Зачѣмъ пожаловалъ, чадо?—спросилъ потомъ.

— Не по волѣ своей удостоенъ я, грѣшный, увидать пресвѣтлый твой ликъ, отче,—произнесъ Максимъ,—государь наказалъ мнѣ посѣтить тебя... Жалуетъ онъ тебя, отче, даромъ царскимъ своимъ. Прими, владыко!—И юноша подалъ святителю сафьяновый мѣшокъ съ государевымъ подаркомъ.

Поспѣшно сталъ онъ срывать бечевки, стягивающія мошну, чтобы не утруждать зря скованныя руки святителя. Вотъ послѣдняя раскручена. Вотъ надломлена царская печать съ выведеннымъ на ней царскимъ знакомъ... Раскрыта мошна... Запустилъ въ нее обѣ руки Максимъ и... отпрянулъ назадъ съ дикимъ крикомъ, весь бѣлый, словно мертвецъ...

— Святъ! Святъ! Святъ Господь!—шепчетъ, а самъ полными ужаса очами такъ и впился въ раскрытую мошну, гдѣ лежитъ сокрытый еще страшный даръ царевъ.

Но нѣтъ страха въ лицѣ бывшаго владыки московскаго, когда онъ, преклонивъ колѣни надъ сафьяновой мошной, распахнулъ ее...

Страшное, диву подобное увидѣли нѣчто тамъ разомъ и старецъ, и юноша.

На днѣ мѣшка лежала мертвая голова человѣчья, залитая запекшеюся потемнѣвшею кровью. Широко раскрыты полныя смертельнаго ужаса и муки очи мертвеца. Торчитъ клиномъ надъ отрѣзанной шеей курчавая бородка недолгая... Посинѣлыя уста раскрыты и сквозь нихъ сжатые въ предсмертной агоніи мучительной бѣлые зубы какъ зерна бурмицкія блестятъ. И несмотря на судорогу, исказившую въ послѣднія минуты и застывшую теперь въ этомъ мертвомъ лицѣ, несмотря на пятна запекшейся крови на немъ, на всклокоченные волосы и отрѣзанныя уши, не могъ не признать Филиппъ въ мертвой головѣ—голову любимаго своего племянника, Ивана Борисовича Колычева.

Добрый даръ уготовилъ своему воображаемому врагу Грозный царь-мститель Иванъ Васильевичъ!.. Но не испугъ, не ужасъ отразились на лицѣ Филиппа при видѣ этой мертвой молодой и прекрасной еще такъ недавно главы... Тихая, кроткая, любящая улыбка озарила черты святителя... Осто-

рожно и любовно коснулся онъ дланями мертвыхъ ланитъ и тихо, не спѣша, извлекъ изъ мошны голову.

— Счастливъ ты, сынъ мой!—произнесъ онъ,—што воспріялъ кончину мученическую и уподобился смертію своею святому праведному Іоанну обезглавленному!—И говоря это, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ голову и спокойно устами прильнулъ къ мертвому челу.

Потомъ снова положилъ страшный даръ царевъ въ мошну обратно и, ласково указывая на него глазами все еще помертвѣвшему отъ невыносимаго зрѣлища Максиму, сказалъ:

— Отвези государю-царю главу сію неповинноубіеннаго страдальца и скажи ему, сынъ мой, што да будетъ воля Господня! И азъ, грѣшный, молюсь о царѣ православномъ въ заточеніи моемъ!

Бѣлѣе плата бѣлаго подошелъ Максимъ къ Филиппу... Невыразимой мукой горѣли теперь очи юноши... Скорбныя складки бороздами глубокими легли на молодое чело... Не вынесло сердце Максима... Словно тростинка, вихремъ сломанная, упалъ онъ къ ногамъ бывшаго владыки, и громкія судорожныя рыданія потрясли, казалось, убогія стѣны тѣсной темницы-келейки...

— Владыко, отче! — рыдая, лепеталъ Максимъ.—Тяжко мнѣ, ой, тяжко!.. Не выноситъ сердце пытокъ да казней, што зрѣть ежедневно, въ ину нору, приходится... Не мирволитъ оно и къ службѣ опричной... Но все-же доселѣ терпѣлось кой-какъ. А сегодня, сей мигъ!.. О, Господи! што узрѣть довелось... Не вынести болѣ мнѣ ада сего кромѣшнаго! Не слуга я болѣ царскій... Въ обитель уйду!.. Возьми меня къ себѣ, отче! Слугой твоимъ буду... Научи, вразуми меня... Окрыли единымъ словомъ твоимъ!..

Пылко, горячо звучитъ рѣчь юноши.

И рыдаетъ, и бьется у ногъ Филиппа Максимъ.

И чѣмъ горче, чѣмъ тоскливѣе звучатъ рѣчи его, тѣмъ все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ печальный ликъ святителя...

Кончилъ Максимъ, осушилъ свои юношескія слезы горючія. Въ свѣтлое лицо владыки смотритъ. Што съ нимъ? Словно солнце взошло и келью освѣтило... Раскрылись уста Филиппа...

— Сынъ мой, мужайся!—говорилъ онъ.—Полно къ тебѣ любовью сердце мое!.. Чистъ ты и кротокъ аки голубь не-

бесный! Благослови тебя Христосъ Спаситель! Правда твоя, не для міра созданъ ты, чистый сердцемъ и помысломъ юноша! Слугою Своимъ избралъ тебя Милосердный Господь!.. Иди-же съ миромъ, чадо мое... Найдешь себѣ пристанище въ скромной обители, што подлѣ Твери... Отрочьимъ монастыремъ зовется... И да сохранятся чистыми помыслы твои...

— Но я хочу, отче, быть подлѣ тебя! Служить тебѣ, святой отецъ!—снова прошепталъ Максимъ, весь исполненный свѣтлаго восторга и радости.

— Богу единому подобаетъ служить, а не людямъ, чадо мое!—произнесъ святитель и, поднявъ очи кверху, сказалъ пророческимъ голосомъ: — Вѣрую, что Господь не оставитъ тебя и меня, грѣшнаго, наставитъ руководить тобою, чадо мое возлюбленное. Скоро, скоро соединимся мы въ жизни сей. А теперь ступай съ миромъ и, какъ посланецъ государевъ, доверши свой долгъ.

Съ сердцемъ, исполненнымъ неземной радости, покинулъ Максимъ келью Филиппа и пустился въ обратный путь. Не страшенъ ему болѣ даръ царскій, сокрытый въ мошнѣ... Безъ трепета доставитъ его въ слободу юноша. Весь трепетъ сошелъ съ него и отпалъ въ кельѣ Филиппа, вселившаго въ него свѣтлую надежду и радость.

ГЛАВА XIV.

Будущая крулева ливонская.

Подошло незамѣтно свѣтлое Рождество Христово съ его колядованіемъ, да святками, да гаданьями и потѣхами въ дому и на улицахъ...

Ходятъ по слободѣ скоморохи съ личинами звѣрей да чудовищъ разныхъ, на головы понадѣванными, съ гудками, да литаврами, да дудочками-сопѣлочками. Всякія непристойныя шутки отхватываютъ, всякія дѣйства потѣшныя здѣсь же, на улицѣ, подъ кровомъ крещенскихъ вечеровъ звѣздныхъ, свершаютъ.

Часто соромными [1]) эти дѣйства оказываются... Но не обижается на нихъ черный народъ. Любитъ онъ и шуточки вольныя, и рѣчи беззастѣнчивыя, а какъ пропуститъ чарочку, другую зелена вина, такъ и пуще того по нраву ему становятся беззастѣнчивыя дѣйства потѣшниковъ...

Но не только на улицѣ, а и въ терему царскомъ веселье идетъ. Побросали обычную свою работу теремныя затворницы... Шитье ладонокъ, да ширинокъ, да пеленъ церковныхъ ужь не наполняетъ досугъ теремныхъ боярынь да боярышенъ.

Весело и у нихъ въ терему нонѣ. Въ царицыной свѣтлицѣ гаданье по вечерамъ бываетъ, да гусляры-пѣвцы не выводятся. Дурки да карлицы рѣчами смѣшливыми потѣшаютъ, другъ передъ дружкой стараются—кому-де пуще царицу-матушку да царевну разсмѣшить удастся.

Тепло, душно въ теремѣ... Печи дюже накалены свѣт-

---

[1]) Безстыдными.

личныя... Крещенскіе морозы лютые на дворѣ стоятъ. Не дай, Боже, царица застудится,—не здѣшней она стороны... жаркой... издалече занесенъ сюда, на сѣверъ студеный, этотъ нѣжный цвѣтокъ восточный... Пуще всего блюсти его отъ мороза да отъ глазу отъ царя наказано постельнымъ боярынямъ. А и стараются-же онѣ: такъ натопили по ихъ указу горницы сѣнныя дѣвушки, што и дышать индо въ нихъ трудно. Ништо! Не менѣ весело отъ того въ царицыномъ терему! Привычны затворницы россійскія къ теплу да холѣ. Царь костей-де не ломитъ.

Смѣхъ веселый звучитъ въ горницѣ. Сама царица на лавкѣ сидитъ за столомъ, кувшинами съ медомъ сыченымъ, малиновымъ, да блюдами позаставленнымъ, съ орѣхами грецкими, да изюмомъ сушенымъ, да пряниками въ патокѣ, да имбирными. Кушаетъ сама и ближнихъ боярынь потчуетъ. Тутъ и Грязная боярыня, и дородная Чоботова, и Сукина, и худенькая, тщедушная Скуратова-Бѣльская, по недужеству своему рѣдко вхожая въ царскія палаты. Тутъ и мамы царевны да княженъ. Всѣ разубраны ради праздника въ убрусахъ высокихъ, на головахъ поверхъ волосниковъ понадѣванныхъ, въ картеляхъ [1]) изъ аксамита, бобромъ да куницею вдоль подола и передней полы спущенныхъ, въ куньихъ тожъ аль въ собольихъ ожерельяхъ [2]), вкругъ шеи и плечей и груди наложенныхъ, съ подвѣсами изъ крупныхъ жемчужинъ, съ запонами изъ камней самоцвѣтныхъ, вдоль картеля насаженныхъ спереду отъ самой шеи до края одежи. Лица густо насурмлены и намалеваны по обыклости тогдашней. Жарко боярынямъ, потъ съ ихъ лицъ раскраснѣвшихся такъ и льетъ рѣкой, того и гляди всѣ сурмила затѣйныя смажетъ. А раскручиваться нельзя. Не просто онѣ нонѣ у царицы въ терему—гостьи онѣ званыя государыни. И сидятъ округъ стола боярыни, другъ дружку оглядываютъ, губы поджимаютъ да насчитываютъ сколько у кого перстней на пальцахъ и сравниваютъ ихъ достоинства со своими. Подвѣсками да киками, унизанными яхонтами да изумрудомъ-камнемъ, кичатся.

Инако ведутъ себя дѣвушки... Имъ не занятно въ молчанку играть да нарядами похваляться. Разгорѣлись лица

---

1) Лѣтникъ на легкомъ мѣху.
2) Воротники, пелерины.

молодыя... Смѣхъ и возгласы ежеминутно оглашаютъ покои свѣтлые. Начельники шитьемъ блещутъ на русыхъ, и темныхъ, и бѣлокурыхъ головкахъ, а пуще того блещутъ очи молодыя, искрометныя, и синія, и карія, и сѣрыя — цвѣта стали булатной.

Весело, любо дѣвушкамъ... Хохочутъ...

Гаданье у нихъ идетъ. Натопили олова цѣлый ковшъ бражный. Опустили его въ лоханъ съ водой и вынимаютъ теперь оттелева кусками отдѣльными, въ студеной влагѣ распавшимися.

Тутъ же карлица Марьюшка горбатая, злющая и смѣхотворная въ одно и то-же время, неподалеку вертится; тамъ и сямъ словцо такое молвитъ, што надорвать животики со смѣху впору.

— Инъ глянь-ко-сь, Фимушка!—дергаетъ за рукавъ сестру-княжну царевна-Дуня,—што мнѣ выкинулось.

На ладони царевны кусокъ олова небольшой лежитъ, на стѣну тѣнь отъ него падаетъ,—не то роща какая, не то изба съ стражникомъ воротнымъ!..

Ужь больно занятно...—хохочетъ дѣвочка.

Ей-то, царевой дочкѣ, и вдругъ!.. Воротный стрѣлецъ! Смѣху подобно!

— Покажь-ка-сь!—визгливымъ голосомъ произноситъ карлица.

— На, смотри! На мой смекъ, не поймешь ты, дурка, ничего!..

— На мой смекъ—глупъ человѣкъ, — затараторила карлица, паясничая и подпрыгивая,—на мой смекъ не изба, не домы — а собачьи хоромы... Ни стражникъ, ни ратникъ, ни воротникъ — а мужикъ огородникъ... Отъ сивки, отъ бурки, отъ вѣщей каурки—вотъ вамъ весь сказъ дурки!

И пуще того хохочетъ царевна...

— Ай да дурка! — вторитъ ей серебрянымъ колокольчикомъ Марѳуша-княжна.

— И мнѣ, и мнѣ растолкуй,—смѣется она, протягивая и свой кусокъ олова карлицѣ.

— Што тебѣ толковать,—тараторитъ та.— Ты у насъ извѣстная умница-разумница, веселая затѣйница, келейница, плѣнница. Смѣешься, гуторишь, пустое баешь—по-лисьи лаешь... хвостикомъ виляешь—царя-батюшку забавляешь!

Не спроста брехнула на этотъ разъ карлица. И впрямь маленькая княжна Марѳуша, веселая и лукавая дѣвочка, умѣетъ угодить всѣмъ, кому ни пожелаетъ, особливо царю. Искренно-ли, аль не искренно, а льнетъ она къ государю, разгоняя зачастую тучи на его лицѣ, а порой отводя и готовую уже разразиться грозу надъ головами окружающихъ. Умѣетъ она обойти подозрительнаго ко всѣмъ дядю-царя, и тотъ ни разу еще не гнѣвался на нее... А благодаря тому легко и радостно жилось въ терему дворцовомъ княжнѣ Марѳушѣ Старицкой.

Рано понялъ бѣдный ребенокъ, чего требовала отъ него судьба взамѣнъ мира, да спокойствія, да житья добраго въ царскомъ терему.

И теперь смѣется княжна пуще другихъ надъ словами карлицы. Хоша и поняла ихъ затаенный смыслъ рано развившаяся, умная дѣвочка, но виду не кажетъ, што обижена.

А слѣдомъ за Марѳой Владиміровной вынула изъ лохани оловянный слитокъ и Марьюшка Скуратова-Бѣльская. Вынула... Глянула на тѣнь да такъ и ахнула... Тутъ и сказа не надо дуркинаго... И безъ него видать боярышнѣ, што на тѣни два вѣнца вѣнчальные на аналоѣ лежатъ.

Вся трепеща отъ радости, прижала къ груди свой слитокъ Марьюшка, закрылась рукавомъ рубахи шитой, отъ стыда сгорая, а сердце такъ вотъ и бьется, такъ и бьется въ груди.

А боярышни, да царевна, да Марѳуша-хохотунья пересмѣиваются и шепчутъ:

— Вѣнцы... Вѣнцы... гляньте!.. Знать веселье [1]) скоро справлять будемъ!..

Одна княжна Евфимія безучастно глядитъ на общую тѣшбу. И слитка не беретъ изъ воды студеной. Што въ немъ?!

Мало радости на сердцѣ княжны. Съ той поры, какъ спасъ ее Максимъ, не видала его красавица... Около полугода прошло съ той поры... Кажись-бы съ глазъ долой—изъ сердца вонъ. Да не такъ то оно на дѣлѣ выходитъ... Не забыть княжнѣ тихаго, ласковаго взора юноши. Не забыть и нѣжнаго голоса, сказавшаго ей тогда съ дрожью и трепе-

---

[1]) Свадьба.

томъ: „Холопъ я твой, смердъ. Коли прикажешь, не токмо на медвѣдя, а на плаху за тебя пойду...“

Не забыть ей во вѣки и взора его искрометнаго.

Этимъ-то взоромъ и вынулъ у нея сердце ея болѣзное... Вынулъ и унесъ съ собою... Лишилась съ той поры и сна и покоя боярышня. Всюду-то ей юноша свѣтлоокій, кудрявый мерещится... Всюду чудится, словно-бы въявь... Точно чарами затѣйными околдовалъ онъ ее... И не сбросить тѣхъ чаръ во вѣки княжнѣ...

Любъ онъ ей, желанный, почти што невѣдомый... Любъ... Допрежъ того не вѣдала сердешнаго трепета красавица, а какъ узнала она спасителя своего пригожаго, такъ ея ретивое и зашлось.

Не на радость полюбила боярышня, сама чуетъ. Она княжна, государева племянница, царской крови дите, а онъ и впрямь смердъ, холопъ царевъ. Да што подѣлаешь? Нельзя сердцу заказать: не люби, утишься, не на добро зазнобилось ретивое!.. А кабы можно было, такъ и кручины не было-бы лихой, сердешной на бѣломъ свѣту!

Думаетъ такъ-то боярышня и не замѣчаетъ она, что стихло межъ тѣмъ въ свѣтлицѣ царицыной на минуту, а потомъ, словно стрѣла быстрая, вѣсть промчалась:

— Царь жалуетъ!

Вскочили боярыни... Дѣвушки-гадальщицы отъ лохани отпрянули, схватили ее, за укладкой большой схоронили. Не гоже, коли царь узритъ. Все-же потѣха святочная—тѣшба нечистому. Долго отъ нея придется отмываться въ крещенской водѣ іорданской.

Едва успѣли всѣ улики попрятать—глянь, а царь уже на порогѣ. За нимъ его стольникъ любимый, черноокій, черноволосый юноша, Годуновъ.

Не русскаго роду молодой боярынъ. Родоначальникъ ихъ—потомокъ татарскаго мурзы Золотой орды, Чета по прозванію, былъ во святомъ крещеніи Захаріей нареченъ. Отъ прадѣда своего унаслѣдовалъ Борисъ Ѳеодоровичъ и очи черныя съ разрѣзомъ узкимъ, и смуглую кожу, и румянецъ огневый во всю щеку. Хорошъ бояринъ... Молодыя очи дѣвичьи такъ и впились въ него. А рядомъ съ до времени согбенной фигурой царя, его статная, не очень чтобы рослая, но широкоплечая и мощная фигура еще краше выглядитъ.

На царѣ кафтанъ домашній надѣтъ съ опушкой собольей, сапоги желтой кожи, тафья жемчугомъ низанная. Въ рукѣ посохъ неизмѣнный свой держитъ.

На молодомъ Годуновѣ терликъ нарядный съ высокимъ козыремъ [1]), ожерелье рубахи изъ подъ сво видать, шелками расшито.

Очи смѣлыя, быстрыя неуловимымъ взоромъ скользнули по толпѣ дѣвичьей, въ то время какъ онъ поклонъ царицѣ и царевнѣ да княжнамъ отвѣшивалъ.

Много здѣсь красавицъ зритъ Борисъ, много бѣлолицыхъ, свѣтлоокихъ боярышень въ парядахъ и уборахъ праздничныхъ, съ длинными косами роскошными, што изъ-подъ вѣнцовъ дѣвичьихъ вдоль спины бѣгутъ.

Да не красота плѣняетъ боярина. Хитеръ, тонокъ умомъ Борисъ, замыслы честолюбивые въ головѣ царскаго стольника толпой роятся... „Либо первымъ человѣкомъ у престола царскаго быть, либо не жить на свѣтѣ Божіемъ,—мыслитъ юноша,—по нынѣшнимъ временамъ все едино оклеплютъ и подъ топоръ подведутъ“. А онъ [2]) къ тому-жъ и въ опричину не вписанъ. Нѣтъ, блюстись надо, безъ оглядки блюстись, коли не хочешь голову сложить на плахѣ... И быстрымъ взоромъ окинувъ толпу присмирѣвшихъ красавицъ, останавливаетъ ихъ молодой стольникъ на младшей дочери Малюты Скуратова.

Не хороша лицомъ Марьюшка, глаза только одни и горятъ, словно алмазы яркіе, искристые, да отецъ ея Малюта всесильный, одинъ можетъ помочь ему, Борису, на ту вышину взлетѣть, о которой онъ мечтаетъ. Заручиться любовью Григорія Лукьяновича, войти къ нему въ довѣріе какимъ-бы то ни было путемъ—вотъ въ чемъ заключается непреодолимое желаніе юноши Бориса.

Онъ ужъ малость и преуспѣлъ въ немъ. Ласково поглядываетъ на него ближній приспѣшникъ царскій и Ивану не разъ о немъ словцо закидывалъ:

— Вѣрный слуга тебѣ, осударь, Годуновъ Бориска, даромъ што младъ еще годами и не служитъ въ опричной дружинѣ твоей!

---

[1]) Воротъ.

[2]) Борисъ Годуновъ, единственный изъ приближенныхъ царя, жившихъ въ слободѣ, не былъ вписанъ въ опричину.

И еще ласковѣе, еще милостивѣе смотритъ съ той поры царь на Бориса. А какъ породнится онъ съ Малютой всемогущимъ, то и вовсе ближнимъ человѣкомъ у трона станетъ.

„Да и то сказать, не корява, не коса, не кривобока Марія Григорьевна, на такихъ-ли еще женятся? А очи-то, пожалуй, почище будутъ, чѣмъ у другой красавицы!“

А Марьюшка смотритъ во всѣ глаза на красиваго юношу и дивится:

„Што за притча такая? Экъ, вонзился соромникъ Бориска, да еще въ государевомъ присутствіи... Увидитъ государь— бѣда!“

Но царь и не замѣчаетъ точно. И самъ окомъ милостивымъ поглядываетъ на дѣвицъ.

— Гадали?—спрашиваетъ.

Какъ тутъ хорониться будешь?! Божіему помазаннику солгать—все едино што самому Богу. Грѣхъ великій!

Все-же молчатъ, притихли дѣвушки да на царицу поглядываютъ сквозь потупленныя рѣсницы: заступись, молъ, милостивица!

— Гадали онѣ, государь,—отвѣтствуетъ за оробѣвшихъ дѣвушекъ сама государыня.

— Ну што-жъ! Время такое, Богъ проститъ!—ласково кивнувъ, милостиво сказалъ Иванъ.

Дочку Дуню приласкалъ, Марѳушу племянницу по головкѣ погладилъ. Потомъ взоръ его скользнулъ по закраснѣвшимся отъ смущенія личикамъ дѣвушекъ и остановился на блѣдномъ, похудаломъ, но все-же дивно красивомъ лицѣ княжны Евфиміи.

— Што-то ты словно съ лика спала, Фимушка? — заботливо спросилъ Иванъ, а самъ по заалѣвшей нѣжной щекѣ дѣвичьей костлявой рукой проводитъ. — Аль неможется?

— Храни Господь, осударь, здравствую по Его великой милости,—чуть слышно отвѣтствуетъ смущенная Евфимія.

— Здравствуешь да не больно... Вишь, какъ похудала... Ну, да у насъ про тебя такого зелья [1]) припасено, што у самого Бомелія [2]) подобнаго не сыщешь.

---

1) Лѣкарство.
2) Одинъ изъ лѣкарей того времени.

Говоритъ таково ласково, а у самого на устахъ усмѣшка играетъ. Потомъ махнулъ рукой, чтобы вышли всѣ...

Опустѣлъ мигомъ покой царицынъ. Только и остались въ немъ Иванъ, да супруга-царица, да кроткая, печальная Фимушка.

У царицы Марьи Темгрюковны очи такъ и загорѣлись: какого такого зелья государь племянницѣ въ даръ пожаловать мирволитъ. Завистлива не въ мѣру царица!.. Такъ и глядитъ, штобы ее не обошелъ своимъ царскимъ жалованьемъ супругъ-вѣнценосецъ. Не любитъ Марья Темгрюковна княжны за красоту ея писаную да за ласковость къ ней царя... Хоть и сама не по любви шла подъ вѣнецъ съ царемъ черкешенка, и нельзя его любить, изжившагося, ранѣе срока одряхлѣвшаго, а все-жъ ревниво оберегаетъ расположеніе царя къ себѣ царица. Знаетъ она про государевы похожденія... Донесли ей кой о чемъ словоохотливыя боярыни... Да это ништо,— минутныя забвенія подъ парами винными, похоть одна у царя. И далече отъ дворца то бываетъ, ей не соромно по крайности... А тутъ, въ терему, она строго блюдетъ, штобъ никто изъ ближнихъ боярышенъ въ царевы наложницы не метнулъ... А еще того пуще боится она, штобы Фима-княжна не прельстила ненарокомъ дядю своего сластолюбца. Не даромъ-же онъ, на нее глядючи, все Настасью, царицу покойницу, поминаетъ. Ненавистна ей, Маріи, эта Настя не хуже Филиппа-крамольника, за народъ печалившагося... Любилъ ее людъ московскій за кротость и ласку... И царь любилъ... Никогда онъ ее, Марію, такъ любить не станетъ. Вишь ты— жестокой ее, не жалостливой считаетъ... Да ему таковскую-то и надо!.. Не голубица кроткая нужна лютому коршуну, а орлица хищная... А и какая-жъ слуга-же она ему вмѣстѣ съ братомъ!.. По ея навѣту казначей государя въ татьбѣ уличенъ и самимъ братомъ Мишей четвертованъ. А и не одинъ онъ!.. Многихъ крамольниковъ она царю открыла и подъ плаху подвела.

Вотъ какія мысли тѣснились въ головѣ царицы, пока царь молча любовался княжной Евфиміей.

Насмотрѣлся вдоволь государь на красавицу, потомъ не спѣша руку въ зепь кафтана опустилъ и, вынувъ оттуда какую-то вещицу, протянулъ ее дѣвушкѣ со словами:

— Вотъ тебѣ зелье отъ недуга, оно дюже покрѣпче всякаго иного будетъ.

Глянула княжна... Передъ ней на ладони царевой небольшая дощечка лежитъ, въ родѣ какъ-бы иконки писаной... А на ней малеваніями всякими—и алыми, и желтыми, и тѣльными, и зелеными—хитраго византійскаго письма парсуна [1]) красавца молодого написана. Стоитъ красавецъ этотъ, на мечъ опираясь одной рукой, другой лихо подбоченился. Платье на немъ нѣмецкаго покроя, точь въ точь какое княжна на лѣкаряхъ царскихъ видывала, на Елисеѣ Бомелiѣ, да на Арнольдѣ Лещеѣ...

Короткая шпага на боку виситъ. Шапочка съ перомъ затѣйнымъ, самая махонькая, на макушкѣ едва держится. И перо на ней, словно отъ жаръ-птицы, такъ и отливаетъ золотомъ. На невѣдомомъ юношѣ штаны короткіе, башмаки съ пряжками, кафтанъ, епанча...

А ликъ его совсѣмъ особенный; такого лика княжнѣ Фимѣ еще и видѣть не доводилось: носъ тонкій, хрящеватый... Уста румяныя, въ гордую усмѣшку сложены... Очи большія да свѣтлыя, надменно таково да зорко глядятъ. А изъ-подъ шапочки прямыми длинными прядями золотые волоса по обѣ стороны прекраснаго лица гордаго спускаются и только у самыхъ концовъ пушистыми крупными кольцеватыми кудрями на бѣлый воротъ откидной ложатся.

Красивъ на диво юноша, слова нѣтъ... Да только не дрогнуло при видѣ красоты его писаной сердце княжны. Другая красота, свѣтлая, кроткая, ясная, словно солнышко красное, денно и нощно передъ ней стоитъ, и не вытѣснитъ ликъ чужеземнаго юноши красоты Максима Григорьевича изъ любящей души Фимушки.

— Ну, што-жъ! Любъ мой гостинецъ?—усмѣхаясь, вопрошаетъ царь, а самъ такъ и воззрился въ лицо племянницы, словно на душѣ у нея прочесть хочетъ.

Изумленно вскинула боярышня очами свѣтлыми на царя-дядю. Въ толкъ взять не можетъ: пошто ее государь такимъ-то диковиннымъ гостинцемъ жаловать мирволитъ?

А Ивану то и любо. Любуется онъ смущеніемъ племянницы, царицѣ на нее взоромъ поводитъ.... Потомъ подалъ дощечку Евфиміи и говоритъ:

— Сія парсуна съ королевича Магнуса, брата единокров-

---

[1]) Портретъ.

наго короля Фридриха датскаго, писана. А жалуемъ мы тебя ею, княжна, по великой нашей къ тебѣ милости... Сей Магнусъ—нонѣ герцогъ эзельскій. Младъ онъ еще годами... и наукѣ всякой заморской обучается. А черезъ годъ будетъ онъ нами къ намъ въ Москву отозванъ, потому желаемъ мы послать онаго герцога противу ливонскихъ лыцарей во главѣ нашего войска православнаго. А засимъ поставимъ его королемъ надъ землями покоренными и дадимъ еще во придатокъ грады и вотчины россійскія... И все это единственно для того ради, што нельзя намъ выдавать тебя, племянница наша богоданная, за руссійскихъ вельможъ, потому царской ты крови княжна и брата нашего дщерь двоюроднаго и не гоже прирожденной княжнѣ руссійской выходить за холопей своихъ... А посему по царскому указу нашему обручаемъ мы тебя королевичу Магнусу, съ тѣмъ, штобы нарекъ онъ тебя не только герцогиней эзельской, но и крулевой ливонскою...

Кончилъ царь... Смотритъ на княжну... А Евфимія словно не слышитъ рѣчей государевыхъ... Очи свѣтлыя вдругъ потемнѣли и затуманились... Лицо, доселѣ пламенемъ румянца пылавшее, внезапно бѣлѣе снѣга стало... Сердце забилось словно птаха подстрѣленная... Словно толкнулъ кто Фиму къ ногамъ царя... Поверглась передъ нимъ во прахѣ княжна и тихимъ взволнованнымъ голосомъ шепчетъ:

— Государь! Смилуйся! Не вели идти за басурманина!

Нахмурился Иванъ. Не было доселѣ такой обыклости, штобы дѣвки перечить въ судьбѣ своей старшимъ могли... И гнѣвомъ внезапнымъ распалился царь. Ингровый свой посохъ до боли въ перстахъ стиснулъ... Страшно очами сверкнулъ... Вотъ-вотъ, казалось, взмахнетъ онъ имъ и опуститъ на спину ослушницы... Но глянулъ на кроткое, смятенное лицо красавицы Фимы Иванъ и съ усиліемъ сдержалъ приступъ лютаго гнѣва. Только брови пуще нахмурились и въ голосѣ зычномъ трепетъ слышался, когда, выходя изъ терема, онъ повелительно сказалъ княжнѣ:

— Дурь изъ головы выкинь... И готовься къ судьбѣ своей новой... Черезъ годъ али болѣе будешь крулевой ливонскою!..

ГЛАВА XV.

Прощаніе.

Цѣлыя сутки прошли съ той минуты, какъ княжна Евфимія извѣдала волю государеву, а все не можетъ придти въ себя боярышня... Все ей чудится—звучитъ голосъ царя надъ ухомъ словами, словно молотомъ ее пристукнувшими: „Будешь крулева ливонская!“

И трепетомъ и тоской невыносимой наполняется при этомъ сердце Фимы-княжны. Знаетъ она, что не скоро еще то будетъ. Растолковалъ ей государь-дядя, што королевичъ—женихъ ея нареченный еще долженъ премудрость книжную да воинскую по ихней басурманской обыклости пройти, прежде чѣмъ жениться замыслить... Не сейчасъ идти подъ вѣнецъ ей, Фимѣ... Да все-же невѣста она королевича... нареченная, суженая его, чужого ей по духу и крови человѣка...

Невѣдомъ и не любъ ея душѣ красавчикъ-королевичъ... Смотритъ на его парсуну княжна, государемъ пожалованную, а передъ глазами затуманенными другой образъ носится, близкій, милый душѣ, любимый... Шибко испугалась государевой вѣсти вечоръ Фима... Сама не понимаетъ, какъ ноги у нея не пошатнулись, какъ не упала она на полъ безъ памяти къ ногамъ дяди. Въ ту минуту самую, какъ назвалъ онъ ее будущей крулевой ливонской, увидѣла ясно, четко, словно и въявь, Фима печальное, кроткое лицо Максима, глядѣвшаго на нее съ укоромъ своими очами свѣтлыми.

„Хошь-бы разокъ повидать! Хошь-бы на мигъ единый услыхать голосъ его сладостный!“—мучительно думается

боярышнѣ, а сердце ея такъ и стучитъ въ груди. И боязно Фимѣ, штобы не довѣдался царь причины ея вчерашняго испуга. Любитъ ее государь, жалѣетъ. Но чуетъ сердце Фимы, еще тяжеле ей отъ любви этой дядиной приходится, потому отдаетъ онъ ее за немилаго, о ней печась, а она пока жить на бѣломъ свѣтѣ будетъ, дотолѣ и любовь ея недужная къ Скуратову-Бѣльскому не потухнетъ въ сердцѣ.

Задумалась тяжелой думой красавица и только лишь опомнилась, какъ Марьюшку увидала Малютову.

Обрадовалась ей несказанно княжна. А въ лицѣ сѣнной боярышни испугъ да опаска видны. Уста что-то шепчутъ невнятное.

— Что съ тобой, Маша?—спрашиваетъ Фимушка, а сама за сердце схватилась, будто къ удару новому готовится.

— Княжна-голубушка, красавица наша,—лепечетъ взволнованно Марьюшка,—не прогнѣвись Христа ради... Не отъ себя дерзаю слово молвить... Онъ меня послалъ, отчаянникъ. „Иди, говоритъ, Маша, скажи княжнѣ, штобы вышла на минуточку единую въ садъ... погадать быдто-бы... Повѣдать кой-што надоть, скажи“.

— Да кто? Кто зоветъ-то, толкомъ говори!—шопотомъ вопрошаетъ Евфимія, а у самой сердце пуще прежняго бьется да стучитъ.

— Онъ, братишка мой... Максимка злосчастный! Кому-же еще... Не прогнѣвись, княжна,—молитъ шопотомъ, чуть слышно, Марья, а сама по угламъ осматривается—не услыхалъ-бы кто. Пропала-бы тогда ея головушка!

Но тихо все въ царскомъ терему... Спятъ постельныя боярыни въ своихъ горницахъ, окрестъ одрины [1]) царицыной размѣщенныхъ. Спитъ и сама царица и сладкіе, должно быть, сны о Кабардѣ родимой ей снятся... И царевна Дуня да Марѳуша княжна тоже спятъ, окруженныя своими мамами да нянюками.

Никто не видалъ, какъ проскользнула въ горницу княжны Марья. Слава Те, Господи, уберегъ ее!

— Максимъ, говоришь, меня зоветъ?—спрашиваетъ княжна, а у самой глаза дивно сверкаютъ и нѣтъ уже прежняго трепета и смущенія въ лицѣ.

---

[1]) Спальни.

— Онъ, государыня-княжна. Онъ, охальникъ, не обезсудь, Христа ради,—молитъ боярышня.

— Полно, Маша! И мнѣ его повидать надоть... Не бойся, глупенькая... Не гнѣваюсь я... Дай-кось мнѣ полушубокъ да платъ ковровый, штобъ не признали съ лица...

Вскинула удивленными очами на княжну Марья Григорьевна...

„Неужто пойдетъ? — думаетъ. — Она, дочь-то князя Володиміра, на тайное повиданье ночью поздней къ нему, къ ихнему Максимкѣ?... Аль шутитъ княжна?!“

Нѣтъ, не шутитъ Фима. Тулупчикъ затрапезный свой бѣличій поверхъ кортеля надѣла, платкомъ накрылась.

— Пойдемъ,—шепчетъ.—Коли повстрѣчаетъ кто, говори, на луну молъ гадать идемъ.

Чуть слышно подвигаются обѣ дѣвушки длинными переходами теремными мимо горницъ большихъ и малыхъ въ сѣнцы прохладныя, изъ которыхъ дверь на крыльцо выходитъ.

Вотъ и она... Заскрипѣла чуть, открываясь... На крыльцѣ онѣ...

— Ты тутъ пожди малость!—шепчетъ княжна подружкѣ, а сама съ высокихъ ступеней сбѣгаетъ на тропку снѣжную, утоптанную своими-же дѣвушками за длинные святочные вечера гаданій.

Вотъ што-то мелькнуло... Тѣнь чья-то... Такъ и есть... Отъ дерева отдѣлился человѣкъ... навстрѣчу идетъ...

— Максимъ Григорьевичъ, ты? — шепнула Фима, а сама стоитъ трепещущая на снѣгу.

— Я!—слышится въ отвѣтъ знакомый голосъ юноши,— Христа ради прости, княжна, што потревожилъ тебя, на стужу вызвалъ изъ теплой горницы...

— Ништо, — отвѣтствуетъ, а сама очей съ лица желаннаго отвести не можетъ.

Шибко похудалъ, измѣнился за эти мѣсяцы юноша. Што-то тоскливое, страдальческое залегло вокругъ рта и очей. Такіе точь-въ-точь лики видала княжна на иконахъ византійскаго письма, на коихъ изображены мученики Христовы.

И обряженъ Максимъ иначе, нежели тогда. Нѣтъ на немъ кафтана опричническаго, золотымъ шитьемъ отливающаго... Въ тулупѣ онъ простомъ... въ шапкѣ безъ окола собольяго,

словно не государевъ опричникъ онъ, а простой торжникъ аль дьяка приказнаго сынъ.

— Прости!— шепчетъ,— Христа ради, не вмоготу мнѣ было... Хотѣлъ повидать тебя, очи твои свѣтлыя, ангельскую красоту твою. И говорить-то я не смѣю, Евфимія Володиміровна про то, што на сердцѣ таю съ той поры, какъ увидалъ тебя не въ добрый часъ... Хотѣлъ молчать, таиться, да не могъ... прости, прости, княжна, дороже ты мнѣ жизни и солнышка вешняго! Не погнѣвись на словѣ дерзкомъ холопа твоего вѣрнаго...

А самъ стоитъ, головой кудрявой поникнувъ, шапку скинулъ, въ рукахъ держитъ, а очей молящихъ, любовныхъ, да жалостливыхъ съ княжны не спускаетъ.

Заклокотало рыданье въ груди у Фимы. Сердце исполнилось жгучей жалостью къ юношѣ милому, жалостью да любовью горячей...

Подняла на него свои свѣтлыя очи княжна, отвѣчаетъ чуть слышнымъ, замирающимъ шопотомъ:

— Не гнѣваюсь я на тебя, Максимъ Григорьевичъ! Не виновенъ ты, што полюбилъ неровню. Не воленъ ты сердцу указывать, да и я не вольна...

Встрепенулся Максимъ.

Што она молвила? Аль онъ ослышался? Нѣтъ!

„Не вольна и я“,—сказала.

Такъ значитъ... О, Господи Милостивецъ... Значитъ любитъ и она... она, княжна свѣтлая, чистая, какъ росинка прозрачная... о комъ онъ и помыслить едва дерзалъ... Да неужто же она его... холопа, смерда, опричника...

И не выдержалъ своего счастья бѣдняга.

Упалъ на колѣни въ снѣгъ передъ княжной... подолъ ея лѣтника покрылъ поцѣлуями... а самъ рыдаетъ тихо, беззвучно...

— Люблю я тебя, люблю, соколикъ, голубь мой жалостливый...—тихо, тихо говоритъ Фима дрожащимъ отъ любви и муки голосомъ, — какъ тогда-то въ лѣсу увидала я тебя, съ той поры нѣтъ во мнѣ воли сердцу противиться... Максимушка, родимый мой, сердце мое болѣзное, тихій мой, кроткій... Не на радость полюбили мы, горемычные... Знаешь чай... што просватаютъ меня въ скорости за принца заморскаго, за крулевича Магнуса.

Тихій стонъ Максима былъ отвѣтомъ княжнѣ.

— Не по волѣ пойду я за королевича, — продолжаетъ взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ Фима, — не любъ онъ мнѣ! Тебѣ одному сердце мое отдано, желанненькій, да супротивъ дяди-осударя мнѣ-ль идти, слабой дѣвушкѣ?... Смѣю-ль я ослушаться его, Грознаго батюшку! Самъ вѣдаешь!

— Вѣдаю, княжна! — страстнымъ, мучительнымъ возгласомъ вырвалось изъ груди Максима,—вѣдаю и не скорблю душой. Не на повиданье любовное позвалъ я тебя, Евфимія Володиміровна, а проститься съ тобой хотѣлъ. Прости, свѣтлая, прости, ясная моя звѣздочка! Не увижу тебя я болѣ, княжна... Прямо отсель уйду далече... Хватятся Максимки—да не найдутъ. Зря только погоню промучаютъ. Навсегда я ухожу, княжна, и отъ проклятой службы опричной, и отъ родителя-палача, и отъ самыхъ мѣстъ этихъ кровавыхъ. Не видать мнѣ тебя все едино, королевою ливонскою будешь... Уѣдешь въ дальнюю нѣметчину... А я... схоронюсь отъ людей... и отъ дѣловъ ихъ неправыхъ и только молиться за тебя будетъ холопъ твой вѣрный... А коли понадобится тебѣ защита моя, дай знать черезъ Истому Никитича, сына Качалова, што при князѣ Вяземскомъ оружничьимъ царскимъ стоитъ... Онъ меня на днѣ морскомъ сыщетъ... А пока прости, не поминай лихомъ, Евфимія Володиміровна.

Смолкъ Максимъ. При блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца видитъ его улыбку и очи печальныя княжна... Замерло въ ней сердце, словно вотъ-вотъ разорвется оно сей мигъ на нѣсколько частей. Дрожащими руками отстегнула она воротъ тулупа, лѣтникъ разстегнула и съ горячей груди дѣвичьей сорвала тѣльникъ на цѣпи золотой—благословеніе отца.

— Возьми вотъ,—шепчетъ,—никогда не разставалась съ нимъ я, а тебѣ отдаю... Носи... Меня не забывай да молись обо мнѣ, Христа ради...

Потомъ порывисто обняла кудрявую голову юноши и глянула сверху внизъ на припавшаго къ ея ногамъ Максима...

Всего было во взорѣ томъ: любви, и страданія, и прощанія на вѣчную разлуку...

Не вынесъ этого кроткаго, покорнаго взора молодой опричникъ... Вскочилъ на ноги, близко наклонился къ лицу дѣвушки и припалъ къ губамъ княжны долгимъ, мучительно-сладостнымъ лобзаніемъ. Потомъ оторвался съ усиліемъ отъ устъ

Фимы, шепнулъ: „Прости, желанная, единая, любимая...“ и исчезъ за деревьями.

А княжна Евфимія какъ была, такъ и осталась стоять на снѣгу, вся помертвѣлая отъ тоски-кручины. Мысли, словно пчелы докучливыя, въ головѣ роемъ толпятся, сердце замерло и не слыхать его болѣе... А грудь ноетъ... ноетъ тоскою мучительной, пронизывающей какъ хворь...

Но чу!... Словно топотъ копытъ донесся до слуха княжны... Прислушалась... Такъ и есть... кто-то скачетъ отъ сада и палатъ царскихъ вдоль замета высокаго по слободской улицѣ... И чуетъ вѣщее сердце княжны—кто это ѣдетъ... Вотъ глуше и глуше становится топотъ копытъ... Дальше и дальше отъѣзжаетъ конникъ милый... Вотъ и совсѣмъ не слыхать... Умчался... Ускакалъ далеко и увезъ съ собой бѣдное сердце дѣвичье...

ГЛАВА XVI.

Послѣ пирнаго столованія.

Великое столованіе, пиръ у царя идетъ...

Въ большой стольной палатѣ много гостей понабилось... Блещутъ нарядами богатыми бояре земскіе, на сей разъ милостиво приглашенные къ царскому столу. Еще болѣе сверкаютъ своими сплошь залитыми шитьемъ златнымъ удалые опричники, обережатые царскіе...

Унесли стольники блюда расписныя съ лебедями да павлинами разукрашенными... Смѣнили ихъ другія яства, рябы да тетери со сливами посоленными-вяленьми, да ути съ яблоками... А опосля того курники подали да пироги подовые, по нѣсколько пудовъ вѣсомъ... А тамъ и варева всякія несутъ: и ухи, и разсольные супы, и изъ потроховъ гусиныхъ съ приправою изюмною... А тамъ сырники, да творожники, да ягодники разные... Кушаютъ бояре и чины опричные. Къ кому царь особливо мирволитъ, того кускомъ изъ своихъ царскихъ рукъ жалуетъ, съ любимымъ своимъ стольникомъ Ѳедей Басмановымъ посылаетъ.

Но вотъ убрала со столовъ и унесла челядь царская всякую снѣдь... Обтерли руки царь и гости о скатерти настольныя. Разгорѣлись отъ яствъ обильныхъ, коихъ болѣе 60 перемѣнъ прошло. Лица потныя, осовѣлыя отъ медовъ, и олуя, и браги, и винъ фряжскихъ—мальвазіи да романеи—стали. Подлѣ Ивана съ одной руки царевичъ старшій сидитъ, дюже захмѣлѣвшій отъ всякихъ питій, по другую — князь Аѳанасій Ивановичъ Вяземскій. Допрежъ того какъ царю стольникъ али чашникъ государевъ блюдо ли, ковшъ ли съ брагой по-

дастъ, кубокъ ли съ мальвазіей—Вяземскій первый отвѣдаетъ изъ него, нѣтъ ли въ немъ отравнаго зелья, и потомъ уже государю подноситъ. Боится Иванъ смерти... Самъ посылающій людей тысячами въ могилы—онъ трепещетъ какъ ребенокъ при мысли о страшной минутѣ, отъ одной думы, што и онъ смертенъ и его часъ рано или поздно пробьетъ. Но сегодня не до тяжкихъ размышленій царю. Веселъ Иванъ. Давно у него такого лика радостнаго не видали бояре. Привѣтно загораются очи царя, на устахъ улыбка довольная играетъ... Не узнать въ немъ, въ этомъ добродушномъ хозяинѣ, подчивающемъ гостей, страшнаго, Грознаго властителя, прогремѣвшаго на всю Европу дѣлами своими жестокими, кровавыми.

Но нынѣ веселъ и милостивъ царь. И то сказать: всето ему улыбается. И ливонцы притихли, да и Селиманъ-паша съ Девлеткой-ханомъ, слыхать, назадъ въ степи вертаются, даромъ онъ только рать свою въ Нижній собралъ.

А и не только внѣшнія, но и внутреннія дѣла куды лучше идутъ... Съ сверженіемъ Филиппа да гибелью бояръ Пронскихъ и Колычевыхъ много спокойнѣе на Москвѣ стало... И перебѣжки на Литву къ крулю Жигимонту поменѣ насчитывается съ тѣхъ поръ, какъ онъ, Иванъ, грамотами поручительными друзей и родичей перебѣжчиковъ обязалъ... Ловко придумалъ... Самому крулю ляшскому не придумать того, а ужь на што хитеръ да раскидистъ умомъ и смекомъ старикъ. И любо и весело царю. И за столомъ его крамольниковъ не видно... Кажись всѣ, што были, на плахѣ да въ застѣнкѣ прикончились, анаѳемы. Все лица надежныя, вѣрныя кругомъ: Вяземскій, Басмановы отецъ съ сыномъ... Грязной... да Чоботовъ... да Сукинъ... шуринъ Михайло-князь, да Малютарыжій, самый вѣрный слуга его, Ивановъ, изъ кубка романею отхлебываетъ, а самъ нѣтъ-нѣтъ да и поглядываетъ окомъ раскосымъ на конецъ стола, гдѣ земщина ненавистная сидитъ... Но земскіе бояре поутихли теперь... сбавили съ нихъ форсу Иванъ съ опричиной... Тише воды, ниже травы сидятъ. И Мстиславскій князь, и Бѣльскій съ сыномъ Богдашкой красавчикомъ, коего Иванъ все перетянуть въ опричину ладитъ. А тамъ и Годуновъ Семенъ, вѣрный, хоть и земецъ, слуга царевъ... Да Воротынскій князь, недавно изъ ссылки вороченный, за переписку тайную съ Жигимонтомъ крулемъ попавшій было въ опалу. Но пощадилъ осударь-батюшка князя

за былыя услуги его ратныя и раны кровавыя! Пощадилъ и простилъ. Только грамотой да крестнымъ цѣлованіемъ обязалъ, да еще болѣ ста поручителей за себя приказалъ выставить. А вотъ и глава земщины Саинъ Бейбулатовичъ на почетномъ мѣстѣ сидитъ, татаринъ, вѣрой и правдой Ивану служащій. Прирожденный азіатъ Саинъ... вмѣстѣ съ отцомъ своимъ послѣ покоренія Казанскаго юрта пришелъ онъ къ царю побѣдителю съ челобитіемъ записаться на службу государеву да съ той поры и остался въ Москвѣ почитай однимъ изъ самыхъ близкихъ людей Ивана... Невдалекѣ отъ царя новый его любимецъ сидитъ — Борисъ Годуновъ... Хошь и часто изъ серебрянаго кубка съ мальвазіей отхлебываетъ юноша, а почти-что и вовсе не хмѣленъ. Вотъ хошь сейчасъ въ битву съ невѣрными, молодецъ-молодцомъ. За то остальные гости дюже хмѣльны... Кафтаны распахнуты... очи слипаются... Многихъ ужъ на скамьѣ, што подалѣ отъ царя сидятъ, не досчитаешься. Подъ столомъ лежатъ...

А Иванъ Васильевичъ только теперь въ ражъ входить сталъ.

— Эй, скомороховъ сюда да потѣшниковъ, — кричитъ царь зычнымъ голосомъ.

И откуда ни возьмись уже цѣлая ватага ихъ въ палату валитъ, натрами [1]) гремя, мѣдными бубенцами да потѣшными гудками и трубами. На доброй половинѣ тулупы вверхъ овчиной повыворочены, словно у заправскаго звѣрья, хари понадѣваны. Да дѣйство потѣшное идетъ у нихъ изъ быта звѣринаго. Представляютъ скоморохи про любовь козы къ Мишкѣ косолапому.

Не гожее то дѣйство, зазорное... Да такое-то бражнымъ головамъ, хмѣлью затуманеннымъ, и надобно. Гогочутъ бояре... Смѣется и царь... Ужь больно потѣшно да занятно выходитъ...

Смѣется со всѣми и Малюта рыжій; ему, сластолюбцу, мужику природному, такое дѣйство болѣ чѣмъ остальнымъ по душѣ... И вдругъ въ разгаръ самый холопъ челядинецъ незамѣтно прокрадывается къ столамъ, къ самому мѣсту Скураты-Бѣльскаго и шепчетъ на ухо Малютѣ:

— Поспѣшай домой, бояринъ, не ладное тамъ стряслось.

---

[1]) Родъ литавръ.

Поблѣднѣлъ Григорій Лукьянычъ. Куда и хмѣль весь изъ головы вышибло... Незамѣтно встаетъ онъ, пользуясь сумятицей потѣшной, и ужомъ выскальзываетъ изъ стольной палаты. Холопъ за нимъ.

— Што,—спрашиваетъ,—стряслось-то? Хворь какая съ боярыней-супругой аль съ дочками?

— Не, боярин, другое кой-што. Максимъ Григорьевичъ пропалъ.

— Што?!—словно-бы звѣрь лютый завопилъ Малюта и, схвативъ холопа за плечи, сталъ трясти его изо всей мочи.

— Гдѣ онъ, гдѣ? говори, анаѳема! Запытаю, на колъ тисну, заморю въ мѣшкѣ каменномъ!.. — кричитъ неистово, глазищами вращаетъ.

Упалъ въ снѣгъ на смерть испуганный холопъ... Еле слово произнести можетъ... А Малюта уже дома... Гремитъ на всю хоромину голосомъ зычнымъ:

— Кто попустилъ? Чего смотрѣли, безглазые! Услѣдить не могли! Не иглу вѣдь онъ... Анаѳемы, дармоѣды! Въ застѣнокъ ваъ, на дыбу мало!

Трепещетъ на-смерть перепуганная челядь. Трепещутъ въ своей свѣтлицѣ ни живы ни мертвы дочки-дѣвицы Катерина да Марья Григорьевны. Трепещетъ хворая, тщедушная супруга-боярыня. И безъ окриковъ-то этихъ громовыхъ тошно ей на душѣ... Сердце тоскою давитъ... Любимецъ ея, послѣдышъ ненаглядненькій, Максимушка-свѣтъ сыночекъ убѣгъ, не спрося у нея материнскаго благословенія, не обнявъ ее на прощанье.

Но все стерпитъ старушка, лишь-бы не догнали ея любимца. Догонятъ, приведутъ къ отцу—не сдобровать юношѣ. Не видано еще такого случая, чтобы опричникъ царскій отъ своей службы сбѣгъ... Заклеймилъ онъ передъ царемъ Малюту... Не проститъ ему того во вѣки отецъ...

Вотъ онъ, слышно, погоню наряжаетъ... Заметалась челядь, какъ угорѣлая... коней сѣдлаютъ... Не сдобровать Максиму!..

Упала на колѣни передъ кіотой старушка, слезы обильныя по увядшимъ ланитамъ рѣкой текутъ... Сердце трепещетъ...

А по шаткимъ ступенькамъ, ведущимъ въ ея горницу, шаги слышны тяжелые мужнины... Дверь распахнулась... На порогѣ туча-тучей Малюта стоитъ.

— Ты што-же мнѣ ехиду отростила,—вопитъ онъ, наступая на жену,—зелье выкормила постылое... Перебѣжчика литовскаго мнѣ вспоила молокомъ твоимъ негоднымъ... Потакала ему, поди! Наставляла какъ лучше царя-батюшку да батьку, мужика безмозглаго, сиволапаго, половчѣй обойти... Ну, и дождалась, матушка-осударыня... убѣгъ паршивецъ! Убѣгъ, да не далече, небось!.. Погоню нарядили... сыщутъ... На глазахъ твоихъ мучить стану пащенка ледащаго, штобы тебѣ иной разъ повадняе было отводить сынка отъ таковскихъ дѣлъ.

Кричитъ, вопитъ Малюта на всю горницу, пудовыми кулачищами замахивается надъ самой головой старушки, потрясаетъ ими... а она глядитъ и не видитъ мужа словно... Глаза въ образъ Спаса нерукотвореннаго подняты.

Не страшенъ ей гнѣвъ супруга озвѣрѣвшаго... Пущай хошь убиваетъ ее... Теперь все одно не жизнь ей безъ Максимушки желаннаго... Дочки Катя да Марья словно-бы и чужія ей; сердца въ нихъ отцовы скорѣе, чѣмъ ея... А тотъ пригожій, голубь сизокрылый, тотъ ея сынокъ доподлинный, и мягкостью, и кротостью въ нее вышелъ...

Да не жить ей съ нимъ въ разлукѣ... А коли найдутъ его, да забьетъ его до полусмерти отецъ, все едино ей этого не вынести, такъ ужь скорѣе-бы прикончилъ онъ съ ней—жертвой своей безгласной, безотвѣтною . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Сумрачный, гнѣвный лежитъ на своей постели пуховой великій царь Иванъ Васильевичъ.

Веселое столованіе въ палатахъ государевыхъ нерадостно кончилось...

Одинъ изъ опричниковъ, сынъ Малюты надежнаго, вѣрнаго, Максимка убѣгъ изъ слободы, должно либо къ ляхамъ, а може и подалѣ къ султану туркскому... Кабы кто изъ земщины то былъ, не кручинился-бы такъ государь, а то... нако-ся, изъ его-то любимой опричнины, которую онъ не иначе какъ съ янычарами туркскими сравнивалъ, передъ самимъ Селиманомъ-пашой вѣрными своими обережатыми хвалился. И вдругъ одинъ изъ этихъ опричниковъ, о коихъ далече но

всему свѣту молвь идетъ, ушелъ отъ его, Ивана, и службы своей почетной...

И чернѣе тучи дѣлается ликъ Грознаго, какъ онъ вспомнитъ о томъ.

А около его постели въ ногахъ Малюта на землѣ распростертъ лежитъ, воетъ волкомъ хищнымъ, на сына цѣлый ворохъ ругательствъ сыпетъ, громъ небесный призываетъ на него, охальника.

— Да кабы вѣдалъ, кабы зналъ я то, государь-милостивецъ,—причитываетъ Скурата-Бѣльскій, словно баба заправская,—такъ я бы его, пащенка, на цѣпь посадилъ песью... Я бы ему оковы да кандалы наложилъ, я бы...

— Молчи, собака! — гнѣвно выкрикиваетъ царь,—знамо мнѣ, што на словахъ такъ-то всѣ вы горазды свое отродье казнить, а на дѣлѣ...

— Осударь-надежа,—снова лепечетъ Малюта и охватываетъ руками сафьяновые сапоги государя и льнетъ устами къ стопамъ царскимъ, поверхъ кожи нѣмецкой золотыми подковами подбитымъ.—Государь-надежа, да коли повелишь, себя не пожалѣю, голову подъ топоръ складу, коли сумлѣваешься ты, што съ моего вѣдома убѣгъ паршивецъ... Да и ему не поздоровится, осударь, не одну плеть изведу я о тѣло его паскудное... Вотъ только доведись погонѣ накрыть его и вспять приволочь негодника! Не пощажу! На все пойду для тебя, осударь милостивецъ!..

Призадумался царь Иванъ, на Малюту глядя. Штой-то? Аль и впрямь не лжетъ холопъ?! На все пойдетъ онъ ради его, государева, блага, али такъ только брешетъ песъ, штобы гнѣвъ отъ себя справедливый царскій отвести?

Приподнялся царь на локтѣ, глядитъ въ самыя очи приспѣшнику своему, всматривается... И вдругъ адская мысль мелькнула въ умѣ Ивана.

Есть у него случай убѣдиться въ вѣрности Малюты... Найденъ... Даже духъ отъ мысли этой нежданной у царя захватило... Усмѣшка жестокая скользнула по тонкимъ устамъ. Положилъ Иванъ руку на могучее плечо Малюты... его голову къ своей притянулъ. Къ самому лицу приблизилъ... Каждое движеніе Григорія Лукьяновича не ускользнетъ такъ-то отъ царя... А самъ шепчетъ сипло, чуть слышно:

— Вѣрный ли ты мнѣ слуга, Малютушка?

— Вѣрный, осударь!—не сморгнувъ, отвѣчаетъ тотъ.

— Ой-ли? И штобъ правоту свою доказать, не постоишь ни передъ чѣмъ, Лукьянычъ, такъ-ли?

— Такъ, осударь!

— А коли такъ,—уже совсѣмъ тихимъ, почти свистящимъ шопотомъ говоритъ Иванъ,—то хочу я уподобить тебя Аврааму ветхозавѣтному, кой сына Исаака въ жертву Іеговѣ принесъ безвиннаго! Такъ и ты, Малютушка, сынка своего отступника, виновнаго передъ нами въ измѣнѣ, порѣши...

Послѣднія слова царя едва понять можно, такъ тихи они, а все-жъ достигли они уха Малюты... Задрожалъ всѣми членами царскій палачъ... Точно вонзилась ему въ грудь стрѣла невидимая, смертельная...

А царь все глядитъ да глядитъ на него взоромъ мрачнымъ, сжигающимъ.

И не уйти никуда ни очамъ, ни мыслямъ Малюты отъ взора того... Упасть въ ноги царю, бить челомъ на прощеніе сыну—вотъ што могъ бы онъ сдѣлать... Да все же пустое, не поможетъ оно... Хорошо вѣдомо Малютѣ, што николи еще не отступаетъ Грозный отъ разъ высказаннаго рѣшенія. Да и помнитъ заклятье Бѣльскій, кое давалъ при вступленіи въ опричину: не щадить сына, отца, брата, жену во имя долга царю.

Значитъ, одинъ конецъ... Показать свою готовность властителю. А може и погоня не настигнетъ Максимку окаяннаго, може и смилуется царь, и какъ Богъ отвелъ руку Авраама отъ главы Исаака, такъ и царь отведетъ его руку въ послѣдній мигъ... Лишь бы готовность видѣлъ, покорность и службу вѣрную въ слугѣ своемъ. И не колеблясь болѣе, не отрывая глазъ отъ ылающихъ очей царя, твердо и громко отвѣствовалъ Малюта:

— Што повелишь, осударь, то и сдѣлаю! Сына не пожалѣю за тебя покарать. Единъ ты есть у меня!

Разомъ потухъ мрачный огонь въ глазахъ Ивана.

— Ай да Лукьянычъ, — говоритъ, — молодчина... Не ожидалъ отъ тебя того. Вѣрный ты мнѣ слуга и впрямь. Только гляди, не запамятуй обѣта своего!

— Не запамятую, осударь, не таковскій! — уже твердо произноситъ Малюта,—я не то што иные, прочіе... коли зло вырываю, такъ съ корнемъ... не жалѣючи, безъ оглядки...

не то што другіе... Кругомъ-то вѣтви дерева рубятъ, рубятъ, а самый корень, глянь, въ землѣ торчитъ да новые отростки, а опосля того и вѣточки даетъ...

— Ты штой-то, куды гнешь?—такъ и вскинулся съ мѣста царь, а у самого очи изъ ласковыхъ было снова потемнѣли, страшными стали.

Но не испугался ничуть теперь этихъ очей Малюта. Послѣ обѣта насчетъ сына, силкомъ у него исторгнутаго, нечего ему терять больше. Все самое дорогое, любимое хочетъ отнять у него царь... Значитъ и ему, Малютѣ, нечего щадить Ивана. Знаетъ онъ, што, несмотря на опалы частыя да разрухи, щадитъ кой-кого государь. А пожива ему, Малютѣ, отъ этого ворога новаго, ай-ай, какая будетъ! Знамо, не простъ человѣкъ, а рода царскаго...

Давно подбирается подъ него Григорій Лукьяновичъ... А теперь какъ разъ самый часъ насталъ.

А Иванъ уже навострился весь.

— Измѣна? Да?—шепчетъ, а самъ такъ ходуномъ и ходитъ, трясовицей обуянъ.—Кто дерзнулъ?

— Не дальніе, осударь,—говоритъ Малюта тихимъ, ровнымъ, спокойнымъ говоромъ,—а свои, ближніе. Князь Володиміръ Андреевичъ смуту новую сѣетъ. Вотъ въ Костромѣ ему, какъ ѣхалъ онъ въ Нижній на сборъ, царскую встрѣчу сдѣлали. Самъ вѣдаешь... А тутъ еще человѣчишка одинъ надежный подвернулся. Говоритъ, што князь Володиміръ извести тебя, осударь, хвалится... Царевича на ляхскій престолъ сдать, по смерти Жигимонта бездѣтнаго, а тамъ, помимо Ѳеодора Ивановича хвораго, самому быти царемъ московскимъ!..

Сказалъ, а самъ такъ и впился въ царя, тѣмъ же взоромъ почитай, коимъ за минуту до того на него Иванъ глядѣлъ. Видитъ—дергается судорогой все лицо царя... поводитъ его стало... Значитъ попало не въ бровь, а въ глазъ.

— Подлинно знаешь? Вѣстовщика пыталъ?—спрашиваетъ, а у самого зубъ на зубъ не попадаетъ.

— Пыталъ, осударь, всю правду вызналъ. Нарочито и не доносилъ тебѣ до времени. А теперь вотъ тебѣ сказъ мой: первый тебѣ измѣнникъ и ворогъ лютый Володиміръ свѣтъ Андреевичъ, братецъ твой двоюродный. И зелье нашелъ черезъ подкупку у людишекъ его, кое онъ черезъ вѣстовщика самаго этого тебѣ подсунуть хотѣлъ.

— И зелье, говоришь?

— Все, осударь, предоставлю, когда повелишь... И холопъ сей тебѣ все повѣдаетъ и крестнымъ цѣлованіемъ доносъ закрѣпитъ.

Задумался Иванъ... Жуть взяла царя... Братъ единый—и тотъ супротивъ его идетъ... Зельемъ извести хочетъ...

Ну, ладно же, дознается онъ, и если... если правы вѣсти Малютовы, то докажетъ Иванъ всей Руси великой, што ради блага ея и спасенія не пощадитъ крови собственнаго рода своего царскаго... Не все-жъ ему, видно, розыскъ чинить чужимъ крамольникамъ... Теперь и за свою царскую родню доводится приниматься.

Не чуетъ онъ, што клеветою полны лживыя рѣчи Малюты. Не сомнѣвается въ немъ болѣ Иванъ. Чего ужь?! Сына своего ради царя прирѣзать готовъ... Это-ль не вѣрный слуга... Да и онъ, государь-владыка, и онъ вѣрный, надежный отецъ и слуга отечеству. И онъ крамолу съ корнемъ вырветъ, будь тотъ корень самый близкій человѣкъ—родня. Не баба онъ, не задумается, не заплачетъ отъ жалости.

И выпрямившись во весь свой высокій ростъ, съ мрачно загорѣвшимися очами, приблизился снова къ Малютѣ Иванъ и, склонясь къ самому уху Лукьяныча, шепнулъ чуть слышно:

— Коли правда-то... Коли и впрямь крамолу и смуту сѣетъ княже, такъ пора читать отходную братцу Володиміру свѣтъ Андреевичу!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Сонъ княгинюшки.

Послѣ крещенскихъ морозовъ, свѣтлый январскій денекъ выдался.

На берегу матушки Волги широкой стоитъ въ зимнемъ сіяніи Нижній-Новгородъ, бѣлымъ снѣгомъ опушенный, ровно невѣста подъ фатою жемчужною... Еще лѣтомъ было указано царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ Нижнемъ дружинамъ ратнымъ сбираться со всѣхъ сторонъ Руси, чтобы отсюда двинуться несмѣтными полчищами противъ нечестивца—агарянскаго хана крымскаго Девлетъ-Гирея, да Селимана-паши, его пособника...

Грозится ханъ отнять юрты Казань да Астрахань, набѣгаетъ онъ изъ степей на россійскія окраины; села, деревни жжетъ, что поюжнѣе будутъ, да людей въ полонъ уводитъ. А тутъ еще Селиманъ-паша, султанъ туркскій, ему способствуетъ. Янычаровъ своихъ Девлеткѣ на подмогу далъ. И кликнулъ кличъ лѣтось еще Иванъ Васильевичъ и стали стекаться дружины съ земли Московской... А воеводствовать надъ ратью своему брату двоюродному Володиміру Андреевичу, бывшему князю Старицкому, а нынѣ Дмитровскому, Звенигородскому, да Тверскому поручить мирволилъ. Стоянкою сборною для рати той былъ избранъ царемъ Нижній-Новгородъ... И тогда-же стеклись отовсюду дружинники несмѣтной ратью и стали станомъ на площадяхъ, и на улицахъ, и на городищѣ, и въ чистомъ полѣ... Ждутъ указа государева. Къ оборонѣ

и къ походу готовы. Нѣсколько мѣсяцевъ такъ-то простояли до сегодня... А сегодняшній день для осмотра дружинъ объявленъ.

Говорятъ, что осмотръ послѣдній будетъ—и либо завтра въ походъ, либо распустятъ дружины, потому, слыхать, ханъ Девлетка, напуганный несмѣтною силою русскою, слышно, назадъ вертаетъ... Болѣе за походъ стоятъ ратники... Не зря же сюда пришли, отъ сохи оторвались... Руки объ агарянъ нечестивцевъ чешутся у нихъ. И вооружены къ тому же знатно. Поверхъ кафтановъ да зипуновъ теплыхъ у многихъ латы понадѣваны, шеломы блестящіе... Въ рукахъ топорики да бердыши вострые... У воеводъ шестоперы въ рукахъ... Стрѣльцы копьями да саблями ярко-начищенными похваляются, уборомъ воинскимъ красуются... А тутъ-же и конники гарцуютъ... Чепраки мѣдными бляхами горятъ, тесаки на солнцѣ такъ и играютъ. А на кожаныхъ берендейкахъ пищали за спиной прилажены. То больше у московскихъ ратниковъ... А казаки запорожскіе въ кафтанахъ длинныхъ, съ чубами, изъ-подъ шапокъ выпущенными, да съ аршинными усищами—тѣ съ однѣми саблями кривыми въ походъ собрались... Они для рукопашнаго боя больно горазды, люты...

Стяги[1]) и хоругвіи развѣваются, духовенство обходитъ полки, кропитъ святой водою... Горятъ, переливаются въ лучахъ солнечныхъ мѣдные доспѣхи дружинниковъ... Тюфейки[2]) да пушки, тутъ-же на площадь выволоченныя, своими пастями чугунными невидимому врагу грозятся. По всему городу звонъ идетъ... Словно-бы во святую пасхальную заутреню... Ждутъ войска появленія своего воеводы любимаго Володиміра Андреевича, чтобы предстать въ послѣдній разъ на оглядъ его передъ походомъ.

А Володиміръ Андреевичъ, воевода старшой, чуть замѣшкался. Ужь совсѣмъ былъ готовъ къ войску выдти князь, да въ послѣдній мигъ княгиня супруга задержала.

Проснулась княгиня сама не своя... Блѣдная, перепуганная... Крикнула ближнюю свою боярышню Любашу Незнамову, живущую въ ихъ семьѣ замѣсто дочки пріемной.

Прибѣжала Любаша, ясноглазая, румяная красавица съ

---

1) Знамена.

2) Ружья на козлахъ въ родѣ маленькихъ пушекъ.

толстой, претолстой косой, веселая проказница, щебетунья, общая любимица въ семьѣ княжей.

— Што, княгинюшка? Аль занедужилось?—заботливо спрашиваетъ она молодую женщину.

— Сонъ я видала, вѣщій сонъ, Любаша!.. Охъ, страшно, милая, чего—и сама не вѣдаю!..

— Пустое, княгинюшка, родная! Мало-ль што-ли разной разности зря привидится!.. Снамъ-то, умные люди, грѣхъ, баютъ, вѣрить...

— Инъ сонъ сну рознь бываетъ, а сонъ тотъ былъ особливый, Люба... Инда и по сей часъ меня трясовица беретъ, какъ о немъ помыслю...

— Повѣдай, што за сонъ такой, княгиня-матушка!

— Ладно, ужо!.. А княже мой отъѣхалъ къ войскамъ?..

— Нѣтъ еще, боярыня, дома князь!.. — отвѣчаетъ Любаша.

— Кликни его, дѣвушка, скажи—дѣло есть... а сама ребятокъ возьми подалѣ, негоже имъ страхи разные слушать... Хошь малы, а все-жъ поймутъ...

И съ ласковою, какъ-бы насильственною улыбкою княгиня Евдокія Романовна оттолкнула отъ себя двухъ мальчугановъ, по седьмому и четвертому году, прикурнувшихъ было къ колѣнямъ матери и вперившихъ въ нее загорѣвшіеся любопытствомъ глазенки.

— Пойдемъ, Ванюша, пойдемъ, Егорушка, — потянула ихъ за собой Любаша, — пойдемъ ко мнѣ въ свѣтлицу рать смотрѣть. Дюже хорошо ее изъ моего оконца видно.

— А тятю на конѣ повидаемъ?..

— А ты намъ яблочко дашь? — тоненькимъ голоскомъ спросилъ младшій княжичъ, Егорушка.

— И яблочка, и пряничка имбирнаго, всего дамъ! Ну, вперебѣжку! Кто скорѣе! — И съ хохотомъ и шумомъ всѣ трое метнулись изъ горницы.

— Жалостные! Сердешные вы мои! — прошептала имъ вслѣдъ молодая княгиня и вдругъ нежданно и негаданно двѣ слезинки прозрачныя выкатились изъ очей и упали на грудь высокую, смачивая тяжелую, бобромъ опушенную тѣлогрѣю.

Што-то тяжелое надавило на сердце княгини... Мысль о снѣ ту тоску навѣяла и слезы безпричинныя...

Но недолго предавалась своей скорби княгинюшка. Въ

сосѣдней горницѣ шаги послышались и князь Володиміръ Андреевичъ на порогѣ появился.

— Што, Дунюшка?—веселымъ, громкимъ голосомъ спросилъ онъ жену, наскоро оправившуюся передъ его появленіемъ.

Хотя князю Володиміру пятый десятокъ пошелъ, но онъ много старше своихъ лѣтъ на видъ казался. Частыя стычки съ братомъ государемъ, навлекавшія за собой неизмѣнныя опалы, преждевременно посеребрили волосъ ранней сѣдиной въ бородѣ и на головѣ князя. И ратныя заботы тожъ не мало ранней старости князя способствовали. Но все-же, несмотря на то, князь Володиміръ казался бодрымъ и сильнымъ, благодаря своему высокому росту и мужественной осанистой повадкѣ... Лицо его, открытое и мужественное, съ отважнымъ взоромъ большихъ, темныхъ очей, горящихъ почти юношескимъ огнемъ, было пригоже и пріятно для взора.

А мощная фигура князя напоминала собой тѣхъ русскихъ богатырей-воителей, которые не переводились искони вѣковъ на святой Руси...

На князѣ поверхъ кафтана теплаго была надѣта кольчуга, хитро сплетенная изъ серебряныхъ колецъ тонкой работы, стальные наплечники, на бедрѣ висѣлъ тесакъ въ ножнахъ, усыпанныхъ каменьями драгоцѣнными, и съ крыжемъ золотымъ. Драгоцѣнно украшенная, на головѣ, вмѣсто браннаго шелома тяжелаго, легкая ерихонка [1]) надѣта. Сабля турецкая гремѣла вдоль бедра. Сапоги съ наколѣнниками, предохраняющими ноги отъ ударовъ вражескихъ, были изъ толстой кожи и подкованы серебряными подковами, на рукахъ рукавицы стальныя, сѣтью сплетенныя мелкимъ плетеньемъ.

Ни латъ, ни бахтерцовъ не признавалъ князь.

— Лишняя тяжесть! — говорилъ онъ, — куда ихъ? Коли часъ пробьетъ, и латы не спасутъ, ни броня.—И довольствовался одной кольчугой.

— Што, Дунюшка?—еще разъ спросилъ князь у супруги и, приподнявъ съ чела ерихонку, заботливо наклонился къ ея лицу,—аль плакала?

— Прости, княже мой любименькій, што волю дала слезамъ бабьимъ,—прошептала княгиня взволнованно.—Сама тому

---

1) Низкій шлемъ, легкій.

не рада... Сонъ мнѣ привидѣлся, такой-то сонъ, што и помыслить страшно!.. Хошь повѣдаю?!

— Повѣдай, вѣстимо, лапушка! Кручина, на-двое дѣленная, куда полегше буде.

— Слушай, желанненькій! Сижу это я быдто съ тобой и съ княжатами нашими богоданными въ чудесномъ вертоградѣ [1]), словно бы райскомъ! А кругомъ цвѣты всякіе цвѣтутъ: махровые да все радужные, цвѣтистые. И птахи райскія поютъ, заливаются. Солнышко свѣтитъ... Таково хорошо мнѣ... Мальченки смѣются... И ты словно веселъ дюже! И вдругъ, откеля ни возьмись, ехидна ползетъ къ намъ страшная... языкомъ корявымъ дразнится... И прямо къ тебѣ будто... Я вскочила, заслонила тебя... А она къ Егорушкѣ да Ванѣ метнулась... Я кричать... Гляжу, откуда ни возьмись, другая ползетъ... а тамъ еще и еще... Видимо ихъ и невидимо... Я Егорушку хватаю, онѣ за Ваней гонятся... И жалятъ ихъ, и къ тебѣ подбираются... Ты въ бой съ ними готовишься вступить, а онѣ шипятъ, извиваются окрестъ тебя... Одна вытянулась вся въ ростъ человѣческій, да какъ изъ языка ядъ выпуститъ... и прямо въ тебя... Вижу я, што повалился ты при послѣднемъ вздыханіи, я къ Ванѣ скорѣе да къ Егорушкѣ кинулась, хошь-бы ихъ спасти-то отъ чудищъ адовыхъ, да куда ужь!.. Лежатъ и они бездыханные... Я кричать... А ехидны ужь ко мнѣ подбираются... Глянула я кругомъ, а на лужайкѣ Любаша стоитъ, блѣдная да печальная... и руки ко мнѣ простерла, а сама рѣкой разливается... „Любаша,—зову ее я,—пойди ко мнѣ, вмѣстѣ помремъ!“ А она въ отвѣтъ только головой качаетъ. „Нѣтъ, говоритъ, боярыня-княгиня, судьба намъ розная... Мой часъ не насталъ... Апосля ужо я къ тебѣ приду“... Глянь, а набольшая-то ехидна вкругъ меня обвилась уже и тожъ ядомъ въ меня брызнуть въ самыя уста ладитъ... Тутъ я вскрикнула и проснулась.

Замолкла княгиня... Побѣлѣла вся отъ одного воспоминанія, личико все ровно алебастровое стало... Очи горятъ и слезы въ нихъ крупинками алмазными такъ и сверкаютъ. А сама дрожмя-дрожитъ.

Обнялъ ее князь, прижалъ къ себѣ, цѣлуетъ ей уста и очи наплаканныя.

---

[1]) Садъ.

— Люба ты моя, ладушка, отрада моя свѣтлая, птичка моя, не тужи, не кручинься, пустой то сонъ! Къ добру онъ, не къ худу!.. Праздничный сонъ, люди вѣдующіе баютъ, до обѣда исполняется, гдѣ-жъ тутъ змѣи да ехидны въ Нижнемъ найдутся?! И людишки-то ратные у меня все молодецъ къ молодцу подобраны, никакого лиха не попустятъ... И врагъ-то имъ не страшонъ! Съ такою дружиною не токмо на султана туркскаго да на орды татарскія — на весь свѣтъ пойду!

— Ой, княже, любимый мой, не хвались... Отъ пули да отъ стрѣлы рать не оборонитъ, — прошептала, крестясь, княгиня.—Не дай Боже, стрясется што!.. Ранятъ, али въ полонъ возьмутъ, куда-жъ мы горемычные дѣнемся?..

— Полно, Дуня, полно, порада моя сердешная!—уговаривалъ князь жену,—все, дастъ Богъ, хорошо кончится. Да и походъ тотъ на-двое гаданъ... Може и полчищъ не найдемъ Девлеткиныхъ; такъ себѣ кочевые хищники по степи шмыгаютъ... Слыхалъ я, што Селиманъ янычаръ своихъ назадъ отбиралъ у хана. А безъ этой подмоги мы орды нагайскія въ одинъ мигъ развѣемъ. Не кручинься же, цѣлъ и невредимъ къ тебѣ, милостію Божіей, вернуся!.. Поживемъ еще... Полюбимся... Любашу замужъ выдадимъ, вишь она, словно яблочко, налилась и Богъ насъ за сироту не оставитъ. Мальчугановъ нашихъ выростимъ... Чего добраго, еще принесешь парнишку для счету, а?—И князь глянулъ загорѣвшимся взоромъ прямо въ сѣрыя очи жены.

Закраснѣлась княгиня, словно невѣста стыдливая. Любъ онъ Евдокіи Романовнѣ, этотъ посѣдѣлый витязь-богатырь... Даромъ, што въ отцы онъ ей годится по годамъ, а отъ одного взора его соколинаго, остраго вся кровь ей полыменъ въ лицо кидается, да истома по всему тѣлу змѣйкой горячей разливается...

— Княже мой любый, княже мой ласковый!—шепчетъ,— вертайся скорѣе. Безъ тебя мнѣ тошнехонько...

— То-то! вертайся,—любовно усмѣхнулся князь-воевода,— такъ-то куда лучше, касатка! А то слезы да кручина... Ну, успокоилась, што-ли, пташка моя? Вотъ и ладно... Теперь я на оглядъ пойду, съ дружинами поздоровкаться, а тамъ вернусь; на зарѣ лишь выступать ладимъ. Жди.

И еще разъ обнявъ совсѣмъ уже успокоенную княгиню,

князь Володиміръ Андреевичъ вышелъ изъ свѣтлицы. А Евдокія Романовна къ окну кинулась и еще долго смотрѣла вслѣдъ мужу. Шибко любила она князя. Семь лѣтъ минуло, какъ день единый, ихъ жизни совмѣстной. И тоску, и печаль, и опалу царскую она съ нимъ пополамъ дѣлила... А ужь радости его какъ радовалась! Вонъ намедни костромичи ихъ встрѣчали, какъ они въ Нижній на сборъ ѣхали... Съ иконами, съ хоругвями духовенство вышло... Колокола звонили... Хлѣбъ-соль костромской воевода поднесъ. Ровно царю... И такъ-то ласково всѣ въ глаза имъ смотрѣли... Народъ въ ноги кланялся, здравьица желалъ. И тогда впервые, глядя на мощную, богатырскую фигуру князя, мысль невольная пришла на умъ княгинѣ: „Вотъ кому бы царемъ родиться, кому бы царствовать! И дородствомъ, и станомъ, и храбростью, и бранной славой—всѣмъ Господь одѣлилъ. А народъ-то какъ любитъ... По всему видать!.. Да и есть за што! Вздохнули-бы христіане православные подъ мудрой и ласковой рукой такого правителя... Не то што теперь, въ нонѣшнее царствованіе жестокаго да недужнаго осударя-брата“.

Но тутъ-же съ ужасомъ остановилась на этихъ мысляхъ Евдокія Романовна.

— Ой, не гожее помыслила!.. — прошептала она вслѣдъ затѣмъ. — Чуръ меня, чуръ окаянную! словно чары бѣсовскія околдовали! Здравъ буди, царь всея Россіи Иванъ Васильевичъ, а княже мой и такъ много доволенъ отъ любви народной!..

Припомнилось все это сейчасъ княгинѣ и разсѣяло ея недавнія думы о тревожномъ снѣ. А тутъ какъ разъ Любушка съ обоими княжичами вбѣжала, болтаютъ трое што-то забавное, смѣются...

„Ишь вѣдь, похорошѣла какъ... — невольно любуясь дѣвушкой, подумала княгиня,—и впрямь князь сказалъ: невѣста. Погоди-жъ ты, и тебя мы окрутимъ,—вотъ только дай вернуться благодѣтелю твоему съ похода агарянскаго.

ГЛАВА II.

Царскій Гонецъ.

А князь Володиміръ Андреевичъ вышелъ на крыльцо и при помощи ближнихъ бояръ да сотенныхъ начальниковъ сѣлъ на рослаго аргамака гнѣдой масти, съ нарядным чепракомъ, поверхъ попоны расшитой наложеннымъ, и поѣхалъ, окруженный своими помощниками, подначальными воеводами, къ войску. Лишь только приблизился князь къ переднимъ рядамъ дружинъ, громкое привѣтствіе изъ нѣсколькихъ тысячъ грудей могучимъ кликомъ вырвалось и зычно огласило равнины снѣжныя, разстилающіяся за Нижнимъ-Новгородомъ.

— Здравъ буди, княже Володиміръ Андреевичъ, на долгія лѣта!

Радостно забилось сердце княжее... Знакомъ ему кликъ этотъ.

Имъ привѣтствуютъ его вѣрные стрѣльцы московскіе, рязанскіе, тверскіе, костромскіе ратники, свершившіе не одинъ походъ съ княземъ на своемъ вѣку. И князья кавказскіе и азіатскіе тожъ здѣсь по-свойски князя привѣтствуютъ говоромъ гортаннымъ, непонятнымъ.

— Здравъ буди, княже-батько! — слышатся среди нихъ голоса молодцовъ-запорожцевъ, готовыхъ по одному взгляду воеводы сложить въ бою свои чубатыя головы.

Любо князю... По-сердцу ему любовь подначальной ему рати... Любуется онъ и стройнымъ порядкомъ дружинъ, и молодцеватыми богатырями-ратниками.

— На зарѣ въ походъ тронемся! — кричитъ онъ зычнымъ голосомъ, привычнымъ къ командѣ бранной, воинственной.

И поворотивъ коня, объѣзжаетъ дружины ратныя. То здѣсь, то тамъ аргамака придержитъ, остановится, гдѣ словомъ перемолвится съ начальнымъ чиномъ, аль шуткой милостивой перекинется съ служивымъ ратникомъ.

Ужь добрая половина войска была объѣзжена и осмотрѣна княземъ, какъ въ концѣ площади снѣжное облачко показалось и словно по щучьему велѣнью передъ княземъ Володиміромъ конникъ-гонецъ предсталъ. По одежѣ, по кафтану нарядному видать, что не простой посланецъ—царскій. Подскакалъ, спѣшился, изъ-за пазухи грамоту вынулъ, князю протягиваетъ. Такъ и есть, отъ царя гонецъ. Печать царская на свиткѣ видна... Приложился къ ней устами Володиміръ Андреевичъ, развернулъ свитокъ, читаетъ. А на лицѣ его разныя ощущенія борятся. Пишетъ ему государь-братъ въ той грамотѣ, чтобы объявилъ онъ всей дружинѣ своей, всей рати, со всѣхъ концовъ Руси собранной, что походъ на агарянъ нечестивыхъ отмѣняется, что Селиманъ-паша прослышалъ о зѣло несмѣтной силѣ войска россійскаго и янычаръ своихъ Девлету-хану дать не мирволитъ, а Девлетовы наѣздники на полчища русскія безъ подсобы туркской пойти не рѣшатся.

„А посему, княже брате мой, — такъ заканчивалась грамота,—по царскому указу нашему поручаемъ мы тебѣ рати распустить по селамъ и вотчинамъ, а тебѣ же, братецъ князь, еще указываемъ милостію нашей къ намъ въ слободу пожаловати для свиданія съ царственнымъ братомъ твоимъ и дочками богоданными Евфиміей княжной да Маріей. И сбираться вамъ въ путь съ княгиней и со всей бабьей челядью поелико возможно вскорости. А смердовъ мужескаго пола, окроня нужныхъ въ пути, съ собой не брать... И для свиданія съ нами стать въ селѣ Слотинѣ, близъ слободы Ново-Александровской“.

Прочелъ князь Володиміръ царскую грамотку и сталъ тучи чернѣе... Што за притча? Словно на смѣхъ!.. Держали, держали въ Нижнемъ, сбирали рати, а какъ походъ ударили—и на попятный... Ну, пущай-бы туркскій Селиманъ своихъ янычаръ отозвалъ. Такъ вѣдь дѣло не въ немъ, а въ Девлеткѣ проклятомъ... Онъ южныя станицы безпокоитъ россійскія!.. Его унять не мѣшаетъ... А тутъ накося!.. И передъ дружиной зазорно! Словно на уступку идемъ! Да и полно! Такъ ли понялъ онъ государеву грамоту? Може подъ новую опалу

его, Володиміра, берутъ и замѣсто него другого воеводу надъ войскомъ поставить мирволитъ царь...

Нѣтъ, не то... Лаской да милостью вѣетъ отъ писули царской. Нѣтъ у Ивана злобы супротивъ брата двоюроднаго. Видно и впрямь сложилъ гнѣвъ на милость государь... А коли такъ, такъ есть въ томъ кой-что и радостное, внезапно подумалось князю: походъ не уйдетъ отъ него... Не этотъ, такъ иной... Вонъ, баютъ, ляхи вновь забушевали изъ-за Ливоніи, а по крайности дочекъ повидаетъ онъ, Володиміръ... Фима, чай, выросла за годъ да ужь въ невѣсты глядитъ... И Марѳушу-хохотунью повидать охота. Да и съ Иваномъ по душѣ поговорить, новой дружбой сердешной закрѣпить милость царскую.

Долго косился на него Иванъ, да знать одумался, извѣдалъ въ братѣ слугу вѣрнаго... Чего добраго, и удѣлъ старый, отцовскій снова вернетъ... насиженное гнѣздо, Старицу родимую. А и хорошо было-бы!

И окончательно успокоенный князь дьяка позвалъ, тутъ-же при немъ находившагося въ свитѣ воеводской, и велѣлъ ему обнародовать царскую грамоту объ отмѣнѣ похода. Всколыхнулись полки и дружины княжіе. Многимъ вѣсть та въ радость была. Долгая стоянка въ Нижнемъ прискучила, домой къ семьѣ да къ работѣ сельской потянуло. А нѣкоторые, особливо казаки запорожскіе, да стрѣльцы, да дѣти боярскія, чаявшіе принести изъ похода добычу богатую, тѣ роптать стали:

— Эко дѣло стыдное, пошли, не дошли, на мѣстѣ остались, словно бабы на печи!

Но и тѣ не долго погуторили. Смолкли. Какъ воевать, коли воевать не съ кѣмъ?

Спокойный да почти-что довольный вернулся Володиміръ домой. Гонца съ собой привелъ царскаго. Самъ къ княгинѣ прошелъ въ свѣтлицу.

— Што, Дуняша? На руку твой сонъ аль нѣтъ?—смѣется.— Небось походъ-то, ау! Приказалъ долго здравствовать! Вотъ, те и раны, вотъ-те и полонъ! А взамѣнъ того милость царская! Въ слободу снаряжаться велѣно!.. Такъ-то, завтра-жъ въ путь!.. А пока што, выдьте къ гонцу съ Любашей да попотчуйте гостя.

Княгиня только ахнула, на шею супругу кинулась, обвила

его руками бѣлыми... Смѣется и плачетъ вразъ. И впрямь, милость привалила.

Потомъ окручиваться стала и Любѣ велѣла обрядиться. Сарафанъ праздничный надѣла. Кику, жемчугами сплошь низанную, зернами бурмицкими, съ рясами [1]) изъ малыхъ жемчуговъ блестящихъ, да тѣлогрѣю новую изъ червчатаго атласа, стеганную золотомъ хитрымъ узоромъ по полю алому. Запястья у кистей такія-жъ жемчужныя пристегнула да серьги алмазныя съ длинными подвѣсами.

И Любаша по-праздничному окрутилась. Лѣтникъ шелку шамаханскаго на ней цвѣта би рюзы, начельникъ, подарокъ княжій, яркимъ рубиномъ горитъ, искусно въ него вдѣланнымъ... Рукава рубашки узорчатой кисси—словно снѣгъ зимній бѣлы. Ожерелья изъ бусъ да низей жемчуга плотно шейку бѣлую охватили и на грудь высокую дѣвичью тяжелыми рядинами спускаются. Вышла она въ стольную избу за княгиней слѣдомъ, потупивъ очи въ землю, вся алая, ровно ягодка въ саду вишневомъ.

А въ горницѣ холопы княжіе столы ужь накрыли, яствами уставили и потчуетъ князь за ними гостя почетнаго, посла государя.

Глянула изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ на гостя Любаша, да чуть со смѣха и не прыснула.

Матушки-свѣты! гость-то каковъ! рыжій, корявый, носъ пуговицей торчитъ, ни дать, ни взять пономарь, аль чернецъ-читальщикъ.

„Господи! — думаетъ боярышня, — лучше-то на Москвѣ, прости Господи, не нашли хари!“—И еле, отъ смѣха ее обуявшаго, можетъ въ рукахъ подносъ съ кубкомъ удержать дѣвушка, въ которомъ пѣнится влитый малиновый медъ княгинюшкинаго изготовленія.

„Неужто да съ такимъ то цѣловальный обрядъ справлять!“ — съ ужасомъ продолжаетъ мыслить боярышня и все ниже и ниже потупляется, да словно невзначай и метнетъ взоромъ искрометнымъ на гостя, — откуда-де уродъ такой выискался.

А царскій гонецъ Ѳеодоръ Ловчиковъ, первый сподручный князя Аѳанасія Ивановича Вяземскаго, и не чуетъ, чѣмъ полны

---

[1]) Пряди жемчужныя подъ кикой навѣшиваются.

мысли дѣвушки. У него своя мысль на умѣ: какъ увидѣлъ гонецъ царскій боярышню, такъ и впился въ нее глазами.

„Экая красавица! — про себя думаетъ, — такой почитай ни въ слободѣ, ни на Москвѣ нѣтъ. А глазищи-то яркіе да большіе, словно звѣзды небесныя... А уста, што твои ягоды— спѣлыя, наливныя... И впрямь, словно изъ сказки — царь-дѣвица!..“

Глядитъ во всю Ѳеодоръ на Любашу, а ту пуще смѣхъ разбираетъ: штой-то за пугало выискалось и на нее буркалы пучитъ?

И впрямь, не казистъ Ловчиковъ Ѳедя. Глаза маленькіе, словно у мышенка, и лукавымъ блескомъ такъ и поблескиваютъ. Самъ рыжеволосъ, лицо оспинами изрыто частыми, а носъ ни дать, ни взять ровно запона у кафтана, торчкомъ торчитъ.

Какъ покосится на парня Любаша, такъ вотъ удержу ей и нѣтъ... Вотъ, вотъ прыснетъ. Ужь больно смѣхотворенъ видъ царскаго гонца.

Подаетъ ему чарку боярышня, потупилась, а у самой губы такъ и морщитъ поневолѣ улыбкой насмѣшливой.

Отпилъ изъ чарки гость, отерся рукавомъ терлика, къ лицу красавицы наклонился.

„Вотъ-бы такую-то красотку подцѣпить“, — мыслитъ, а самъ чуть слышно, затаивъ дыханіе, шепчетъ:

— Дозволишь?

Подняла рѣсницы Любаша, глянула на гостя, на его лицо растерянное да алчное въ одно и то же время, и какъ ни крѣпилась, ни держалась доселѣ, не выдержала тутъ, прыснула на всю горницу, лицо за рукавомъ схоронила, за порогъ метнулась и была такова...

А гонецъ какъ былъ, такъ и остался посреди избы съ отверзеными устами... И прежнее выраженіе ласковости да смущенія разомъ сбѣжало съ лица его...

Ничего-бы не нашла въ немъ теперь смѣхотворнаго, кабы глянула боярышня... Глаза Ѳеодора зловѣщими огоньками заблестѣли, судорога пробѣжала по губамъ... Багровый румянецъ полымемъ охватилъ чело и щеки и вплоть до шеи. Ровно ударомъ хлыста, насмѣшкой своей угодила ему Люба. Вскипѣлъ опричникъ царскій. На князя глядитъ, на княгиню Евдокію Романовну.

— Штой-то, княже милостивый, словно ужь больно смѣшлива боярышня?—спрашиваетъ, а самъ очами зловѣщими такъ и сверкаетъ.

А князь Володиміръ Андреевичъ и самъ едва улыбку сдержать можетъ. Знаетъ онъ, што великую обиду усмотрѣлъ гость московскій въ отказѣ Любаши отъ обряда поцѣлуйнаго... Противъ обыклости родимой пошла боярышня. Да ужь дюже и гость-то смѣхотворенъ да гадокъ... И на его княжій смекъ, будь онъ дѣвицей—не поцѣловалъ-бы такого.

А все-жъ и Люба не права. Ну, да онъ ее пожуритъ опосля, а теперь надо передъ гостемъ выгородиться. Хоть и не бояринъ онъ, не знатнаго рода, а все-жъ выше другого сановитаго быть принятъ долженъ, потому царскій онъ гонецъ.

— Не взыщи съ дѣвки,—говоритъ ласково гостю князь,— молода еще... да и у насъ здѣся все не по-столичному ведется... далече мы отъ Москвы... поотвыкли отъ обыклостей московскихъ... Не обезсудь за веселость дѣвичью.

— Гдѣ ужь намъ!—отвѣчаетъ смиренно Ѳеодоръ, а самого такое бѣшенство охватило, што и удержу ему нѣтъ. — Не погнѣвись на холопа твоего вѣрнаго, княже, што осмѣлился на высокородную боярышню взглянуть. Куды ужь! Вѣстимо, помнить надо: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, а не лѣзть съ немытымъ рыломъ свинымъ въ калашный рядъ!

Рѣчь нѣжно да вкрадчиво звучитъ, а лицо да взоры неба осенняго темнѣе.

А Любаша прямо изъ горницы княжей въ свѣтлицу къ себѣ пробѣжала, гдѣ двѣ сѣнныя дѣвушки Аннушка да Даша, ея подружки-наперстницы, подъ присмотромъ мамы Ольги Сидоровны, съ прочими дѣвушками прислужницами за работой сидятъ, убрусы, да кики, да нашивки на лѣтники для свѣтлой княгинюшки нижутъ.

Тутъ же и княжата Ваня да Егорушка межъ нихъ вертятся...

Влетѣла Любаша словно стрѣла въ свѣтлицу, на лавку грохнулась, а сама хохочетъ, заливается, за бока держится, такъ и зашлась поди вся отъ смѣху.

— Ой, дѣвушки... ой, голубушки... ой, невмоготу мнѣ, красавицы... — лепечетъ она межъ взрывами хохота.—Ой, тотъ-то лѣшій, рыжикъ болотный... лягва-жаба паскудная...

цѣловаться полѣзъ... И рожа то... рожа у него, дѣвонькй... прости Господи! Нечистые на ей въ чехарду играли!..

— Молчи ты, безстыдница! къ поздней звонятъ, а она, прости Господи, бѣса тѣшитъ!—прикрикнула на дѣвушку мама Сидоровна, выходившая и ее, сиротку-пріемыша, и обоихъ княжатъ.

— Невмоготу, мамушка, — съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, произнесла дѣвушка, утирая рукавомъ рубахи невольныя слезы, выступившія на глазахъ.

И она стала, захлебываясь, разсказывать вмигъ окружившимъ ее подружкамъ, какъ пошла „съ чаркой“ по приказу княгинюшки, и какъ гость, красавецъ писаный, самой вѣдьмы сынъ, жабы племяшъ да крысы сродственникъ, надумалъ ее поцѣлуйнымъ обрядомъ пожаловать.

И тутъ-же, помирая отъ хохота, она представила, выйдя на середину горницы, „парсуну“ царева посланца, да таково смѣхотворно, што и сѣнныя дѣвушки, и княжата малолѣтніе, и сама мама Ольга Сидоровна не могли удержаться отъ хохоту.

„Смѣйтесь, смѣйтесь! — съ ненавистью и обидой мыслилъ въ то время Ловчиковъ, до котораго долеталъ урывками раскатистый хохотъ дѣвичій, — погляжу я вскорости, таково ли веселиться да тѣшиться станете, какъ въ гости къ государю пожалуете... Когда...“

И на этомъ „когда“ сосредоточились теперь всѣ мысли, всѣ желанія оскорбленнаго, осмѣяннаго гонца.

Дрожь удовольствія пробѣжала по тѣлу при одной мысли о томъ... Сердце пріятно сжалось, снова чуя себѣ усладу великую, скорую!..

Зналъ Ѳеодоръ Ловчиковъ, гонецъ царскій, зачѣмъ вызывалъ великій царь Иванъ Васильевичъ къ себѣ въ слободу брата своего двоюроднаго, Володиміра князя.

ГЛАВА III.

Въ дорогѣ.

На слѣдующее утро съ зарею ускакалъ гонецъ обратно въ Москву, а князь Володиміръ съ семьей немедля сталъ въ дорогу снаряжаться. Дни славные, солнечные стояли. Крещенскій морозецъ заледенилъ деревья; бѣлый рыхлый снѣгъ, словно скатерть, покрылъ дорогу.

Нижегородцы да дружины ратныя честь-честью проводили воеводу. Челядь обрядила пошевни, да тапканы [1]) крытые дорожные, изнутри адамашкою и мѣхомъ обитые. Выстлали мѣхомъ полъ и сидѣнья тапканъ, а поверхъ нихъ казыльбацкіе ковры пушистые положили да подушки поклали, штобъ помягче было сидѣть княгинюшкѣ съ княжатами. Путь не коротокъ, и безъ того поди сморятся... Такъ-то много ладнѣе будетъ. Боковыя стѣнки тапканъ суконныя тожъ мѣхами обили: шкурами лисьими да бѣличьими. Въ стѣнкахъ тапкана по оконцу вдѣлали слюдовому, штобы не вовсе путемъ въ потемкахъ сидѣть. Тапканы княжнины цугомъ въ три лошади запряжены; на одномъ изъ нихъ кучеръ сидитъ. А кони обвѣшаны лисьими да соболиными хвостами, да дробницами [2]) по хомуту и упряжи, въ знакъ того, што не простые путешественники ѣдутъ, а князья сановитые. Покрыты кони богатыми попонами. Къ уздечкамъ и копытамъ колокольцы привѣшаны... Гудятъ, заливаются веселымъ перезвономъ серебрянымъ. Княгинины тапканы слѣдомъ за пошевнями княжьими

---

[1]) Сани.
[2]) Мелкія украшенія.

ѣдутъ. Со своимъ любимымъ дворецкимъ сидитъ тамъ князь, да съ парнишкой холопомъ, внукомъ послѣдняго. Окромя ихъ двоихъ да двухъ конниковъ передовыхъ бирючей [1]) да кучеровъ, никого не взялъ съ собою изъ мужской челяди князь, помня наказъ брата.

Не любитъ того царь-батюшка. „Что-де за тѣлохранители такіе?.. Не къ Девлеткѣ хану окаянному, а къ брату двоюродному ѣдешь!“—говаривалъ онъ не разъ Володиміру, когда тотъ, изъ удѣла въ Москву наѣзжая, привозилъ съ собою цѣлый синклитъ мужской челяди.

„Такъ-то гораздъ лучше буде!..“ — думалъ, сбираясь въ дорогу, князь и взялъ съ собою лишь шестерыхъ человѣкъ, окромя возницъ да челяди бабьей.

Любо да радостно на душѣ былого опальнаго князя Старицкаго. Не чаялъ онъ отъ брата-царя такой ласки... Давно у нихъ въ роду нелады идутъ, которымъ, казалось, конца края не предвидѣлось...

Послѣ смерти брата государя великаго князя Василія Ивановича, князь Андрей Старицкій, отецъ Володиміра, недовольный обдѣломъ поминальнымъ со стороны невѣстки-правительницы, уѣхалъ въ свой удѣлъ. Разсчитывалъ князь Андрей нѣчто поболѣ получить даровъ послѣ похоронъ государевыхъ, а не одними конями, да шубами, да кубками златыми подовольствоваться.

Отсюда и пошло начало разрухи. Передали угодливые людишки правительницѣ о недовольствѣ деверя... Да въ то же время не полѣнились наушники и князю Андрею шепнуть: „Остерегись, княже! Невѣстка твоя зѣло опалилась на тебя и хочетъ тебя схватить“.

Однако, на сей разъ все сошло благочинно. Елена вызвала Андрея въ Москву и взяла съ него „запись“ держать сторону молодого государя-племянника.

Но несмотря на запись и на цѣлованіе крестное, скоро снова донесли правительницѣ послухи-наушники, что князь Андрей изъ удѣла бѣжать собрался... Правительница другой разъ вызвала изъ удѣла деверя, какъ-бы для того, штобы супротивъ казанцевъ его въ походъ послать. Андрей же больнымъ на сей разъ сказался и не поѣхалъ въ столицу. Тогда

---

1) Глашатые.

на него войскомъ пошли, по указу государыни, воеводы московскіе и встрѣтились съ дружинами Андреевыми на рѣчкѣ Березинѣ, не доѣзжая Ѣдроваго Яма.

Не захотѣли вожди брани междоусобной.

Князь Оболенскій, воевода московской рати, тогда же далъ клятву князю Андрею, что не наложитъ на него опалы государыня, коли онъ войско распуститъ и на Москву съ повинной явится. Послушался князь, взялъ жену, княгиню Евфимію, и княжича малолѣтняго—его, Володиміра, и пріѣхалъ въ Москву. Но тутъ то и была западня. Схватили князя съ семьей и въ тюрьму заключили.

Долгое время въ неволѣ томилась княжая семья, покуда митрополитъ Іосафъ упросилъ уже юнаго государя освободить его дядю съ женой и сыномъ.

И разрѣшеніе имъ тутъ же въ 1541 году вышло въ Москвѣ поселиться и Старицкимъ, отнятымъ было, удѣломъ вновь пожаловали.

А все-же утерянаго довѣрія государева не вернуть было князьямъ Старицкимъ; умеръ въ опалѣ князь Андрей... Опалу же наслѣдовалъ отъ него и сынъ его Владиміръ. Много тому виной была и мать Владиміра, честолюбивая, тщеславная княгиня Евфросинія. Постоянныя стычки, по ея милости, происходили у царя съ княземъ. И удѣлы-то мѣнялъ Иванъ у брата, и записи бралъ на службу вѣрную, и къ присягѣ подводилъ не одинъ разъ... А все открытой разрухи промежъ нихъ не было. Все-же худой миръ лучше доброй ссоры.

Послѣднее время какъ-то поутихъ Иванъ, поменѣе на брата гнѣвался. Много тому способствовало и постриженіе въ монахини княгини вдовицы Евфросиніи, да и меньше наѣзжалъ въ Москву Владиміръ. А вдали отъ бояръ крамольныхъ, державшихъ княжую сторону, и вовсе не страшенъ былъ Владиміръ царю.

Вотъ какія мысли и воспоминанія роились въ головѣ Владиміра Андреевича, бывшаго князя Старицкаго, когда онъ ѣхалъ изъ Нижняго, отозванный къ слободѣ...

„Надо быть, теперь и конецъ разрухи съ Ваней! — мыслитъ князь.—И то конецъ. И на Девлетку хана послалъ—воеводство почетное возложилъ, а нонѣ и вовсе отличаетъ. Въ гости зоветъ со всѣми чадами да домочадцами, съ княгинюшкой младой!“—И точно раскаяніе беретъ князя, што онъ

подозрительно, да не добро о царѣ до сей поры иной разъ мыслилъ... Не причастенъ онъ давно уже, съ той поры, какъ постриглась мать, къ тому, што такъ пугало и гнѣвило царя [1]).

Да и ранѣе того, какъ отъ присяги царевичу Дмитрію отказался, такъ и тогда безъ вины былъ виновенъ онъ. Не хотѣлось гордому удѣльному князю, въ коего жилахъ настоящая кровь Рюриковичей текла, за младостью княжича-государя, къ боярамъ Захарьинымъ на службу идти.

Вѣдь кабы умеръ Иванъ, они-бы окружили зыбку младенческую и въ уши новой правительницѣ Анастасіи Романовнѣ нашептывали, руководя ее въ дѣлѣ трудномъ. И ежели тогда не прочь отъ трона московскаго былъ онъ, Владиміръ— то видитъ Господь, только ради пользы Руси-матушки. Хошь-бы и о ту пору, явись другой домогатель, сильный духомъ, да достойный дѣяніями, съ правами на престолъ россійскій, глазомъ-бы не моргнулъ онъ, Владиміръ, и перечить не сталъ въ престолонаслѣдіи. Такъ то! Стало быть и не врагъ онъ царю и отечеству и не свою пользу тогда соблюдалъ, когда не хотѣлъ присягать нонѣ покойному уже Дмитрію младенцу.

И все былое, минувшее давно забытымъ нонѣ кажетъ Владиміру... Все, что худого въ немъ было, быльемъ поросло... И въ сердцѣ прежней обиды на Ивана нѣтъ. Припоминается онъ ему теперь почему то юношей веселымъ да ласковымъ, съ нимъ, со Владиміромъ, на всякія затѣи-потѣхи не разъ ѣздившій... Не теперешній властитель-деспотъ, по одному навѣту наушниковъ людей губящій, а Ваня-красавчикъ, богобоязненный, да веселый, да на всякое добро отзывчивый. А може и впрямь недуженъ царь, мыслится Владиміру, може по наитію черной немощи казнитъ и мучитъ онъ безвинныхъ?

Такъ-то мысля дорогой, скачетъ день и ночь князь Во-

---

[1]) Въ 1552 г. тяжело заболѣлъ царь Иванъ Васильевичъ и приказалъ цѣловать крестъ на присягѣ своему первому сыну, вскорѣ потомъ умершему младенцу Димитрію (1-му, такъ какъ гораздо позднѣе, отъ 7-ой жены Нагой у Ивана родился сынъ, котораго также назвали въ память покойнаго Димитріемъ). Но князь Владиміръ Старицкій по навѣту честолюбивой матери своей, княгини Евфросиньи, которая жаждала видѣть сына царемъ, отказался отъ добровольной присяги въ числѣ другихъ бояръ, его ярыхъ сторонниковъ... Ихъ однако заставили присягнуть насильно и этотъ случай навлекъ новую опалу царя на князя съ матерью его.

лодиміръ Андреевичъ, по зову царскому всей душой стремясь въ слободу. Впереди бирючи летятъ съ нагайками, народъ разгоняютъ... Князь Владиміръ Андреевичъ къ государю ѣдетъ!.. Кричатъ, чтобы путь съ дороги расчистить, чтобы задержки какой не вышло. Да и то словно по щучьему велѣнью все выходитъ... На слѣдующее-же утро выѣзда изъ Нижняго ужь въ Вязники попали... Глядишь, а ввечеру во Владиміръ на Клязьмѣ въѣхали. Коней перемѣнили, повечеряли и снова въ путь.

А въ княгининыхъ тапканахъ и подавно незамѣтно пути. Словно въ горницѣ у себя сидитъ Евдокія Романовна среди дѣтокъ, да сѣнныхъ дѣвушекъ, да боярышенъ ближнихъ.

И то сказать, здѣся въ колымагѣ просторной осьмимѣстной дюже и повольнѣй будетъ, нежели въ теремѣ высокомъ. И дороженьку то видать, сквозь слюдовыя оконца вѣтеръ несетъ... Индо радостно на душѣ дѣлается отъ быстроты такой! А княжатамъ любо пуще остальныхъ... Глазки горятъ... щечки на морозѣ пышутъ... Шубки на нихъ теплыя, тулупчики на лисьемъ мѣху. Мѣховыя ноговицы [1]) на ножкахъ надѣваны, стужи не чувствуется. И сама княгинюшка, и мама боярыня, и Любаша съ дѣвушками тепло окручены. Поверхъ тѣлогрѣй на нихъ еще охабни [2]) надѣты... На княгинѣ кунья, съ собольимъ ожерельемъ, у Любаши съ мамой такія-жъ, сортомъ лишь попростѣе, а у остальныхъ лисьи, да бѣличьи, а все-жъ теплыя и упористыя, стужи не пропустятъ.

И о снѣди позаботились. Всего прихватили съ собой: и пироговъ, и растягаевъ, и лепехъ подовыхъ, и ватрухъ съ медомъ да творогомъ... И утей, и рябовъ, и куръ стуженыхъ. И меду разнаго... Даромъ что въ Вязникахъ полдничали у яма [3]), а во Владиміръ вечеряли... А и это все не лишнее, въ дорожкѣ яствами позабавиться, такъ то въ пути и время быстрѣй идетъ.

Весело въ тапканахъ... Дѣвушки лепечутъ, смѣются, орѣхи щелкаютъ... пряники жуютъ. Евдокія Романовна сидитъ веселая, довольная, малютку Егорушку на колѣнкахъ держитъ. Перешелъ къ ней отъ мамы княжичъ. Все-же къ

---

1) Сапоги.
2) Шубы.
3) Ямской дворъ.

матери поближе — куда ладнѣе дитяти. А старшенькій Иванушка такъ и прильнулъ къ слюдовому оконцу. Почитай отъ него весь путь не отходитъ. Отецъ частенько на остановкахъ въ него заглядываетъ. Видитъ сквозь тусклую слюду черную съ просѣдью бороду отцову Ваня, его заиндивѣвшіе на морозѣ усы и брови... И любо, и радостно ребенку. Хорошо ему! Вѣкъ-бы такъ-то ѣхать!.. Спасибо дядѣ-царю, что позвалъ ихъ... Вонъ какой добрый... А мама-боярыня злымъ его обозвала какъ-то, за то, что онъ людямъ, аки змѣй-горынычъ, головы сворачиваетъ. И бабушка-инокиня то-жъ гуторитъ!.. И вспомнивъ о бабушкѣ, высокой, худой монахинѣ, въ черномъ клобукѣ и мантіи, оторвался съ трудомъ отъ оконца малютка.

— Матушка,—вопрошаетъ,—а мы бабу Евдокію на сей разъ повидаемъ?

— Нѣтъ, родименькій,—отвѣчаетъ сынку княгиня,—не по пути намъ нонѣ, не повидаешь ты бабушку.

И то не по пути... Кирилловъ далече въ сторонѣ лежитъ. Въ Воскресенскую обитель ѣхать, много времени надоть зря убить. А тутъ поспѣшить необходимо: не къ кому другому, къ самому царю ѣдутъ въ гости.

И рада этому въ глубинѣ души княгиня. Недолюбливаетъ она свекровь-инокиню. Многимъ въ опалѣ былой государевой Владиміръ Андреевичъ ей обязанъ, замысламъ ея честолюбивымъ. Да и теперь, какъ ни увидитъ князя Евдокія, все нѣтъ-нѣтъ да и шепнетъ ему словцо ненарокомъ:

— И чѣмъ бы не царемъ тебѣ быть, Володюшка? И станомъ, и красою, и умомъ—всѣмъ то ты вышелъ!.. А може... Какъ знать?.. Вотъ Иванъ, баютъ, недужный сталъ. Словно-де бѣснованіе на него находитъ... Сына старшаго онъ и теперь, сказываютъ, на ляшскій престолъ послѣ Жигимонта бездѣтнаго посадить ладитъ... Опедя—тому, самъ вѣдаешь, не государемъ, а пономаремъ заправскимъ быть слѣдуетъ... да и тожъ не вышелъ здравіемъ... Такъ кому-же и пріять престолъ россійскій, какъ не тебѣ, Рюриковичевому потомку!

Боится тѣхъ рѣчей Евдокія Романовна хуже всего на свѣтѣ. Стѣны и тѣ въ ту пору живыми оказывались... И въ обители тѣмъ паче много ушей да языковъ усердныхъ... Да и того гляди — донесутъ... Нѣтъ, подалѣ отъ нея, отъ свекровушки неспокойной, отъ грѣха уйти подалѣ. Теперь

особливо неумѣстны рѣчи ея досужія Володюшкѣ слушать... Милостивъ къ нимъ царь... Слава Те, Господи!.. На гостеваньe позвалъ!

Такъ-то мыслитъ Евдокія Романовна, а кони ровно вихрь ихъ мчатъ. Быстро до посада Троицкаго домчались. Вонъ и стѣнка видна монастырская съ башнями да бойницами, обнесенными валами глубокими. Тутъ новая остановка. Вечерню въ Троице-Сергіевской обители отслушали. И опять въ колымаги... Въ Дмитровъ, новый удѣлъ княжій, завернуть подумали было... Да куды ужь!.. Дай Богъ ввечеру только въ Слатино поспѣть, гдѣ остановиться князю для встрѣчи радостной отъ государя указано.

Теперь ужь не равнина снѣжная, а лѣсистая, глухая мѣстность по краямъ дороги пошла. Озера кой-гдѣ попадаются... Не далеко теперь, верстъ съ 30 до слободы осталось, какъ за посадъ перевалили. Скоро и онѣ при такой ѣздѣ позади останутся... Вотъ ужь и Никольскій Дирюзинскій монастырь нежданно, негаданно изъ-за деревьевъ вынырнулъ... За нимъ и старая слобода сейчасъ. А теперь, до новой и вовсе рукой подать...

Въ возкѣ межъ тѣмъ темно стало... Крещенскіе дни не больно-то долгіе. Ко сну путешественниковъ клонить зачинаетъ... Княжата, на теплыхъ мѣхахъ растянувшись врастяжку, словно въ зыбкѣ удобной, давно младенческимъ, крѣпкимъ сномъ спятъ. И княгиня уснула... И Любаша съ подружками. И мамушка-боярыня въ дремѣ сладкой носомъ слегка посвистываетъ. А въ возкѣ князь-Владиміра инако все. Чѣмъ ближе къ цѣли князь, тѣмъ менѣ радости на душѣ его... Нѣту въ ней ужь прежняго мира, покоя, что всю дорогу не покидалъ князя. Грызетъ словно что сердце Володимірово... Да и такая-то тоска на душѣ растетъ, что не вѣсть куды отъ нея бы кинулся... И сердце то замретъ, то шибко, шибко въ груди, ровно молотъ, ударяетъ.

Но къ счастью, притомился отъ трехдневной скачки князь, глаза сомкнулись помимо воли... Мысли спутались... и забылся онъ, убаюкиваемый легкимъ поскрипываніемъ полозій о снѣгъ.

Долго-ли, мало-ль длилась эта не то дремота, не то оцѣпенѣніе,—не вѣдаетъ Владиміръ. Вдругъ ровно подтолкнуло что князя. Открылъ глаза: глядь, стоитъ возокъ среди поля... Гдѣ-то далече огоньки села мелькаютъ... А дворецкій Ѳедорычъ шепчетъ ему на ухо:

— Княже, проснись! Гонецъ тутъ изъ слободы тебя видѣть желаетъ!

Встрепенулся Владиміръ... Въ оконце глянулъ. Какъ ни темно, а все-жъ отъ сіянія звѣзднаго видать поблизости... И впрямь, у самыхъ пошевень конникъ стоитъ, весь снѣгомъ запушенный... Высунулся изъ возка князь.

— Добро пожаловать, — крикнулъ, — царскому гонцу завсегда рады... Не обезсудь, бояринъ, аль князь, какъ величать тебя, не вѣдаю, што принять не могу по чину... Въ пути вѣстимо не до величанія, самъ знаешь... Спѣшись и въ колымагу войти удостой, милости просимъ.

Послушался гонецъ, съ коня соскочилъ, навѣсъ приподнялъ и очутился подлѣ князя. Не видать Владиміру Андреевичу гонца. Бирючи конники съ фонарями давно впередъ умчались, въ Слатинѣ постой искать княжіей семьѣ. Темно, какъ въ гробу, въ колымагѣ... Не видитъ гонца князь. Да голосъ его молодой дивно знакомымъ Владиміру кажетъ, и дрожитъ этотъ голосъ и прерывается... Видно, запыхался гонецъ отъ быстрой скачки.

— Княже-бояринъ,—говоритъ онъ,—коли не заморились кони, да челядь у тебя вѣрная, назадъ вертай, безъ оглядки... Гони вспять на Тверь, аль на Кострому што-ль, до времени... А тамъ и подалѣ, княже, бѣги... съ семьей... Не ладное о тебѣ затѣяно... Оговоренъ ты передъ царемъ, княже!..

— Оговоренъ?—съ ужасомъ прошепталъ Владиміръ, а у самого, чувствуетъ, какъ подъ шапкой горлатной волосъ дыбомъ становится.

— Поспѣшай, княже! — шепчетъ снова гонецъ, — время дорого! Лютъ, гнѣвенъ государь... Не дремали твои, князь, вороги... Такой поклепъ на тебя они взвели, што подумать о немъ жуть возьметъ... Вертай же, княже, говорю... Спѣши... Каждый мигъ дорогъ... Покудова не домчали еще до Слатина... А тамъ, поздно ужь буде!..

Задумался князь... Да что придумаешь, коли мысли въ головѣ вихремъ толпятся... коли сердце кровью зашлось... бѣжать?.. Обернуться и вспять скакать, какъ совѣтуетъ ему невѣдомый благодѣтель... Да што толку!.. Все едино нагонятъ ихъ... а нагонятъ бѣглецовъ — што будетъ? И впрямь подумаетъ царь — виновникъ онъ. Правому нечего трусить и въ бѣгство ударяться... Нѣтъ! Чему быть—тому не мино-

вать! Чистымъ предстанетъ онъ предъ братомъ-царемъ... Докажетъ, что вины за имъ нѣтъ... Не звѣрь же онъ несмыслящій... Пойметъ его... Пойметъ, што зря опалился. Да и вдали отъ очей своихъ царскихъ можетъ онъ, Иванъ, Богъ вѣсть что себѣ представить по навѣту поклепщиковъ, а увидитъ его, Владиміра, преданнаго да вѣрнаго, и снова, на прежнія разрухи не глядя, милостью своей одаритъ.

— Нѣтъ, не гоже мнѣ отъ братневыхъ очей бѣжать!— громко и твердо произнесъ Владиміръ Андреевичъ. — Спасибо тебѣ, добрый человѣкъ, што опредилъ меня... Храни тебя Господь за это... только зря ты старался, молодецъ... Не личитъ князю Владиміру, какъ татю аль крамольнику, отъ брата-царя хорониться!..

— Твоя воля, княже! Прости за вѣсть недобрую, — грустно зазвучалъ голосъ подлѣ князя.—Хотѣлъ оградить тебя отъ бѣды неминучей... Какъ дознался черезъ ближнихъ царя, што разгнѣвался онъ, батюшка, на тебя, княже, и за ворога своего почтилъ тебя, кинулся я на конь въ тотъ же мигъ и поскакалъ къ тебѣ навстрѣчу. Присягѣ измѣнилъ опричной, супротивъ царева слова „не опрежать опальныхъ“ пошелъ. Да видно, не угодна тебѣ моя служба, княже, аль не вѣришь мнѣ... Ну, да какъ вѣдаешь... Може и правъ ты, што не гоже тебѣ вспять ворочаться да въ бѣгство ударяться... Може и впрямь въ замыслахъ есть у тебя чѣмъ предъ царемъ обѣлиться. Помоги тебѣ Боже въ томъ! А меня не обезсудь! Ради любви къ тебѣ да жалости на такое дѣло пошелъ.

Сказалъ и вылѣзъ изъ колымаги невидимый гонецъ. На конь снова вскочилъ. „Прости, княже!“ еще разъ крикнулъ и въ обратный путь было пустился.

Встрепенулся князь. Кто-жъ онъ, невѣдомый этотъ молодецъ? И почто онъ о немъ и о семьѣ его такъ кручинится?.. Дознаться надоть. Приподнялъ полу мѣховую возка Владиміръ, на стужу высунулся.

— Стой!—крикнулъ,—кто-жъ ты, добрый человѣкъ, изъ чьихъ ты будешь, што объ участи моей такъ печалуешься?!

Далеко успѣлъ отскакать отъ колымаги гонецъ. А все-жъ сквозь вѣтеръ да мятелицу достигъ до князя молодой, звучный голосъ, ему отвѣтившій:

— Слуга я твой бывшій, княже, нынѣ опричникъ царскій Истома Никитичъ, Качаловъ сынъ!

ГЛАВА IV.

Бѣда.

Ни словомъ не обмолвился Владиміръ Андреевичъ домашнимъ своимъ о встрѣчѣ съ Истомой, повѣдавшимъ ему о новой опалѣ царя. Уморились съ устатку въ дорогѣ княгиня съ княжатами и Любашей. Да и челядь притомилася порядкомъ. Крѣпко спятъ онѣ въ большой избѣ слатинскаго старосты, подъ стоянку имъ уступленной. И въ клѣтяхъ жилыхъ и въ повалушахъ [1]) да гридняхъ [2]), благо было довольно ихъ у зажиточнаго мужика понастроено. Спятъ усталые путешественники. Одинъ князь Владиміръ не спитъ. Дворецкій Ѳедорычъ, старикъ, на лавкѣ много ковровъ да мѣховъ поклалъ, штобы помягче было князю, но, не глядя на это, бѣжитъ сонъ отъ очей Владиміра... Дремота одолѣть черныхъ думъ не можетъ... Назойливо, докучно лѣзутъ онѣ въ голову, покой смущая княжій. Ужли-жъ и впрямь лихо ихъ подкарауливаетъ?.. И впрямь, мыслится князю, сонъ-то Дунинъ должно вѣщимъ оказывается. И ехида-змѣя може ихъ съ жаломъ наготовѣ ждетъ? Ужь и не впрямь-ли отъ грѣха убраться, на ночку темную глядя!.. До разсвѣту какъ разъ у Троицы будемъ, а тамъ на Дмитровъ махнуть! Свой удѣлъ! Не выдастъ!

„Нѣтъ, нѣтъ! — тутъ-же гонитъ отъ себя тревожную мысль князь.—Богъ не безъ милости. Иванъ не кто иной— братъ двоюродный... Любилъ онъ его когда-то... Когда-то оба они юношами были беззаботными. Да и заслугъ боевыхъ

---

[1]) Кладовая, гдѣ одежда хозяйская сложена.
[2]) Подклѣть для запасовъ.

у него, князя, передъ царемъ не мало есть. Ужели клеветники перевѣсъ возьмутъ надъ нимъ, ближнимъ родичемъ государевымъ?!"

И послѣ долгихъ мыслей да сомнѣній удалось, наконецъ, подъ утро забыться тяжелымъ сномъ Владиміру Андреевичу.

Еще не разсвѣло порядкомъ, когда проснулось село Слатинское. Лязгъ оружія да конскій топотъ разбудилъ мирныхъ сельчанъ.

— Не татарва-ли некрещеная набѣжала? — съ дрожью шепчутъ обыватели, торопливо выскакивая на крыльцо.

Темь еще на дворѣ, не видать порядкомъ, кого Богъ принесъ... Одначе не татары это... Русскій говоръ слышенъ... Видать свои... И вдругъ, знакомый каждому мужику-сермяжнику крикъ „гайда!", страшный крикъ—вѣстовщикъ гнѣва царскаго и близкой расправы—надъ селомъ пронесся. Оцѣплено со всѣхъ сторонъ опричной дружиной Слатино. А по улицѣ ѣдетъ кучка всадниковъ съ фонарями, въ дорогихъ одежахъ, на коняхъ быстрыхъ... Впереди же, на сѣромъ аргамакѣ невиданной красы и прыти, самъ царь скачетъ... Лицо гнѣвное, блѣдное, судорогой подергиваетъ; уста засохшія шепчутъ что-то. По обоимъ краямъ дороги народъ кучами валится въ земномъ челобитьѣ. Подъѣхали всадники къ избѣ, что неподалече отъ старостиной находилась, спѣшился царь, поводья своему оружничіему Вяземскому кинулъ, самъ въ избу вошелъ. На порогѣ обернулся и Малютѣ-любимцу нѣсколько словъ на ухо шепнулъ. Тотъ головой лишь кивнулъ, поклонился царю, вышелъ и, снова вскочивъ на коня, въ сопровожденіи нѣсколькихъ опричниковъ, двинулся къ старостиной избѣ, гдѣ остановились Старицкіе.

Крѣпко спала здоровымъ, предутреннимъ сномъ княжья семья. Княгиня Евдокія Романовна взяла къ себѣ на лежанку ребятишекъ съ вечера, чтобъ потеплѣе имъ было возлѣ матери да и не боязно въ чужомъ мѣстѣ. Первая она услыхала топотъ коней да бряцаніе оружія. Вскочила, глаза протерла. Глянула въ слюдовое оконце. „Господи Боже мой!—прошептала смущенно и радостно,—отъ царя, должно, посольство жалуетъ". Вотъ ужь на рундукъ [1]) взошли... Въ дверь

---

[1]) Въ родѣ терраски, съ которой спускаются ступени крыльца.

стучатся... Кафтаны на нихъ яркіе, дорогіе... А она то, прости Господи, въ сорочкѣ одной... И дѣтки тожъ...

— Вставайте, милые! — будитъ она сыновей, раскинувшихся въ сладкомъ младенческомъ снѣ на перинѣ. — Вставайте, дядя гонцовъ шлетъ! Сейчасъ въ слободу ѣдемъ...—И быстро на себя убрусъ, тѣлогрѣю накидываетъ, дѣтей окручиваетъ въ кафтанчики, въ полушубки мѣховые.

— Опять, знать, въ колымагу, мамушка?—спрашиваетъ старшенькій маму-боярыню, поспѣшно одѣвавшую его.

А младшенькій, Егорушка, тотъ и вовсе не проснулся почти... Глазенки кулачками протираетъ... Ему бы опять на лежанку, да заснуть сладкимъ сномъ утреннимъ. А его тутъ, накося, снаряжаютъ... тормошатъ. Куксится младенчикъ, куражится...

Вдругъ нежданно дверь въ горницу распахнулась, и рыжій мужчина бородатый, въ кафтанѣ, соболемъ опушенномъ, въ шапкѣ высокой, за порогъ шагнулъ... За нимъ еще такіе-жъ двое... Лица у нихъ свирѣпыя, звѣрскія.

Дрогнуло сердце княгини... Дрогнуло и упало... Ровно-бы и не посланцы царевы, а станичники-душегубы въ горницу вошли. Да и кто-жъ по добру въ одрину женскую по утру ввалится?

А за ними видитъ мужа княгиня... Лицо у князя словно платъ бѣлое... Глаза расширены ужасомъ... Обезумѣла со страху Евдокія Романовна. Дѣтокъ къ себѣ прижала... Собою ихъ укрываетъ, заслонить хочетъ отъ людей невѣдомыхъ... Все-жъ увидалъ младшенькій косматую, рыжую бороду Малюты да какъ затрясется весь, заплачетъ.

— Егорушка! Свѣтикъ мой!—шепчетъ княгиня,—нишкни, родименькій! то дядины посланные за нами пришли!

— И впрямь смекнула, княгинюшка свѣтлая,—пробасилъ рыжій Малюта,—и впрямь за вами, государыня! Царь на свои свѣтлыя очи зоветъ васъ, измѣнниковъ!

Вздрогнула княгиня... Не ослышалась-ли ненарокомъ? Они то измѣнники?! Да кто-жъ ихъ смѣетъ унижать такъ-то, ихъ, гостей званыхъ царскихъ? И выпрямляется отъ обиды станъ женщины, очи сверкаютъ.

— Какъ смѣешь ты, охальникъ!—крикнула она, да тутъ же и пресѣклась. Видитъ, у князя-супруга пуще лицо побѣлѣло. А глаза молящіе на нее уставлены, словно молвить

хотятъ: „Молчи, Дуня, молчи, ради Господа, все дѣло погубишь!..“

Притихла княгиня. И впрямь, коли гордый князь, коему словомъ перечить никто не смѣлъ до сей поры, спустилъ дерзость охальнику, ей и подавно непристойно съ нимъ въ пререканія входить.

— Што примолкла, лебедушка? Чай вѣдаетъ кошка, чье мясо съѣла?!—дерзко захохоталъ Малюта, видя смятеніе княгини.—Ну, окручивайся, шевелись штоль! Не досугъ съ вами такъ-то валандаться!

— Молчи, холопъ!—грозно сверкнувъ на него очами, крикнулъ князь.—Забылся, съ кѣмъ говоришь, смердъ окаянный? Хоть и опальные мы нонѣ, но милости царской, а все-жъ Рюриковской мы крови! И не тебѣ, смерду, вольно съ государевой родней говорить!

— И то, княже,—пуще прежняго загоготалъ злодѣй,—и впрямь здѣся не гоже по пусту балясы точить... Прощенія просимъ на словѣ лишнемъ... Поторапливайтесь лучше охабни накидывать да предъ свѣтлыя царевы очи предстать. Тамъ-то и разговоръ межъ насъ иной будетъ!

И въ то же время самъ въ сторону своихъ спутниковъ лукаво и зловѣще глазомъ подмигиваетъ...

Ни слова не говоря собрался князь, княгиню, дѣтокъ за руки взялъ, пошелъ изъ горницы.

На крыльцѣ малютка Егорушка-княжичъ снова заплакалъ, какъ увидалъ себя съ матушкой, тятей, да братцемъ Иваномъ этими мужиками страшными окруженными. Княгиня его полой охабня запахнула, къ сердцу прижала... А сама, сердечная, дрожмя-дрожитъ. Идутъ по улицѣ къ избѣ—стоянкѣ государевой. И вдругъ на полпути ихъ вопль отчаянный остановилъ.

— Постойте! Христа ради, погодите... Меня на кого-жъ оставили?

Оглянулся князь, видитъ—Любаша бѣжитъ... Въ одномъ лѣтникѣ, простоволосая, какъ въ избѣ была... Видать, только-что со сна вскочила... Сама зимняго снѣга блѣднѣе... Остановился князь... Глянулъ на дѣвушку... Дрогнуло въ его лицѣ что-то... не то забота, не то сомнѣніе, и мыслится князю: „Богъ вѣдаетъ, что имъ Иванъ готовитъ, тюрьму либо келью монастырскую... А она-то чѣмъ виновата, бѣдняжка?! Въ чужомъ пиру похмѣлье!..“

Обнялъ онъ дѣвушку, шепнулъ ей:

— Народъ здѣсь недобрый, охальный, Любаша. Храни Богъ отъ грѣха... Назадъ иди, съ мамушкой да прочими и будь покедова... Не долго чай насъ государь задержитъ! Вернемся, такъ надумаемъ, какъ съ тобой быть.

— Княже любименькій, княгиня матушка! — зарыдала отчаянно Любаша, падая къ ногамъ Владиміра, — не гоните меня отъ себя, дочурку вашу пріемную, холопку вѣрную! Благодѣтели мои, родименькіе, съ собой возьмите.

— Ну, ну! — грубо оборвалъ Малюта дѣвушку и прочь отъ князя оттащилъ,—не время голосить тутъ... Апосля наплакаться успѣешь!..

— И впрямь не плачь, Люба! — ласково цѣлуя дѣвушку, произнесла княгиня,—не на вѣкъ провожаешь, ступай въ избу и жди насъ, милая, со всѣми остальными... Такъ ладнѣе будетъ.

Поднялась съ колѣнъ Любаша. Съ тоскою смертной во взорѣ на благодѣтелей глянула и, понурясь, назадъ побрела,

А князь съ семьей, охраняемый стражей, къ государевой ставкѣ подошли, на крыльцо поднялись и вошли въ клѣть, гдѣ ихъ царь Иванъ Васильевичъ дожидался.

Поглядѣлъ Владиміръ на брата и не признать ему почти-что царя... Худъ да желтъ сталъ государь ликомъ... губы, плотно сжатыя, въ ехидную улыбку сложены. Очи такъ и бѣгаютъ, неспокойныя да прозорливыя.

— Здравъ буди, братъ-государь! — произнесъ Владиміръ, останавливаясь у порога и отвѣшивая низкій поклонъ царю.

И княгиня поклонилась... Потомъ стали оба... ждутъ, какимъ словомъ ихъ государь пожаловать изволитъ...

Молчитъ Иванъ... молчатъ и окружающіе его тѣлохранители царскіе... Тихо... тихо... мертво въ избѣ... Только слышится тяжелое дыханіе въ груди государя. А очи его сверкающія, не отрываясь, глядятъ на лица жертвъ.

Такъ длилось минуту... другую... Тяжко, нестерпимо стало отъ взора этого Владиміру. Хуже всего невѣдѣніе князю... Еще на шагъ приблизился онъ къ царю, говоритъ:

— Чѣмъ прогнѣвили мы тебя, братъ-государь, что словно разбойниковъ подъ стражей привели насъ сюды?

Пуще загорѣлся при этихъ словахъ взоръ Ивана...

— Чѣмъ прогнѣвили?—загремѣлъ его голосъ зычно на всю горницу,—аль не вѣдаешь?

— Не вѣдаю, государь, подлинно не вѣдаю,—отвѣчаетъ безъ смущенія князь Старицкій.

— Такъ повѣдай, братецъ нашъ богоданненькій, — уже тише, но не менѣе грозно рвется рѣчь съ устъ царя, — повѣдай, што все намъ извѣстно о козняхъ твоихъ... И какъ костромичей ты противу насъ подучалъ, какъ ляшскому крулю предаться мирволилъ. А пуще того худшее еще злоумышленіе твое намъ вѣдомо, братецъ нашъ сердешный: изволилъ ты умыслить на наше царское здравіе, зельемъ смертельнымъ...

Едва докончилъ свою рѣчь царь, какъ изъ груди князя и молодой княгини вразъ одно слово вырвалось:

— Господи!

— Што? аль поклепы, скажете, приспѣшниковъ моихъ?— сощурясь насмѣшливо, спросилъ Иванъ.

— И то поклепы! Видитъ Богъ, поклепы, государь! — прошепталъ несчастный Владиміръ.

Всего ожидалъ князь, но не этого, не брешни пустой, клеветы безсмысленной, которую не гнушается повторять ему въ лицо братъ-государь.

— Поклепы? А это што?—и сунувъ руку въ зепь терлика, вытащилъ изъ него царь какой-то пузырекъ невеликій, наполненный мутною жидкостью бѣлой. а на пробкѣ того пузырька печать наложена.

— Гляди,—говоритъ, протягивая склянку брату.

Глянулъ Владиміръ и ахнулъ. Его печать отъ перстня сердоликоваго, которымъ онъ грамоты свои воеводскія печатывалъ царю... Должно не дремали вороги... поддѣлали печать и царю предоставили, чтобы подтвердить поклепъ уликой небывалой.

Поблѣднѣлъ князь, затрясся.

— Погубили насъ, — шепчетъ, а самъ на княгиню глядитъ: за что ей то, голубкѣ бѣдной, такое зло терпѣть?

А межъ тѣмъ царь усмѣхается пуще того.

— Признаешь печать?—вопрошаетъ.

— Признаю, государь!—дрожащимъ голосомъ произнесъ Старицкій,—но видитъ Богъ, не виновенъ я противу тебя.

— Про то Господь вѣдаетъ, княже! — сурово отвѣтилъ царь.—Годовъ семнадцать тому, а може и поболѣ буде, ты тожъ не виноватъ былъ, когда съ маткой твоей крамольницей, нынѣ черницей Евдокіей, сыну нашему перворожденному

присягать не хотѣлъ?! Простили мы тогда тебя по великой милости нашей... Мыслили мы о ту пору, што гнѣвъ нашъ да опала урокомъ твоему поступку крамольному послужатъ. Инъ не пошло то въ прокъ. Какъ волка не корми, все онъ въ лѣсъ норовитъ. Ну, што-жъ, свидѣтель Господь, не я хотѣлъ распри. Ты началъ... Тебѣ и отвѣтъ держать за нее... Не запись же отъ удѣльнаго князя брать, штобы противу жизни брата-государя всякое худо не замышлялъ... Больно ужь то соромно буде. Не простой ты бояринъ-перебѣжчикъ литовскій и судъ тебѣ иной, не погнѣвись, будетъ. Доброе аль худое зелье ты намъ уготовилъ, про то самъ извѣдаешь.

— Бомелій! — обернувшись къ свитѣ своей, произнесъ царь, — вылей гостинчикъ княжій въ кубокъ да пожалуй имъ гостиковъ дорогихъ...

Задрожалъ отъ этихъ словъ съ головы до ногъ Владиміръ. Иной судьбы ожидалъ князь: клобука монашескаго али заточенія въ ссылкѣ. Привыкъ онъ къ нему, все свое дѣтство проведя съ отцомъ и матерью... Только за жену и дѣтокъ душой болѣлъ. А тутъ иное имъ всѣмъ предстоитъ... Роковое... ужасное... Безумный ужасъ сковалъ душу несчастнаго князя. Умереть сейчасъ, здѣсь, не въ честномъ бою, не на полѣ ратномъ, не отъ сабли татарской аль пищали ливонской, а отъ чаши яда, двоюроднымъ братомъ подносимаго... И за што? За одинъ навѣтъ, за клевету несуразную, дикую, безсмысленную...

Да полно! Впрямь-ли это? Може шутитъ царь? Може испытать его крѣпость хочетъ?.. Не чужой вѣдь онъ ему — единокровный, родимый... близкій...

— Ваня! — хочется, какъ въ былые дѣтскіе годы, крикнуть Владиміру, — окснись, што ты?! На кого грозишься? Не ворогъ я тебѣ, Ваня, оклеветали меня предъ тобою!

Но глянулъ на царя Владиміръ, и слова, заготовленныя для мольбы да ласки, на устахъ застыли...

Страшенъ, грозенъ ликъ Ивана... Ничего не предвѣщаетъ онъ хорошаго... А тутъ уже изъ свиты одинъ выдѣлился, въ одежѣ заморской, черновласый, черноглазый, съ очками на длинномъ носу крючковатомъ, отвратительный на видъ. Знаетъ Владиміръ кто это... Самый ярый, самый опасный человѣкъ изъ приспѣшниковъ слободскихъ. Изгнанный за разныя дѣла лихія изъ Германіи, голландецъ Елисей Бомелій пошелъ на

службу русскаго царя и принесъ съ собою много темныхъ замысловъ нечистыхъ. Лѣкарь по прозванію, онъ мало однако понималъ толку во врачеваніи хворей людскихъ и больше занимался составленіемъ всякихъ зелій отравныхъ на пагубу человѣчью.

И теперь стоитъ этотъ злой геній Ивана, коего многіе козни и навѣты не прошли мимо уха царскаго, и протягиваетъ съ улыбкой любезной полную чашу яда ему, князю Владиміру.

Отпрянулъ, словно ужаленный, отъ лѣкаря князь... Чашу оттолкнулъ. Плеснула черезъ край мутная, зловонная водица...

Зарыдалъ князь Владиміръ. Понялъ, что не обмануло его злое предчувствіе. Конецъ его пришелъ... Понялъ, что и мольбы тутъ не помогутъ. Крѣпко оклепали его вороги, дюже постарались предъ царемъ-братомъ...

Оглянулся на жену и сыновей князь.

Видитъ—Евдокія Романовна ни жива, ни мертва у порога стоитъ, о дверной косякъ приткнулась. Дѣтей обвила, головки ихъ къ себѣ прижала.

А у самой ни слезъ, ни тоски въ груди нѣту. Словно и не живая она вовсе. Онѣмѣло сердце, ровно и не колотится совсѣмъ.

И вдругъ слышитъ мужнинъ голосъ, выведшій ее изъ оцѣпенѣнія:

— Не хочу накладывать руки на себя... Убей меня самъ, государь... Отъ Божьяго помазанника не жутко смерть принять. Все-жъ не самоубійство то будетъ!

— Молчи!—отвѣчаетъ Иванъ грозно,—ой, молчи, помалкивай лучше, княже! Не стану о васъ, измѣнниковъ, мои руки державныя марать... Палачу отдамъ, коли добромъ не примешь-отъ чаши...

Видитъ княгиня, что сдѣлалъ знакъ кому то государь... Минута, и схватятъ и уведутъ на убоище, може, его, князя желаннаго... Отпрянула Евдокія отъ двери, словно тигрица межъ мужемъ и царемъ стала. Обвила его шею руками, похолодѣвшими отъ смертельнаго ужаса...

— Княже, княже, свѣтикъ мой! Соколъ мой ясный! Умремъ вмѣстѣ... Отвѣдаемъ лютаго зелья... Хуже статься будетъ, коли разъединятъ насъ. Лучше по волѣ умереть, нежели отъ нечистой руки палача-смерда!

А у самой очи безъ слезинки къ небу подъяты и дивная въ нихъ святая вѣра видна. Такія очи у святыхъ Христовыхъ мученицъ на иконахъ только бываютъ.

Глянулъ на супругу князь... На дѣтишекъ взглянулъ... Плачутъ они оба, трясутся, ручонки протягиваютъ къ отцу и матери. „Тятя! тятя!“ громко кричитъ старшенькій, а у младшаго словъ нѣту, словно зашелся съ перепугу ребенокъ.

— Господи, и такихъ-то! И въ немъ еще стучитъ сердце человѣчье! — прошепталъ князь. И въ тоскѣ смертельной обвелъ глазами опричниковъ. Стоятъ плотной стѣной тѣлохранители царскіе... Звѣрскія, злобныя лица одно говорятъ: „Что тутъ еще канителиться по-пустому... Прихлопнуть бы разомъ“. И ничего людского, ничего-то милосерднаго нѣтъ въ этихъ дикихъ, ожесточенныхъ взорахъ. Вотъ и Ловчиковъ Ѳедя, его гость нежданный, коего онъ нѣсколько сутокъ тому назадъ у себя въ Нижнемъ-Новгородѣ потчевалъ... А рядомъ съ нимъ рослый, красивый опричникъ стоитъ, блѣдный, не хуже самого князя, взволнованный... Что-то знакомое мелькаетъ въ лицѣ юноши Владиміру Старицкому. Правда, много годовъ прошло, юное лицо бородой покрылось курчавой, загрубѣло да возмужало, а все-жъ узналъ князь въ опричникѣ Истому Качалова и грустно, грустно головой ему кивнулъ. Послушался бы его, ночного гонца, Владиміръ, какъ знать, може и удалось-бы уйти имъ всѣмъ отъ кончины мученической.

Задумался было князь... А приспѣшникъ царскій, лѣкарь, ужь снова чашу протягиваетъ и на ломаномъ русскомъ языкѣ едва понятно говоритъ:

— Удостой откушать, Владиміръ Андреевичъ. Знатное питье, самъ вѣдаешь!

Вздрогнулъ бояринъ... Обнялъ жену, сыновей къ себѣ прижалъ, истово перекрестился и поднесъ было смертную чашу къ губамъ, какъ вдругъ мысль, ровно ножъ острый, мозгъ его пронизала: „Оставлю Дуню послѣ себя охальникамъ, кто поручится, что не насмѣются надъ ней злодѣи... Нѣтъ, ужь видно мало лютой муки моей... Еще мученья родимыхъ увидать придется“.

И взглянулъ на жену молодую. Та безъ словъ поняла супруга и господина своего. Дрожащими руками приняла чашу, дѣтямъ отпить изъ нея приказала, послѣ нихъ до половины питья осушила, потомъ снова мужу отдала.

А сама очей съ царя не сводитъ, странно горящихъ, да побѣлѣвшими губами проклятія шепчетъ.

Владиміръ Андреевичъ тоже взоръ на брата поднялъ... Глянулъ съ невыразимымъ укоромъ и духомъ осушилъ чашу, словно-бы и не яда, а меда отхлебнулъ сычеваго...

И долго этотъ взоръ и во снѣ и въявь царю Ивану грезился.

ГЛАВА V.

Въ когтяхъ злодѣя.

Унылая, трепетная отъ страха и смятенія вернулась въ старостину избу Любаша. Тоскливымъ предчувствіемъ чего-то недобраго ныло сердце дѣвушки.

„Куды повели князя съ княгиней и дѣтьми? Что ихъ ожидаетъ у царя? Помилованіе или худшая опала мучителя“?—думалось на смерть перепуганной боярышнѣ.

И все то такъ хорошо да радостно до сей поры было!.. И царь жаловалъ и прежнюю разруху, казалось, забылъ, а тутъ опять, о Господи!

И вѣрно, должно, говорятъ, что горе-злосчастье нежданно, негаданно приходитъ! А всего хуже то, что она объ участи родимыхъ ей не вѣдаетъ. Что за напасть такая на нихъ ровно съ неба свалилась!.. Одно только знаетъ Любаша: что-бы тамъ ни было, а не покинетъ она семьи своихъ благодѣтелей, куда они—туда и она: въ келью,—такъ въ келью съ княгинюшкой родной, въ тюрьму,—такъ въ тюрьму... Вовѣкъ не разстанется съ ними. Не забыть ей, сироткѣ одинокой, добраго участія да ласки княжей семьи.

Такъ размышляла Любаша и не замѣтила, что на дворѣ и вовсе посвѣтлѣло, бѣлый день насталъ... Боярыня-мама, да Дарья и Аннушка, да прочая женская свита княгинина вся въ чистой клѣти [1]) понабилась... Ни живы, ни мертвы сидятъ. Говорятъ шопотомъ, словно покойникъ въ избѣ стоитъ.

— Господи!—шепчетъ то одна, то другая изъ женщинъ,—

---

[1]) Жилое помѣщеніе избы.

хошь бы узнать скорѣй, што съ ними со свѣтиками тамъ чинятъ?

И судьба словно подслушала ихъ желаніе... Нежданно, негаданно конскій топотъ на дворѣ раздался и цѣлая ватага опричниковъ спѣшилась и вошла на рундукъ крыльца.

Словно стая птицъ шарахнулась вся толпа женщинъ—кто куда: одна въ черную клѣть кинулась и за укладкой дубовой тамъ схоронилась, другая, обезумѣвъ, въ поставецъ [1]) лѣзетъ. Кто подъ лавку, кто въ сѣнникъ кинулся, кто въ мойню [2]) черезъ заднее крыльцо, что тутъ же на дворѣ построена... А Любаша опрометью бросилась вверхъ по шаткимъ ступенькамъ, во второй ярусъ жилья, въ самую заднюю повалушку проникла и забилась тамъ въ темномъ углу, межъ лежанкой и кадкой съ пивомъ, поставленнымъ для броженія.

Вмигъ вся изба наполнилась опричниками и... пошла потѣха... Ровно псы голодные, шныряли они по клѣтямъ и гриднямъ и въ сѣнникъ заглядывали, и въ сарай, въ хлѣвъ и мойню и отовсюду съ хохотомъ и свистомъ и шутками непристойными выволакивали на-смерть перепуганныхъ дѣвушекъ. Шумъ, вопль невыразимый стоялъ въ избѣ старосты...

А Любаша, ни жива, ни мертва, за своей кадушкой притаилась... До нея доносились и крикъ, и хохотъ кромѣшниковъ, и мольбы о пощадѣ, съ рыданіями смѣшанныя, ея подружекъ несчастныхъ...

Мало-по-малу въ избѣ тише стало... Глуше и слабѣе доносились до ушей Любы вопли и крики и смѣхъ охальный. Должно, захвативъ съ собою своихъ жертвъ, кромѣшники покинули избу...

„Слава Те, Господи! Не доискались“,—подумала Любаша и, набожно перекрестившись, вылѣзла съ оглядкой изъ своего убѣжища.

Но въ ту же минуту заскрипѣли шаткія ступеньки лѣсенки, ведущей въ клѣть, подъ чьими то тяжелыми шагами и не успѣла обезумѣвшая съ перепугу боярышня метнуться назадъ за кадушку, какъ передъ ней словно изъ-подъ земли выросла рослая, знакомая ей уже фигура опричника съ рябоватымъ лицомъ и мышиными глазками, которые теперь съ

---

1) Шкапчикъ для посуды.
2) Баня.

злораднымъ торжествомъ такъ и впились въ помертвѣвшее лицо дѣвушки.

— Такъ оно и есть! — крикнулъ Ѳеодоръ Ловчиковъ, — такъ оно и есть! Тутотка пташка Божія, не успѣла улетѣть изъ клѣточки... Инъ твое горе, боярышня! Въ моихъ ты рукахъ нонѣ... И то почитай сколько времени искалъ я тебя на дворѣ, да въ подклѣтяхъ, а ты, накося, тутъ какъ тутъ! Пеняй на себя, што плохо схоронилась, што не ушла отъ зоркаго глаза добра молодца... Да што! не токмо въ повалушѣ нашелъ-бы тебя, а и со дна моря выудилъ, словно-бы рыбицу рѣдкостную... Ужь больно досадила ты мнѣ въ ту пору, красавица, какъ чашу подносила въ Нижнемъ намедни.

И говоря это, опричникъ глазъ разгорѣвшихся съ Любы не сводитъ. Индо прожигаетъ ее ими всю насквозь... Злобой лютой взоръ его такъ и пылаетъ. Молчитъ Любаша, уста сомкнула... Блѣдная, словно алебастръ-камень или мраморъ, стоитъ... Очи со страхомъ подняла на опричника, ручки трепетныя къ груди прижала... И такъ то, испуганная, дрожащая, словно птичка подстрѣленная, она еще краше кажетъ...

— Што-жъ затихла, боярышня? — вопрошаетъ снова съ усмѣшкой злобной Ѳеодоръ. — Аль не до смѣха теперь? Разучилась смѣяться штоль, въ повалушкѣ сидя? А памятую я, больно ты смѣшлива была о ту пору, когда меня чаркой меда сыченаго жаловала. Смѣшлива да и горда!.. Ой, какъ и горда-то, боярышня... Отъ поцѣлуйнаго обряда увильнула тогда... Въ глаза мнѣ насмѣялась... Ну, теперь не отвертишься по крайности, не обезсудь! Кабы не отъ царя указъ всѣхъ васъ живьемъ тащить въ ставку да пальцемъ не тронуть единымъ,—зналъ бы я, какъ отплатить за посмѣшище, коему ты меня предала тогда!.. Да не моя ты покамѣстъ плѣнница—государева!.. А мнѣ и та сладость, што никто иной, а самъ самолично отыскалъ я тебя, боярышня, и на царскую расправу поволоку! Идемъ што-ли отвѣтъ держать предъ очми самого государя-батюшки!..

И грубо схвативъ за руку полуживую отъ страха дѣвушку, вытащилъ ее изъ повалуши въ избу, а оттуда на рундукъ крыльца. Потомъ вскинулъ на коня въ сѣдло... Самъ позади за нею примостился и погналъ, что было духу, коня по улицѣ къ царской ставкѣ.

У избы государевой спѣшился и Любашу на земь поста-

вилъ. Видитъ Люба—кругъ нихъ другіе опричники стоятъ, каждый по княжиной челядинкѣ при себѣ держитъ. А у мамы-боярыни руки назадъ скручены, по лицу кровь течетъ, видать не сразу далась врагамъ старуха. Тутъ-же и Даша и Аннушка и другія дѣвушки, на смерть перепуганныя, словно не живыя, стоятъ.

Глядитъ на нихъ всѣхъ Любаша и словно во снѣ все это видитъ, а не въявь... Господи! Вчера еще хохотали онѣ да пѣли, тѣшили въ пути княгинюшку свѣтлую съ княжичами, а сегодня... Налетѣли, словно хищные вороны, проклятые кромѣшники, благодѣтелей ихъ схватили, невѣдомо куда увели, а теперь и ихъ приволокли сюда, словно онѣ что негожее аль безчестное творили...

Думаетъ такъ-то Любаша, а сердце ея стучитъ, стучитъ въ груди неустанно, словно вырваться хочетъ...

Вдругъ окрикъ раздался:

— Въ избу ступайте! Царь зоветъ!

Робко двинулись перепуганныя женщины, на крыльцо поднялись, за порогъ шагнули.

Видятъ—царь сидитъ, тѣснымъ кольцомъ окруженный тѣлохранителей своихъ... Но не грозенъ теперь ликъ Ивана, милостивъ государь. Улыбка на устахъ играетъ.

— Подойдите ближе!—говоритъ,—ничего не бойтесь!

Приблизились еще немного женщины, а сами дрожмя-дрожатъ... Каждая про себя молитву читаетъ.

Оглянулъ ихъ всѣхъ милостивымъ окомъ Иванъ, потомъ заговорилъ снова:

— Да будетъ вѣдомо вамъ, что исполнили мы судъ нашъ надъ лютыми злодѣями-врагами нашими Владиміромъ и Евдокіей Старицкими и отродьемъ ихъ. Но на васъ опалы не держимъ, поелику присуще холопамъ господамъ ихъ вѣрными быти... А вы вѣрно служили доселѣ князю вашему и супругѣ его и за то даруемъ мы вамъ нашей царской милостью прощеніе и жизнь. Служите намъ, государю вашему, вѣрой и правдой, какъ доселѣ служили Старицкимъ князьямъ, а ихъ, вороговъ моихъ, анаѳемѣ предайте и благодарите Господа, што избавилъ Онъ Русь и меня — царя московскаго—отъ козней измѣнниковъ.

Сказалъ и едва уловимый знакъ подалъ синклиту своему.

Разступились опричники и страшное зрѣлище предстало

очамъ напуганныхъ женщинъ. На полу, на голыхъ доскахъ избы, лежали трупы отравленныхъ князя, княгини и княжатъ-младенцевъ... Страшныя судороги въ предсмертную минуту исказили лица мертвецовъ... Черныя пятна на нихъ выступили... Очи не сомкнуты, какъ у покойниковъ, а широко отверзты и страшно изъ орбитъ вылѣзли. А два княжича-младенчика у груди княгини лежатъ. Мертвая рука покойницы не могла, видно, разомкнуться въ послѣднемъ оцѣпенѣніи, такъ и онѣмѣла, судорожно прижимая къ себѣ сыновей.

Дикій крикъ ужаса при видѣ тѣлъ княжіихъ однимъ общимъ стономъ вырвался изъ грудей несчастныхъ женщинъ... Потомъ рыданья безумныя, глухія наполнили избу... Двое лишь изъ свиты княгининой ни единымъ звукомъ не обнаружили волненія... У одной силы не хватило ни простонать, ни крикнуть... Какъ увидала Любаша тѣла убитыхъ своихъ благодѣтелей, такъ только руками всплеснула и безъ чувствъ на земь грохнулась. Но за то мама-боярыня стойко выдержала адское зрѣлище. Вся блѣдная, какъ смерть, выступила впередъ Ольга Сидоровна и, приблизясь почти въ упоръ къ царю, твердо глядя ему въ очи, проговорила громко:

— Не хотимъ мы твоихъ милостей, душегубъ, братоубійца! Не хотимъ служить тебѣ, кровонивецъ, мучитель невинныхъ господъ нашихъ... Вѣрой и правдой служили мы имъ и вѣдаемъ, што не было за ними вины противъ царя и отечества. Убей, казни, мучь насъ, но не станемъ мы кланяться тебѣ, Ироду, анаѳ...

Не договорила своей рѣчи мама-боярыня.

Быстро взмахнулъ бердышемъ стоявшій съ нею рядомъ Малюта и въ мигъ единый отдѣлилась голова въ кикѣ отъ тѣла, и тѣло и голова съ грохотомъ къ ногамъ царя скатились.

И разомъ измѣнилось, перекосилось лицо царя: нѣтъ въ немъ милости прежней. Гнѣвомъ дышитъ оно безпредѣльнымъ... Очи горятъ и сверкаютъ бѣшенствомъ неодолимымъ... Минуту колебался царь, ровно борясь душой съ мыслями своими, потомъ со скамьи поднялся и махнулъ рукою...

Страшное было то по своему смыслу движеніе... Кинулась по нему со всѣхъ ногъ свита царская съ ножами и саблями наголо на беззащитныхъ женъ и дѣвушекъ и въ одну минуту брызнула кровь неповинная... Вопль и стенанія послышались, стоны и мольбы несчастныхъ.

Но не видѣлъ царь кроваваго зрѣлища... Въ мигъ этотъ онъ ужь съ высокаго рундука сходилъ и на коня садился. А черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи ближайшихъ опричниковъ, изъ села выѣхалъ, оставивъ въ немъ неизгладимый слѣдъ расправы кровавой.

ГЛАВА VI.

Судъ Соломоновъ.

А въ избѣ стономъ стонъ стоитъ...

Полуживыя, недорѣзанныя еще несчастныя холопки княжія молятъ о пощадѣ... Но не дрогнула рука ни у одного изъ мучителей. Каждый изъ нихъ твердо вѣруетъ, что по истинѣ и закону расправу чинитъ, уничтожая съ корнемъ родъ крамольниковъ.

Скоро ни одной женщины изъ княжей свиты въ живыхъ не осталось... Только обезпамятѣвшая Любаша попрежнему лежитъ распростертая межъ мертвыхъ тѣлъ своихъ подружекъ...

Еще минута—и надъ ней занесенъ тяжелый бердышъ опричника. Не чуетъ боярышня, что сейчасъ ей конецъ приходитъ...

Взмахнулось на воздухѣ желѣзо и надъ головой безчувственной вотъ-вотъ сейчасъ опустится...

— Стой!—послышался внезапно зычный окрикъ, и Истома Качаловъ выскочилъ на середину клѣти и схватилъ занесенную надъ дѣвушкой руку съ бердышемъ Ѳеодора Ловчикова.

Невыразимыя муки лютыя испытывалъ все время Истома съ той минуты, какъ узналъ, что готовится его бывшему господину и благодѣтелю. Не взирая на опасность быть пойманнымъ и уличеннымъ, пренебрегая собственной жизнью, бросился онъ намедни предувѣдомить князя Владиміра. Изъ слободы ускакалъ тишкомъ, присягѣ измѣнилъ, приказывавшей ни подъ какимъ видомъ не сноситься съ крамольниками. Извѣдалъ Истома, что ждетъ бѣда семью княжью, извѣдалъ да

не все до конца. Коли все бы онъ зналъ, насильно бы вспять повернулъ пошевни княжьи и заставилъ-бы Владиміра изъ слободы бѣжать.

И лишь увидя предсмертныя муки своихъ благодѣтелей, почувствовалъ впервые Истома, что тотъ, кого любилъ онъ доселѣ беззавѣтно, передъ кѣмъ преклонялся до земли, за кого жизнь свою готовъ быть сложить—царь всесильный, могучій—не кто иной, какъ безсердечный тиранъ, братоубійца, жестокій и лютый злодѣй. До сихъ поръ вѣрилъ Истома, что за дѣло караетъ царь своихъ обидчиковъ-крамольниковъ... Нонѣ же, увидя мученическую кончину Владиміра съ супругой и его малютокъ и челяди женской, впервые понялъ молодой опричникъ, что правъ былъ бѣжавшій изъ слободы Максимъ, увѣряя друга въ неповинности многихъ замученныхъ и убитыхъ по волѣ государевой... А тутъ еще новый ужасъ... Передъ нимъ лежитъ сомлѣвшая красавица... Призналъ онъ сразу ее—эту дѣвушку—Истома. Какъ вошла она въ горницу царевой ставки, сразу призналъ, хошь и дивно измѣнилась за эти шесть лѣтъ Любаша. Изъ четырнадцатилѣтняго подростка-дѣвочки въ чудную, пышную красавицу обратилась... Несмотря на смертельный ужасъ, ее обуявшій, на блѣдность лица помертвѣлаго, все-жъ дивно хороша она! И прежняя любовь, съ ужасомъ-страхомъ за участь красавицы смѣшанная, всколыхнула и разомъ наводнила потокомъ кипучимъ всю душу Истомы. Чуть не въ голосъ крикнулъ онъ, когда сомлѣвшая красавица на полъ грохнулась. Да, слава Те, Господи, удержался. А то бы быть бѣдѣ неминучей! За то теперь, какъ увидалъ бердышъ, Ѳедькой Ловчиковымъ занесенный надъ русой головкой красавицы, не выдержалъ Истома, подскочилъ къ опричнику, ловкимъ движеніемъ оружіе изъ рукъ выбилъ...

— Стой! Не трожь ее!—крикнулъ и склонился надъ безчувственой Любашей.

— А ты это откелева сеганулъ? — насмѣшливо крикнулъ тотъ,—моя добыча, самъ ее приволокъ... Что хочу, то съ ней и дѣлаю... Слыхалъ самъ, што государю-батюшкѣ онѣ, охальницы, вѣщали!..

— Вѣщали, да не всѣ!—отвѣчалъ, весь дрожа отъ гнѣва, Качаловъ,—эта и устъ не разомкнула, самъ я видѣлъ. Какъ князей своихъ узрѣла, такъ и упала сомлѣвши.

— Все едино, изъ одного гнѣзда съ тѣми же! Государева

ослушница, туда ей и дорога!..—усмѣхаясь, произнесъ Ѳеодоръ и снова выбитый бердышъ поднялъ.

Отчаяніе овладѣло душой Истомы. Весь блѣдный, дрожащій, кинулся онъ къ князю Вяземскому, оставленному за старшого въ избѣ царемъ.

— Княже! — вскрикнулъ, — смилуйся! Не вели убивать боярышню. Вѣдома она мнѣ съ дѣтскихъ лѣтъ! Не крамольница она, не причинна къ винѣ Старицкихъ! Тѣмъ только и причинна развѣ, што княжеская она воспитанница! Крестъ на томъ хошь сейчасъ поцѣлую тебѣ!

Выслушалъ князь Аѳанасій Ивановичъ сбивчивую рѣчь Истомы, глянулъ на лежащую.

— Фу ты, красотка какая! Лежитъ ровно покойница, а оттого не хуже, кажись! Индо и порѣшать трудно такую-то. Рука, поди, замретъ!

А Ѳедька-злодѣй точно и не видитъ того... Бердышъ наготовѣ держитъ...

— Што-жъ ты хочешь, Истомушка?—обратился князь къ своему любимцу сподручному,—на потѣху штоль себѣ ее взять?

Вздрогнулъ Истома... Выпрямился... Краску полымемъ въ лицо кинуло.

На потѣху ее, Любашу? Боярышню Незнамову? Аль очумѣлъ оружничій царскій, что такія рѣчи на языкъ взбрели!

И хочетъ это гнѣвно крикнуть оскорбленный Истома начальнику своему, забывшись отъ злобы и обиды безсильной... Да вдругъ мысль, ровно зарница свѣтлая, мозгъ его просвѣтила.

А што, и впрямь такъ сказать? Вѣдь ежели онъ пощады проситъ боярышнѣ опальной, къ смерти приговоренной, такъ поди только хуже и себя и ее погубитъ. „Вотъ де, скажутъ, за кромольныхъ печалуется, ни дать, ни взять второй Филиппъ“. А коли на потѣху — такъ тутъ вѣдь и вовсе иной сказъ будетъ. Для дѣвушки позоръ много хуже смерти... На этомъ и сыграть, очи отвести опричникамъ и царю. А для боярышни обиды не будетъ, потому не узнаетъ она про то.

— Дай на потѣху, коли милость твоя будетъ, княже!—вспыхнувъ, словно дѣвка красная, произнесъ Истома.

— Инъ ладно!—задумавшись на минуту, произнесъ Вяземскій,—только вы, гляди,—окликнулъ онъ оставшихся въ избѣ опричниковъ, — до царя чтобъ ни-ни! Не было приказу

царскаго оставлять въ живыхъ штобы. Только ужь у меня сподручный мой хорошъ больно! Не могу не уважить просьбы его. Слышь, Истома! Бери свой гостинецъ и вали въ слободу, какъ вечерѣть зачнетъ, — съ милостивой усмѣшкой заключилъ князь Аѳанасій, а самъ на опричниковъ поглядываетъ — будутъ-ли молчать, надежны-ль они?

Пять или шесть ихъ человѣкъ осталось, окромя Истомы да Ѳедьки, его ближнихъ чиновъ. Вѣрный все народъ, испытанный. Изъ его дружины ратники... Въ огонь и въ воду за него полѣзутъ, а не выдадутъ. И довольный тѣмъ, что могъ исполнить желаніе своего любимца, князь къ сѣнямъ направился вонъ изъ избы, какъ передъ нимъ неожиданно выступилъ молчавшій доселѣ Ловчиковъ и загородилъ путь князю.

— Што-то ты, княже-начальникъ, неправильно разсудилъ, не во гнѣвъ буде тебѣ сказано, — заговорилъ Ѳеодоръ. — Чѣмъ Истома Никитичъ передо мной выслужился, что ты ему добычу мою отдаешь? Я отыскалъ боярышню и сюда доставилъ, мнѣ и володѣть ею!

— А ты ее бердышемъ окрестить хотѣлъ, како тако володѣнье это, не смекну никакъ?! — усмѣхнулся Аѳанасій Ивановичъ, насмѣшливо сощурясь чернымъ окомъ на другого своего любимца, Ѳедора.

— Отъ усердствія, княже! — криво улыбнулся послѣдній, — я-бъ тоже ударить не помыслилъ, если-бы зналъ допрежъ, што помилованіе ей отъ тебя выйдетъ. А сейчасъ тебѣ челомъ бью: не отымай отъ меня боярышню и Истомкѣ не отдавай, потому я нашелъ ее и моей она по праву быть должна.

Дрогнулъ Истома отъ этой рѣчи Ѳеодора... Гнѣвомъ закипѣло сердце юноши... Такъ-бы и кинулся на Ѳедьку и смялъ-бы его...

А князь то на одного, то на другого глянетъ, усъ крутитъ шелковый, а самъ усмѣхается чуть-чуть насмѣшливо, словно дразнясь. Оба ему одинаково дороги, какъ вѣрные помощники въ дѣлѣ опричномъ. Обоихъ онъ и награждалъ по елико возможно одинаково. Ѳедю — того даже съ самаго дѣтства у себя пріютилъ, съ головы до ногъ облагодѣтельствовалъ... Истому позднѣе узналъ, да лежитъ у него сердце больше къ Качалову. Што ни говори, а Ѳедя и на поживу зарится, и жаденъ много, да и лютъ зѣло, а Истома благо-

роденъ да гордъ, ровно и не менѣе его самого, князя. Не пойдетъ онъ грабить да и рубить зря для поживы, какъ иные прочіе, не пойдетъ. И тутъ онъ опять-же въ семъ дѣлѣ Ѳедьки судитъ правильнѣе: полюбилась ему боярышня и може не на потѣху даже, а по чувству молодецкому хочетъ ее себѣ присвоить. Да зазорно при опричникахъ сознаться въ малодушествѣ. А Ѳеодору, тому-бы натѣшиться всласть да и прикончить боярышню.

Усмѣхнулся еще разъ князь, глянулъ на обоихъ, потомъ спросилъ неожиданно:

— Про судъ Соломона вѣдаете?

— Не вѣдаемъ!—въ разъ отвѣтствовали оба опричника.

— То-то... Царь такой былъ въ древности. Дюже мудрый и смѣтливый. Двѣ матери на одномъ дите судиться къ ему пришли. Одна говоритъ: „Мое дите, она свое приспала и у меня похитила“. А другая свое твердитъ: „Мое, государь, чадо. Зря она на меня показываетъ! Сама у меня его украла... Поряди насъ, царь, по мудрости твоей“!

Остановился на минуту князь.

— А какой рядъ установилъ царь, смекаете? — спрашиваетъ.

— Куды ужь! Гдѣ смекнуть! — отвѣчаетъ Ловчиковъ, а глазами такъ и впился въ оружничьяго царскаго.

— Такъ порядилъ Соломонъ. Велѣлъ сѣкиру принесть и дите на пополамъ разсѣчь. И штобы не обидно было матерямъ,—каждой изъ нихъ по половинѣ разрѣзанное дите дать.

— Ужли-жъ усѣкли младенца?

— Нѣтъ, младенчикъ живехонекъ остался. Потому, родная изъ матерей, то заслыша, отказалась отъ доли своей въ пользу другой матери... лишь-бы дите живымъ оставить... Того-то и надо было царю. Узрѣлъ онъ, кто истинная мать была дитятина, ей и отдалъ ребенка, а другую изъ дворца своего изгналъ съ великимъ посрамленіемъ. Ну, а вы вѣдаете къ чему рѣчь клоню? — засмѣявшись на недоумѣлыя лица Истомы и Ловчикова, спросилъ, помолчавъ съ минуту, князь и, не дождавшись ихъ отвѣта, молвилъ снова:

— И мнѣ, аки Соломону царю, эту дѣвицу тому-же обречь слѣдовало-бы да и поглядѣть, кому она дороже будетъ, кто откажется отъ доли своей... Да таперя вижу по рожамъ вашимъ, — тутъ вновь засмѣялся Вяземскій, — обои

откажетесь послѣ притчи моей. Такъ я и безъ того порѣшилъ какъ быть Ты, Ѳедь, не обезсудь, — обратился онъ къ Ловчикову,—на рядѣ моемъ: не больно-жъ нужна тебѣ боярышня, коли хотѣлъ ее прикончить, а Истомушка вступился за нее да допрежъ того съ молоденчества зналъ, баитъ, дѣвушку, а посему и володѣть ею ему выходитъ. Такъ-ли я говорю?— метнулъ онъ взоромъ въ сторону остальныхъ опричниковъ.

— Такъ, такъ, вѣрно!—подхватили тѣ.

Просіялъ Истома. Благодарностью блеснули очи въ княжію сторону... Ѳеодоръ-же Ловчиковъ такимъ взоромъ князя окинулъ, што кабы увидѣлъ тотъ взоръ Вяземскій, прогналъ-бы не медля ни минуты отъ себя своего перваго сподручнаго. Но Аѳанасій Ивановичъ не глядѣлъ на Ѳедьку...

— Гайда! По домамъ, молодцы!—крикнулъ онъ дружинѣ своей.—И такъ проканителились... Вечерѣть зачнетъ скоро! Трупы крамольниковъ старостѣ сдайте пока, до царева указа, и на конь!

Черезъ пять минутъ опустѣла горница, гдѣ свершилъ свой новый кровавый пиръ царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Съ неизмѣннымъ своимъ крикомъ „гайда“ мчались изъ села, во главѣ съ княземъ Вяземскимъ, запоздавшіе опричники. Позади всѣхъ скакалъ и Истома, бережно придерживая драгоцѣнную ношу, положенную поперекъ сѣдла—все еще не пришедшую въ себя Любашу Незнамову.

ГЛАВА VII.

Встрѣча.

Долго находилась въ своемъ забытьѣ Любаша... Безчувственную примчалъ ее въ слободу Истома и провезъ, пользуясь быстро наступившими зимними сумерками, въ хоромины князя оружничьяго. Снявъ съ коня сомлѣвшую дѣвушку, отнесъ ее въ свою горницу, находящуюся тутъ-же въ домѣ начальника. Тамъ онъ положилъ ее на лавку подъ божницей, дрожащими руками отстегнулъ воротъ картеля [1]), и зачерпнувъ ковшомъ воды изъ рукомойника, смочилъ ею виски и чело Любаши.

„Эка жалость, што къ Бомелію нельзя за зельемъ сбѣгать. Онъ бы ее духомъ оживилъ. Да снаушничаетъ какъ разъ царю, песій сынъ... Того и гляди и князя подведетъ подъ опалу, да и мнѣ не сдобровать! Лучше ужъ самому какъ-нибудь попытаться оживить боярышню“.—И пуще сталъ смачивать студеной влагой Истома помертвѣлый ликъ Любаши.

И мало-по-малу стала приходить въ себя боярышня... Тихій, слабый вздохъ сначала изъ груди дѣвичьей вырвался. Потомъ дрогнули долгія рѣсницы шелковыя, и открыла свои большія синія очи Любаша. Открыла и обвела ими горницу.

— Гдѣ я?—спрашиваетъ.

И вдругъ увидала передъ собой Истому. Чѣмъ-то полузабытымъ, давно минувшимъ пахнуло на дѣвушку при видѣ молодого, статнаго опричника... Быстро пронеслась въ ея мысляхъ картина давняя: садъ Старицкій тѣнистый да развѣ-

---

[1]) Зимній лѣтникъ.

систый, слозно лѣсъ... Скамейка дерновая и красавецъ юноша съ рѣчами сладкими... И слышится Любѣ знакомый голосъ давній, почти полузабытый ею:

— А какъ вырастешь, боярышня, сватовъ засылать, што-ль?

И она ему тогда согласіемъ отвѣтила. Да еще, мнится, и не запамятовать про то просила... А и сама запамятовала. Да и онъ поди то-жъ!.. Въ юности ранней, почитай въ отрочествѣ то было! Мудрено-ль и запамятовать? И теперь послѣ шести лѣтъ не можетъ она не признать въ этомъ мужественномъ, красивомъ ратникѣ, съ курчавой бородкой темной да усами молодецкими, юношу нѣжнаго, любящаго, коему она свои первыя полудѣтскія, полудѣвичьи любовныя рѣчи шептала.

— Признала, боярышня?—тихо спрашиваетъ онъ ее, этотъ сильно возмужавшій красавецъ.

— Признала!—отвѣчаетъ,—какъ только я попала сюды? И гдѣ-жъ наши всѣ... князь?.. дѣти?.. княгинюшка?

И вдругъ разомъ вспомнила то, что долгимъ безпамятьемъ изъ головы у нея вышибло было...

Вспомнила и задрожала съ головы до ногъ боярышня. Смертельная блѣдность разлилась по лицу прекрасному и зарыдала, на лавку повалившись, какъ тростинка сломанная... тяжелыми, горючими, безутѣшными слезами заплакала...

— За что, Господи! За что покаралъ?—лепечетъ сквозь стенанія,—за что, за что?!..

Стоитъ надъ ней Истома, сердце отъ жалости на части рвется, а чѣмъ пособить—не знаетъ... И вся-то прежняя любовь его къ Любѣ сердце полымемъ захватила... Но не такая любовь, не страсть юношеская, въ которой онъ Любашѣ-подростку у тына зеленаго признавался, а новая, свѣтлая да нѣжная... Молчатъ въ немъ желанія буйныя... Взялъ-бы онъ, кажись, на руки, какъ дите малое, рыдающую дѣвушку и качалъ-бы ее и баюкалъ и ласковыми рѣчами утишилъ, залѣчилъ-бы раскрытую рану красавицы. По головкѣ-бы гладилъ ее, болѣзную, ровно сестру безталанную... Прижалъ-бы къ сердцу безъ всякой похоти плотской... Ужь больно жалка да несчастна казалась ему убитая своимъ горемъ лютымъ красавица.

— Любовь Митріевна! — тихо, робко шепнулъ Истома,—

не кручинься, не тоскуй, болѣзная! Все-жъ горю не пособишь слезами! Не воскресить князя съ семействомъ по твоей кручинѣ безутѣшной. О себѣ раскинь мысли, боярышня.. Вѣдь твое дѣло молодое. Вся жизнь впереди... Надо о себѣ позаботиться, какъ отъ царева ока да его ближнихъ укрыться...

— Ахъ,—прошептала сквозь рыданія Любаша,—не все-ль мнѣ едино нонѣ какую смерть принять... И пошто меня не убили съ княземъ моимъ, съ княгинюшкой желанненькой, съ дѣтками!.. Все-жъ лучше-бы мнѣ было въ сырой землѣ лежать, чѣмъ пережить ихъ кончину мученическую... Да о себѣ пещись поминутно: вотъ, вотъ накроютъ сейчасъ и къ царю сволокутъ...

— Не накроютъ, Богъ милостивъ, боярышня,—произнесъ ласково Истома,—у себя тебя схороню поладнѣй до времени, а тамъ—какъ повелишь, такъ и сдѣлаю.

— Въ обитель-бы мнѣ!—шепчетъ тоскливо, заломивъ руки надъ головою, Любаша.—Опостылѣлъ мнѣ свѣтъ Божій, какъ не стало князей моихъ... Постригъ-бы, схиму принять... Въ обитель Воскресенскую-бы, къ княгинѣ Евдокіи. Знаетъ она меня и больно жалуетъ. Отвези ты меня къ ней въ Горецкую обитель, голубчикъ, заставь за себя Бога молить...

Вздрогнулъ Истома. Тревожно сердце стукнуло.

„Къ инокинѣ Евдокіи Старицкой! Да коли инокиню ту еще до гибели сына ея приказалъ царь смерти предать и—кто знаетъ—може уже порѣшили съ новой жертвой усердные исполнители воли царской?!“

Въ одинъ мигъ промелькнуло то въ мысляхъ Истомы, да сказать Любашѣ не рѣшается. Послѣднюю надежду жаль ему вырвать изъ сердца боярышни.

А у самого новая дума въ головѣ назрѣваетъ.

— Вотъ што, Любовь Митріевна, — внезапно тряхнувъ кудрями, говоритъ онъ: — ты, поколѣ што, у меня живи въ горницѣ, а я у князя клѣтушку для жилья себѣ поспрошаю... Не гораздъ много мнѣ надоть... Только въ своемъ видѣ тебѣ здѣсь жить нельзя. Придумалъ я штуку... Мать родная—и та, кабы жива была, тебя не узнаетъ... И живи ты здѣсь, хоронись отъ глазу людского... Покаюсь я князю моему... Любитъ меня Аѳонасій Ивановичъ, словно сына родного жалѣетъ, даромъ, что лютъ къ врагамъ и пощады отъ него они не имѣютъ... Ну, вотъ такъ-то, день за днемъ и будешь пока

што у меня въ горенкѣ коротать времячко, а какъ сумерки настанутъ, такъ въ саду княжемъ можно будетъ на прохладцѣ воздухомъ дохнуть... Только пуще всего, боярышня, хоронись ты отъ глазу опричнаго. А о твоемъ пребываніи здѣсь никто и знать, окромя меня, да князя, да Ловчикова Ѳедьки, не будетъ. А онъ намъ не страшенъ, потому супротивъ князя не посмѣетъ идти... Благодѣтель ему Аѳонасій Ивановичъ: обулъ, одѣлъ и призрѣлъ въ младости ранней. Такъ-то живи до поры до времени, а тамъ...

— Въ обитель-бы мнѣ! — снова робко шепнула Любаша.

— И обитель не уйдетъ... Дай срокъ... Пусть уляжется пока што гнѣвъ царя на князей нонѣ покойныхъ, а тамъ, кто знаетъ, може и смилуется государь и тебя еще милостію своей одѣлитъ...

— Не надо мнѣ милости душегубца!—съ гнѣвомъ и ненавистью произнесла Любаша.—Не надо! Знаю я его милость царскую: невинныхъ по одному послуху ложному мучительной казни предавать! Лучше въ омутъ головой, нежели изъ его кровавой длани милость пріять!..

И опять слезами залилась горючими...

Но иное въ это время Истома мыслилъ.

„Перемелется мука будетъ! — мнилось ему. Може найдетъ милостивое просвѣтленіе на царя. И тогда, хорошую минуту улуча, бить ему челомъ на прощеніе ничѣмъ не повинной боярышни Незнамовой. Аль княжну Евфимію Володиміровну упросить у царя за Любашу рѣчь держать. Баютъ люди, больно жалостливъ царь къ княжнѣ. Може ее послухаетъ. А тутъ-бы къ тому-жъ и ему-бы отличиться чѣмъ да просить царя благословенія на бракъ съ воспитанницей покойныхъ Старицкихъ. Тогда и обитель ея по боку!.. Будутъ они жить да поживать съ Любашей, своихъ благодѣтелей убіенныхъ поминать, за нихъ Богу молиться. И никто-то не посмѣетъ отнять тогда у него его Любу, дивную раскрасавицу, лапушку“.

Глянулъ съ любовію на дѣвушку Истома.

И впрямь красавица... Сидитъ пригорюнившись боярышня. Слезы на рѣсницахъ дрожатъ... Алыя уста скорбно сложились, очи синія тоскою полны... Коса русая до пола свѣсилась... И мигомъ страшная картина убійства княжіева словно туманомъ закрылась отъ очей Истомы... Одна Люба передъ нимъ. Одну ее видитъ... И въ сердцѣ кручина прежняя, тоска да

жалость новымъ чѣмъ-то смѣнилась... Ужь не утѣшать, не баюкать, какъ ребенка малаго, хочетъ онъ дѣвушку, а прижать къ груди молодецкой, уста алыя и щечки блѣдныя градомъ поцѣлуевъ покрыть. Косой душистой ея обвить себѣ шею горячую... и въ очи глубокія, тоскою затуманенныя, пламеннымъ взоромъ любовнымъ до дна погрузиться... И молвить бы ей: „Утѣшься, краля моя, лапушка синеокая! Што было— не вернешь того... Не воскресить людямъ мертвецовъ-покойниковъ тоской да кручиной. Нѣту ихъ, любимыхъ твоихъ... за то меня ты встрѣтила, порада моя, и люблю я тебя, до смерти люблю... Молви слово одно—и на все пойду безъ слова единаго...“

Но не смѣетъ всего того вымолвить молодой опричникъ. Не до рѣчей его любовныхъ теперь измученной тоскою Любашѣ. И вмѣсто рѣчи страстной, ласковой, говоритъ Истома Никитичъ иное боярышнѣ:

— Есть у меня, Любовь Митріевна, кой-што въ укладкѣ лишнее. Разберись на досугѣ да прикинь, гдѣ можно иглой соорудуй, по себѣ примости. Въ одежѣ бабьей опаска беретъ тебя оставлять... Ты, не въ обиду прими, парнишкой-бы окрутилась... Ей-ей! Такъ много буде горазднѣе... Да вотъ еще. Коса-то у тебя больно пышна буде, боярышня. Сразу въ очи бросается... Ты-бы ее... тоже похерила-бъ... Аль може не дѣло надумалъ? Молви, Любовь Митріевна! Не обиды ради говорю тебѣ...

Глянула Любаша въ самыя очи Истомы... Глянула и усмѣхнулась горько таково...

— Коса, говоришь? Косы мнѣ вишь жалко?!.. Да Господь съ тобой, Истома Никитичъ... По князьямъ моимъ ненагляднымъ тоска смертная меня беретъ... А это што?!—И она почти съ ненавистью отбросила съ плеча тяжелую русую косу, волной золотистой раскинувшуюся вдоль спины,—эту подъ клобукъ все едино спрячутъ, срѣжутъ при постригѣ, какъ въ Божію обитель пойду.

ГЛАВА VIII.

Зазноба былая.

Никто изъ слободскихъ не вѣдалъ отколь появился пригожій отрокъ въ хороминахъ князя Вяземскаго. И то сказать, не выходилъ отрокъ ни въ церковь, ни на улицу слободскую, ни на потѣху зрѣть медвѣжью аль кулачную. Иной разъ прохаживался онъ вдоль забора въ саду княжьемъ, да и то рѣдко когда, все по вечеру болѣ. На разспросы опричниковъ отвѣчали домашніе князя и вѣрная челядь его, что недужный парнишка-странничекъ къ нимъ по пути на богомолье забрелъ, да и оставилъ его князь по милости своей у себя въ палатахъ. Ужь больно жалокъ парнишка. Языкомъ не владѣетъ и глухъ къ тому-же... Не долго онъ и пробудетъ здѣся, въ обитель, сказываютъ, Аѳанасій Ивановичъ отдать его ладитъ.

Такъ и отстали людишки по малости съ вопросами да пересудами своими, благодаря подробнымъ поясненіямъ княжей челяди. Скрѣпя сердце говорилъ эти рѣчи и Ѳеодоръ Ловчиковъ. Подъ дудочку князя и Истомы ему приходилось невольно плясать до времени.

„До времени лишь!“—обнадеживалъ онъ самъ себя и волкъ волкомъ ходилъ съ той поры, какъ красавица боярышня подъ видомъ мальца нѣмого въ Истоминой горницѣ поселилась. Не могъ забыть Ѳеодоръ, какъ зѣло оскорбила его дѣвушка въ Нижнемъ-Новгородѣ... Не могъ забыть онъ, што благодаря заступѣ Истомы да непрошенному и неправильному ряду князя избѣгла она мести справедливой. И лютой ненавистью наполнялось при одномъ воспоминаніи этомъ сердце опричника.

— Погодите, дружки милые,—скрежеща зубами, не разъ говаривалъ онъ про себя,—я васъ подведу такъ ловко, што вы и не ахнете! Не даромъ Ловчиковымъ меня зовутъ...

А тутъ еще много безсильнаго гнѣва да ненависти сама Люба подбавляла нехотя. Часто она въ своемъ новомъ нарядѣ, безъ косы своей дѣвичьей, но все-жъ не менѣе отъ того пригожая, навстрѣчу злобствующему врагу попадалась... И въ сѣняхъ, и въ переходахъ, и въ горницѣ княжей, куда ее частенько князь-хозяинъ съ Истомой звалъ штобъ подумать да поразмыслить надъ судьбой ея нелегкой... И всякій разъ, какъ встрѣчалась Любаша съ опричникомъ, со страхомъ и отвращеніемъ на него взглядывала. Повѣдалъ ей Истома, какъ ненавистникъ Ѳеодоръ прикончить ее хотѣлъ. И съ невольнымъ страхомъ обѣгала злодѣя при встрѣчахъ боярышня.

Ни единымъ словомъ не перекидывались они, но и безъ словъ понимала Любаша, што звѣрь-звѣремъ на нее оскалился врагъ ея случайный. И не даромъ боялась. Ѳеодоръ Ловчиковъ лишь минуты дожидался удобной, штобы ему подъ отвѣтъ подвести благодѣтеля-князя съ его друзьями... Трудное дѣло то было. Не могъ Ѳедька сразу противу князя въ открытку идти. Ужь больно много тотъ добра ему сдѣлалъ, да и не повѣрятъ ему, Ѳеодору, безъ уликъ никто... А уликъ-то больно немного пока... Да и боярышню опальную всегда укрыть успѣетъ Истома... Такъ надо повременить малость да оборудовать получше иное што!

Такъ размышлялъ злодѣй не единожды, а межъ тѣмъ дни бѣжали за днями, и Любаша мирно жила да поживала себѣ въ хоромінахъ княжихъ. Не весело было дѣвушкѣ: и тоска-то ее угнетала по убіенной семьѣ княжей, да и будущее не веселымъ рисовалось... Што ее ждало въ немъ—монастырь? келья? клобукъ иноческій?! Въ ея годы, при красотѣ ея писаной не больно-то тянуло въ келью затворническую, да къ тому-же прежняя острая мука по благодѣтелямъ убіеннымъ спокойной, печальной грустью смѣнилась теперь... Не вѣкъ рѣкой слезной разливаться на роду дѣвичьемъ написано... Молится она почасту и помногу за упокой душъ князя родимаго, княгинюшки младой, княжатъ-младенчиковъ, а ужь прежней острой боли по нимъ, сердешнымъ, сердце не чувствуетъ. Въ грусть глубокую, тихую, покорную она перешла... А тутъ еще весна подоспѣла красная... Снѣгъ стаялъ на улицахъ слободскихъ... По заметамъ ручьи мутные побѣжали... Кой-гдѣ и подснѣжникъ показался, головкой лукавой закивалъ... И вечера стали свѣтлѣе весенніе... Ужь не такъ-то безопасно

Любашѣ коротать ихъ, какъ бывало зимой, на вольномъ воздухѣ, въ саду княжьсмъ! За то инако проводитъ ихъ боярышня: Истома къ ней въ свѣтличку въ сумеркахъ заходитъ и длинныя бесѣды промежъ нихъ идутъ... Видитъ Любаша, што крѣпко любитъ ее юноша, словно шесть лѣтъ разлуки какъ и не бывало. Да и она словно-бы другая въ его присутствіи дѣлается... То забьется, то замретъ въ ней сердце отъ взора его молодецкаго, то румянцемъ ланиты зальетъ нежданнымъ. Чуетъ Любаша—не спроста это. Не даромъ и келья монастырская не тянетъ ее больше къ себѣ... Какъ подумаетъ о ней боярышня, такъ на душу ея словно кто студеной струей пахнетъ. Могила вѣдь это!.. И мнится молодой дѣвушкѣ: што въ склепъ, што въ обитель—все едино... И какъ она безъ него и безъ рѣчей его сладкихъ жизнь свою тамъ коротать будетъ?..

Какъ-то разъ зашелъ къ ней Истома радостный, свѣтлый такой... Очи такъ и сіяютъ.

— Ну, боярышня, — говоритъ,—наше дѣло выгорѣло... Довелось мнѣ царевну да княжну молодшую повидать въ саду... Онѣ еще недоросточки и отъ мужскихъ взоровъ не кроются. Просилъ я ихъ сестрицѣ старшенькой Евфиміи Володиміровнѣ сказать, што парнишка тутъ есть глухонѣмой, у насъ въ хороминахъ княжьихъ... По монастырямъ ходилъ на богомолье и разные образочки да четочки у него имѣются... Такъ може не потрафитъ-ли онъ княжнѣ ими, може она себѣ што выбрать мирволитъ, а посему не будетъ-ли наказъ парнишку предъ ея княжіи очи свѣтлыя представить... Смекаешь? Только бы въ теремъ пробраться, а тамъ все свое горе выскажешь и челомъ ей ударишь на ходатайствѣ за тебя передъ царемъ. Ни единой просьбы Евфиміи, кажись, мимо ушей царя не проходило... Обѣщалась мнѣ царевна съ сестричкой Маѳоой Володиміровной княжнѣ слово замолвить... А и самимъ охота на парнишку-паломнична взглянуть. Велятъ ужо въ теремъ навѣдаться къ княжнѣ пройти... Вотъ увидишь, помилуетъ тебя царь по просьбѣ Евфиміи, Любовь Митріевна, и не надо будетъ ужь хорониться, да таиться здѣсь... А опосля того...

Тутъ замялся Истома... Глядитъ прямо въ очи боярышнѣ, устъ разомкнуть не смѣетъ... Жуть беретъ молодца. Ни передъ кѣмъ не трепеталъ еще донынѣ, а передъ красной дѣвушкой трепещетъ, даже злость беретъ. А ну, какъ не

угоденъ онъ ей, а ну, какъ за эти шесть годовъ разлуки иная къ ея сердцу зазноба привилась?..

— Слушай, боярышня, што я тебя поспрошаю, — тряхнувъ кудрями, началъ онъ наконецъ несмѣло. — Ты въ обитель по старому норовишь, што-ль?

Вспыхнула до корней волосъ Любаша. Словно вѣдунъ-кудесникъ, мысли ея онъ угадалъ. Далека она нынѣ отъ кельи иноческой. И запылало алымъ румянцемъ лицо Любы... Словно зорькой утренней все подернулось.

А Истомѣ Никитичу тотъ румянецъ дѣвичій больше всякихъ словъ вѣщалъ.

— Любовь Митріевна!—шепнулъ онъ дрожащимъ голосомъ,—помнишь ты, што шесть лѣтъ ты мнѣ посулила въ саду Старицкомъ?

Пуще того зардѣлась Любаша.

Какъ не помнить дѣвушкѣ про первый расцвѣтъ любви!.. А тѣмъ болѣ теперь, когда эта, словно подъ тепломъ прикрытая искра любовная вновь полымемъ жаркимъ въ груди запылала...

— А коли помнишь,—продолжаетъ Истома смѣлѣе, ободренный ея смущеніемъ,—такъ повѣдай: пришло время. Не запамятовалъ и я, какъ ты мнѣ наказывала... Пойду послѣ княжкиныхъ ходатайствъ къ самому царю. Челомъ ему ударю: такъ молъ и такъ, дозволь въ окрутку.

— А коли не позволитъ?—шепнула чуть слышно дѣвушка, потупивъ въ землю очи свои синія.

— А коль не позволитъ, такъ убѣгомъ уйдемъ, какъ Максимка Скурата-Бѣльскій... Ищи вѣтра въ полѣ... Эхъ, да што тутъ толковать, боярышня желанная, было-бъ твое дозволенье, а свѣтъ великъ... Только ты-то скажи, ненаглядная, еще разъ, какъ тамъ далече, въ Старицкомъ, сказала однажды—любъ я тебѣ аль не любъ нонѣ?

Тихо стало въ горенкѣ... Лучи предвечерніе солнечные въ оконце рвутся, косыми струйчатыми линіями золотятъ ризы въ божницѣ, а заодно съ ними и коротко подрѣзанные кудри русые, съ отливомъ червоннымъ, на головкѣ красавицы-Любы.

А уста дѣвичьи сладкія рѣчи Истомѣ шепчутъ:

— Любъ ты мнѣ, желанный, ласковый, женишокъ мой богоданный, крѣпко любъ, сердешный соколикъ мой, мое солнышко красное...

ГЛАВА IX.

У качелей.

Чудный весенній вечеръ выдался... Конецъ апрѣля стоитъ, а ровно на дворѣ іюнь красный... Тепло да свѣтло, даромъ, что десятый часъ на исходѣ. Отъ фіалокъ да ландышей, что въ рощѣ за озеромъ Дичковскимъ цвѣтутъ, такой духъ идетъ, словно изъ сада райскаго... А въ саду Скуратовскомъ снова пѣсни звонкія, радостныя да голоса дѣвичьи слышатся. И то пора! Всю зиму ровно въ склепѣ соборномъ — тишь въ хоромінахъ мертвечья стояла. Всѣ на цыпочкахъ ходили, словно покойникъ былъ въ дому.

Убѣжалъ еще до Крещенья Максимка, словно въ воду канулъ, пропалъ. И погоня не нагнала юношу... Правда, и не очень-то старалась погоня... Съ полпути ее вернулъ Малюта, какъ услышалъ изъ устъ государя приказъ собственноручно порѣшить сына. Шибко тогда задарилъ Скурата-Бѣльскій опричниковъ, снаряженныхъ на поиски за Максимкой, штобы въ случаѣ спроситъ царь ладно-ль искали, одинъ отвѣтъ держать: все окрестъ изрыскали, а найтить не нашли.

— Пущай лучше у ляховъ хоронится паскудникъ,—рѣшилъ тогда-же Григорій Лукьянычъ, — да смерти лютой не приметъ отъ руки отцовой.

А тутъ вскорости извѣстіе пришло съ каликами перехожими, кои по дорогамъ проселочнымъ да городамъ русскимъ съ мошной побираются, што видали они отъ лавры неподалеку трупъ юноши въ одежѣ опричной съ горломъ перерѣзаннымъ... По всѣмъ описаніямъ нищихъ, Максимка то былъ.

Видно по всему. Послалъ Малюта въ лавру. И впрямь мнихи подтвердили, што схоронили они зарѣзаннаго должно станичниками опричника за монастырской оградой. Малюта самъ не свой воротился. Велѣлъ втихомолку отъ царя панихиды служить въ ближней Никольской Дирюзинской обители. Зѣло кручинился по сынѣ Григорій Лукьянычъ... А все-жъ пущай лучше мертвымъ онъ, нежли измѣнникомъ царю, ливонскимъ перебѣжчикомъ будетъ. На томъ и успокоился. За то послѣ того еще лютѣе, еще немилостивѣе сталъ ожесточенный Бѣльскій. И вымещалъ выше мѣры раннюю гибель сына на ни въ чемъ неповинныхъ опальныхъ боярахъ.

Немудрено, что тихо, словно въ могилѣ, всю зиму было въ просторныхъ хоромінахъ Малютовскихъ.

За то сейчасъ въ саду за высокимъ тыномъ веселье да дѣвичій смѣхъ серебряный слышится... Намолчались за зиму затворницы свѣтличныя и любо имъ, словно птичкамъ, крылышки на весенней прохладѣ расправить.

Тутъ и Чоботовская боярышня, и Сукина, и сѣнныя дѣвушки Матреша да Софьюшка востроглазая, и обѣ сестрички Скуратовы, рыжая, нескладная Катеринушка да Марьюшка черноглазая, подъ качелями садовыми сошлись. Утлая доска скрипитъ, покачиваясь. Четыре дѣвушки на нее насѣли. Выше замета дворцоваго качели перекидываются, того и гляди за перекладину угодятъ... А дѣвушкамъ и любо!.. Знай себѣ поддаютъ. Только двѣ сестры-хозяйки не принимаютъ участія въ веселѣ дѣвичьемъ. Поручили скуратовскія боярышни сѣннымъ дѣвушкамъ гостьюшекъ качать, а сами на лавочкѣ усѣлись, недалече отъ калитки, гдѣ годъ тому назадъ, аль поменѣе того оттолкнулъ Истома Никитичъ открывшую ему сердце Марьюшку. Послѣ того и радость была у Марьи Григорьевны немалая. Помнитъ она, какъ у Максима въ горницѣ очами нѣжными да рѣчью ласковой обнадежилъ ее соколъ желанный. Долго она послѣ рѣчей тѣхъ ровно очумѣлая ходила... Ни шить, ни низать не вмоготу. Бродитъ только по свѣтлицѣ и улыбается сама себѣ ровно въ грезѣ сладкой, да ждетъ: вотъ-вотъ сватовъ нашлетъ Истома желанный... Отецъ ее благословитъ... а тамъ и веселье подоспѣетъ.

Но время шло да шло, а о сватовствѣ и помину не было. Кабы живъ былъ Максимъ злосчастный, то нѣтъ-нѣтъ и удалось бы ей черезъ него Истомѣ словечкомъ закинуться. А

съ побѣга и гибели братневой, понятное дѣло, не зачѣмъ Истомѣ къ нимъ заходить. Може когда и надумываетъ, да што тутъ дѣлать будешь?! А може и не хочетъ онъ того вовсе, може и думать о ней забылъ. Налгала ей вѣдунья проклятая съ корнемъ своимъ приворотнымъ. И то много набрехала ей о ту пору лишняго. Легко-ли сказать, чего не напророчила: „Будешь царицею московскою". Жива Марія Темгрюковна, а царевичъ младъ еще и о томъ, штобъ невѣстъ набирать для него не слышно про то, да и не слѣпая она, Марья. Знаетъ, чай, што съ лица она не вышла. Не то надо для царской невѣсты... А што набрехала ей зелейница, такъ потому лишь, штобъ она батюшкѣ на нее не донесла. И судьбу ей кривдой растолковала, да и не тотъ корешокъ приворотный, должно, дала. Для отвода глазъ... Аль старый какой, использованный, што на часъ лишь единый и могъ тамъ въ горницѣ Максимовой приворожить молодца.

Вотъ о чемъ въ этотъ теплый вечеръ апрѣльскій благовонный Марьѣ Григорьевнѣ думается...

А тутъ рядомъ съ ней и Катя сестра размечталась. Глазки мышиныя масляныя на небо уперла, ни дать, ни взять—Малюта-батюшка. Ужь такъ-то на родителя схожа рыжая Катеринушка, што и сказать нельзя.

„Ишь разсѣлась! — съ безпричинной злобой косится на сестру Марьюшка, — экая счастливица! Никакой-то кручины на сердцѣ не носитъ... Пить бы ей, да ѣсть, да спать сладко на перинахъ лебяжьихъ.

— Катя, а, Катя, — почти съ ненавистью прозвучалъ подъ самымъ ухомъ сестры голосъ Марьи Григорьевны. — Пособи хошь ты мнѣ! укажи што дѣлать! Жалости въ тебѣ нѣтъ къ сестрѣ родимой... Истомилась я, извелась до смерти... Развѣ не видишь?

Очнулась рыжая Катя. Изъ раздумья своего вышла.

— Ну, што еще приспичило? — спросила сестру грубымъ, почти мужскимъ голосомъ, тоже до странности похожимъ на голосъ отца.

— Пойми, Катя! Истомилась я, — съ тоскою заговорила Марьюшка, а сама на качели косится: не услыхали-бы ненарокомъ. Но тамъ свои рѣчи ведутся, смѣхомъ да шутками переполненныя. — Истомилась я! — съ тоскою подхватила дѣвушка. — И што дольше, то хуже... Ужь лучше бы не обна-

деживалъ онъ меня... Ну, не угодна, такъ не угодна: на нѣтъ и суда нѣтъ. Такъ вотъ надо-жъ ему было рѣчами сердце распалить, жаломъ змѣинымъ ужалить, окаянному!.. Да еще во время такое, когда жизнь, кажись, готова отдать ему!

— А ты не отдавай зря-то,—усмѣхнулась Катерина,—небось, другой не получишь... А молодцы, знамо дѣло, на лихо дѣвокъ осмѣиваютъ. Имъ што терять?.. А сушить занятно... Негодникн они! аспиды! Иродово отродье, одно имъ названіе.

— Ай, не такъ, Катя! — вступилась Марьюшка.—Кабы вѣдала ты Истому Никитича, другое бы запѣла... Ужь ласковъ онъ да обходчивъ гораздъ.

— То-то обходчивъ! Инъ глянько-сь, какъ обошелъ тебя, словно чаровникъ заправскій.

— И то зачаровалъ онъ меня, Катя... И въ толкъ не возьму. Сватовъ, думала, засылать будетъ... Ждала, ждала... Ранѣ думала послѣ Крещенія, а тамъ на Святой мнила... Нѣтъ и помину о томъ. И штой-то съ нимъ приключилось... Ума не приложу... Ужь не зазноба-ли сердешная какая завелась?

— Очень просто,—равнодушнымъ голосомъ отвѣтила Катеринушка.

— А коли такъ! А коли такъ! Погоди-жъ ты у меня. Дознаюсь о негодницѣ и такую-то ей поднесу тюрю, што долго ее не расхлебаетъ!—вся дрожа отъ гнѣва, забывъ про находившихся поблизости гостей, вскричала Марьюшка, — такъ оговорю разлучницу, што ей и показаться-то на свѣтъ Божій зазорно будетъ. Такъ што-ли, Катя?—обратилась къ сестрѣ, ища ея поддержки...

А у Катеринушки глаза и ротъ открыты и взоръ испуганный на тынъ садовый направленъ. Взглянула на заборъ и Марьюшка, да такъ и замерла отъ испуга и неожиданности. Верхомъ на калиткѣ, межъ двухъ ершей вострыхъ, мужчина сидитъ въ опричной одежѣ, въ шапкѣ съ околомъ собольимъ. По всему видать—изъ охраны царской... Сидитъ, а самъ очей съ Марьи Григорьевны не сводитъ.

Опомнилась Катеринушка... завизжала, рукавомъ закрылась да къ дому,..

За ней и остальныя съ качелей повскакали, въ разныя стороны кинулись со смѣхомъ да визгомъ. А Марья Григорьевна словно застыла въ ожиданіи. Кто знаетъ, може отъ Истомы

желаннаго вѣстовщикъ нагрянулъ, да и страшнаго ничего нѣтъ въ мужчинѣ невѣдомомъ. А тотъ межъ тѣмъ шапку снялъ, поклонился дѣвушкѣ:

— Не погнѣвись,—говоритъ,—што напугалъ ненарокомъ тебя съ подружками... Дѣльце у меня къ тебѣ есть.

— Дѣльце? Да како-жъ такое?—А у самой сердце въ груди до боли колотится. „Отъ Истомы то дѣльце, ни отъ кого другого!“—такъ и отстукиваетъ.

— Не погнѣвись, боярышня,—продолжаетъ межъ тѣмъ незнакомецъ, — шелъ я за тыномъ, рѣчь твою услыхалъ ненарокомъ кручинную... Конешно, въ ину пору пору межъ ушей пропустилъ бы... да тутъ дѣло выходитъ такое, што... Да што тамъ круговую нести... Чего добраго и тебя хватятся, да и меня коли кто здѣсь узритъ, тоже не вѣсть што подумаетъ... Такъ ужь къ дѣлу прямехонько рѣчь подержу. Слыхалъ я безъ подслуха рѣчь твою о Истомѣ Никитичѣ... И во мнѣ индо кровью сердце облилось. Обманулъ тебя этотъ Истома самый. Для отводки очей людскихъ не побрезгалъ безстыжій въ любви тебѣ открываться да посулами обнадеживать... А у самого, безбожника, обидчика дѣвичьяго, давно ужь зазноба припасена... Еще въ Старицкомъ любились они съ негодникомъ твоимъ. Изъ бояръ ближнихъ Владиміра-князя крамольника боярышня та. Незнамовой зовутъ, Любовью Митріевной. Какъ приказалъ царь-батюшка порѣшить съ дворней княжей, онъ, Истома то-есть, и выудилъ кралечку... И теперь она, съ помощью князя Аѳанасія Ивановича, у насъ въ хоромахъ схоронена подъ видомъ парнишки нѣмого, страннаго [1]) паломничка. И милуется, и цѣлуется она съ женишкомъ своимъ, Истомой-свѣтъ-Никитичемъ.

Высказалъ все это однимъ духомъ опричникъ разомъ поблѣднѣвшей Марьѣ Григорьевнѣ, а самъ такъ и впился очами пронырливыми въ осунувшійся ликъ дѣвушки.

Долго не можетъ придти въ себя Марьюшка, ровно варомъ ее обдало отъ вѣсти той... Слова сказать, дохнуть не въ силахъ... Равно клубъ какой къ груди подкатился до самаго горла... Губы судорогой перекосило... А очи такъ и горятъ и искрятся отъ гнѣва и ненависти...

---

[1]) Странникъ.

— Правда-ль то? — вопрошаетъ и вся отъ дрожи такъ ходуномъ и ходитъ.

— Правда-истина, боярышня! Какъ Богъ святъ... Разрази меня громъ небесный въ Ильинъ день, коли каплю неправды молвилъ. Да вотъ тебѣ, коли лгу... Кинь словечко батюшкѣ твоему, што за парнишка диковинный въ хороминахъ Вяземскаго поселился. Днемъ духу его не слыхать, а какъ ночь спустѣетъ, онъ на прохладцѣ ночной въ садочкѣ разгуливаетъ. Не порченый-ли какой, што отъ людей хоронится. Ужь будь покойна, того довольно будетъ, штобъ батюшка твой до истины дознался... А за симъ прощенья просимъ, боярышня, не обезсудь на рѣчи правдивой... Мы людишки малые, болѣ на ратномъ полѣ аль на суду-самосудѣ надъ крамольниками говорить горазды бердышомъ аль ножомъ вострымъ, а на свѣтлыхъ очахъ дѣвичьихъ дюже не рѣчисты порой бываемъ.

И съ этими рѣчами снова поклонился дѣвушкѣ и ногу занесъ, готовясь спрыгнуть на земь по ту сторону тына, какъ Марьюшка, внезапно опомнившись отъ волненія, удержала его:

— Постой, величать тебя какъ не вѣдаю, погоди малость... Еще два слова скажи: хороша-ль што-ль та боярышня... то бишь парнишка-калѣка, што у васъ живетъ?

И черными очами такъ и впилась въ новаго незнакомца.

— Ой, хороша! Такъ-то хороша, што и сказать не могу...—съ жаромъ отвѣтилъ тотъ.—Рѣчей не хватитъ описать тебѣ ее, боярышня. Видала-ль ты когда незабудицу лѣсную въ самомъ цвѣту? Тожъ и очи у ней, у невѣсты Истомкиной, таковы-жъ будутъ. Словно небо синее... А волосы, даромъ што урѣзаны въ кружокъ по нашему, а все-жъ словно золотые они и обильными кудрями вьются вкругъ чела... Сама не величка штобъ очень, а ужь складу, такъ што поищи такой другой—не сыщешь!

Зналъ чѣмъ растравить сердце дѣвичье вѣстовщикъ лукавый. Не пожалѣлъ красокъ, штобъ описать попригляднѣе Маріи Григорьевнѣ ея соперницу. Пуще того отъ рѣчей этихъ зашлось оскорбленное сердце дѣвичье...

— Пригожа, говоришь?—скорѣе угадалъ, чѣмъ услыхалъ ея рѣчь доносчикъ. — Ну, то и лучше! А ужь пусть будетъ спокойна красавица, а не долго ей съ полюбовничкомъ ласковымъ да пригожимъ миловаться... Вѣрно слово говорю.

А тебѣ спасибо великое. Передамъ о службѣ твоей батюшкѣ. Онъ и государю о тебѣ словечко забросить. Скажи только какъ зовутъ тебя... величаютъ?..

— Ѳеодоромъ Ловчиковымъ звать меня, боярышня. Не обезсудь за рѣчи,—послышалось въ отвѣтъ.

Кивнула Марья Григорьевна головой опричнику да поспѣшно за кустами скрылась, унося съ собой лютую ненависть къ нежданной разлучницѣ... А Ловчиковъ съ забора спрыгнулъ и какъ ни въ чемъ ни бывало зашагалъ по улицѣ слободской. А сердце его такъ и прыгало, такъ и стучало отъ радости.

„Ну, голубчики, ударилъ вашъ часъ, отомщенъ Ѳедька! Будетъ вамъ всѣмъ на орѣхи знатно! Ой, да и боярышня Скуратова... Не дѣвка — опричникъ лихой!.. Ишь, вѣдь занялась гнѣвомъ какимъ!.. Не пропадешь съ такой-то! А и зацѣпилъ же ее лихо Истома Никитичъ. Ровно варевомъ ошпарилъ я ее рѣчью моей... А и славно же выходитъ дѣльцо, ровно по писанному... А главнѣй всего то, што самъ я въ сторонкѣ останусь... Ровно и впрямь, прости Господи, самъ нечистый впутался и Марью Григорьевну мнѣ на путь послалъ“.—И сатанинская улыбка зазмѣилась на устахъ злодѣя и очи пуще и пуще разгорались адскимъ торжествомъ...

ГЛАВА X.

Роковое открытіе.

Вечеръ... Въ темной свѣтличкѣ княжны Евфиміи всѣ оконца настежъ распахнуты... Яблони, покрытыя первымъ цвѣтомъ, да липы душистыя такъ и тянутся въ горенку своими вѣтвями ползучими, такъ и льютъ въ нее свой ароматъ медовый... И вливается вмѣстѣ съ нимъ въ оконце трель соловья, что въ сосѣдней къ слободкѣ рощицѣ поетъ, разливается... Дивно таково, для слуха сладко да пріятно! Княжна Евфимія за пяльцами сидитъ... Но не шьетъ она прилежно, какъ бывало встарь... Головку на ладонь уронила, подперлась такъ то, а слезинки, словно роса жемчужная, на глазахъ сверкаютъ.

Исхудала хуже прежняго княжна.

Узнала она о Максимовой гибели, и вѣсть та покоя ей не даетъ... Ужь сколько времени прошло съ той поры... мѣсяцевъ съ пятокъ, чай, будетъ, а словно вчерась только разстались они. Словно вечоръ она бѣжала по снѣгу скрипучему на повиданье съ милымъ. Не чаяла она тогда, что послѣднимъ повиданье то будетъ... Погибъ Максимушка, а она и плакать о немъ не смѣетъ... Она, невѣста крулевича Магнуса, дерзнетъ ли о юношѣ чужомъ, да еще опальномъ слезу уронить на трепетную грудь дѣвичью? Но коли днемъ не смѣетъ кручинѣ своей предаться княжна, за то не одна ночка темная свидѣтельницей печали Фиминой была. Да не только ночка, а и Марьюшка Скуратова, сестра одинородная милаго юноши погибшаго, видитъ тоску лютую княжны.

Не кроется отъ нея Фима... Приблизила она пуще къ себѣ сѣнную боярышню. Долгія рѣчи съ ней о братѣ ея покойномъ ведетъ... Вотъ и сейчасъ обѣ сидятъ въ свѣтелкѣ, ароматомъ весеннимъ дышутъ, и тихо бесѣда въ горницѣ льется дѣвичья.

— Не кручинься, княжна,—шепчетъ Марья.—Не все-жъ по покойникѣ плакать... И мнѣ его дюже жаль было... Вѣдь братъ единый онъ мнѣ... Да што подѣлаешь? По своей винѣ пропалъ парень... Ему-ль не жилось сладко! Нѣтъ, противу рожна поперъ, упокой, Господи, его душеньку!

А сама думаетъ про княжну тишкомъ: „Кабы вѣдала ты про новое свое горе, про смерть отцову, такъ поди про Максимку и думать-бы забыла“. Но крѣпко наказалъ царь, штобы ни единая вѣсточка не долетѣла до племянницъ-княжонъ о смерти князя Владиміра, и всячески оберегаютъ ихъ въ высокомъ теремѣ и царица, и боярыни, и дѣвицы приближенныя... Молчитъ о томъ и Марьюшка, помня наказъ государевъ... Только и есть у нея разговору съ княжной, што о братѣ погибшемъ да о крулевичѣ Магнусѣ—женихѣ далекомъ княжны.

— Вотъ пріѣдетъ крулевичъ,—говоритъ она и сейчасъ, желая разсѣять мысли княжны,—такъ всю тоску твою разгонитъ. Дюже, говорятъ, съ лика пригляденъ принцъ заморскій... Да и на парсунѣ таковымъ глядитъ. Хошь, выну парсуну изъ ларчика, княжна?

Но Фима только головкой качаетъ... Што ей парсуна принца и самъ онъ, чуждый, далекій!.. Взоръ на небо у нея поднятъ вечернее.

— Знаешь, Марьюшка,—говоритъ, а у самой лицо улыбкой такъ и свѣтится,—мнится мнѣ порой, што я Максима вижу!

Дрогнула Марья.

— Што ты! Чего не выдумаешь, княжна! Ввечеру поминать покойника! Того гляди—приснится!

— Приснится, говоришь, да я дюже рада буду тому... Вотъ мнѣ все сны неладные снятся о сю пору... То батюшка въ гробу... аль въ саванѣ... то мачиха... индо страшно станетъ порой...

— Къ долгой жизни то значитъ!—поясняетъ Марья Григорьевна, а сама взоръ скосила, штобъ не прочла въ немъ чего лишняго ненарокомъ княжна.

Но не до того Фимушкѣ... Снова взоръ свой кроткій на небо подняла, уста улыбаются, ровно и впрямь она видитъ што... Даже дрожь суевѣрная Марью Григорьевну проняла. Рада-радехонька дѣвушка, когда тяжелые шаги мамы-боярыни заслышались. Все не наединѣ съ привередницею княжной сидѣть...

Вошла боярыня Чоботова и, поклонившись Фимѣ, затянула своимъ пѣвучимъ говоромъ:

— Парнишка тамъ калѣка, глухо-нѣмой штоль, што у князя Вяземскаго живетъ. Царевна съ княжной сестрицей къ себѣ его зазвали, образки, да иконки, да четки всяческія въ коробкѣ у ево... Такъ позвать его штоль къ тебѣ? Може взглянуть мирволишь?

— Позови, мамушка, взгляну и я! — отвѣтила Фима, а сама изъ задумчивости не выходитъ и не видитъ, што подружка ея въ лицѣ измѣнилась отъ словъ боярыни. Улыбка скользнула злорадная по устамъ Марьи Григорьевны. Въ черныхъ глазахъ злыя искорки торжества забѣгали.

„Увидать-бы! Увидать скорѣй разлучницу постылую, — мыслитъ.—На ликъ ея взглянуть, такъ-ли хороша она, какъ опричникъ намедни выхваливалъ ее!“

Выплыла утицей изъ свѣтлички мама Чоботова и вскорости снова появилась, но не одна: за ней съ коробкомъ въ рукахъ парнишка вошелъ, на взглядъ году по пятнадцатому, въ одежѣ незатѣйной, простецкой, не то служки монастырскаго, ни то калѣки-паломничка.

Глянула Марья Григорьевна загорѣвшимся взоромъ на отрока и гнѣвомъ все лицо ея перекосило: и впрямь, хороша на диво боярышня Незнамова въ одежѣ этой мальченской... Даромъ, што и коса урѣзана, и ликомъ блѣдна, а и пригожа, ровно день майскій. И царицы самой, и Фимы княжны лучше гораздъ будетъ, а онѣ-ль у нихъ не первыми раскрасавицами признаны!.. Не прибавилъ ни чуточки Ловчиковъ, описывая дѣвушку. И очи—незабудки лѣсныя, и свѣтлые кудри съ отливомъ червоннымъ, и рѣсницы какъ ночь черныя, и станомъ складна, на одежу убогую не глядя. И такую-то дѣлуетъ, милуетъ Истома! И ласками беззавѣтными даритъ, и жаланненькой невѣстой нарекаетъ! „У, постылая! Разлучница-змѣя!—чуть не въ голосъ лепечетъ боярышня,—погоди у меня, покажу я тебѣ, какъ женишковъ чужихъ къ себѣ приволакивать! Дай

срокъ, узнаешь!—И не въ силахъ будучи вынести одного вида красавицы, молча на княжну вперившей взоръ, Марья Григорьевна шарахнулась въ сторону и кинулась вонъ изъ горницы.

— Штой-то съ боярышней нашей? — спросила Чоботова у Фимы,—ровно очумѣла, парнишки штоль испужалась лядащаго?—И снова выплыла изъ свѣтлички провѣдать, што приключилось съ сѣнной боярышней, а довѣдомившись—донести до слуха царицынаго, которая гораздъ на разныя сплетни теремныя охоча.

Княжна Фима съ чудеснымъ отрокомъ одна осталась. Склонилась княжна надъ коробомъ: иконки, ладонки, святыя четки въ рукахъ перебираетъ, разглядываетъ... Перстами на нихъ указываетъ, которыя отобрать себѣ мирволитъ. Молча все... Знаетъ Фима, што глухъ и нѣмъ парнишка отъ рожденія, все едино не услышитъ, не пойметъ ея.

Отобравъ товарцу, глянула княжна на красавчика-отрока взоромъ ласковымъ, ободрить его желая, убогаго... И вдругъ што-то знакомое въ лицѣ его и взглядѣ мелькнуло Фимушкѣ... Ровно не парнишка убогій передъ ней стоялъ, а дѣвица красная... Дѣвица и то. И знаетъ она, на кого похожа ликомъ даже! Аль почудилось? И еще разъ очи подняла княжна... Повнимательнѣй глянула да такъ и замерла пораженная... Передъ ней Любаша стоитъ, та Любаша Незнамова, которую она не разъ видывала въ хороминахъ отца московскихъ, куда изрѣдка во дни пріѣздовъ Старицкихъ отпускалъ ее дядя-государь.

Правда, много измѣнилась Любаша и отъ одежи парнишкиной, и отъ косы урѣзанной, ровно и впрямь малецъ завзятый. А все-жъ она это. Узнала ее княжна.

— Любаша!—шепчетъ обрадованно, — отколь тебя Богъ принесъ? Што за скоморошество такое?!.—И обнявъ переряженную дѣвушку, крѣпкимъ поцѣлуемъ къ ней прильнула...

— Не скоморошество, Евфимія Владиміровна, не по волѣ своей окрутилась я такъ,—тихо, грустно отвѣчаетъ Люба.—Нужда заставила, княжна! Въ опалѣ я безвинно, по приказу государеву, вмѣстѣ съ другими прочими убіенной быть должна, а живу, какъ видишь, благодаря добрымъ людямъ; лишь отъ царя хоронюсь и его приспѣшниковъ... Къ тебѣ не спроста пожаловала я, княжна лапушка, челомъ тебѣ бью: упроси

государя-дядю помиловать меня и опалы на жениха моего не держать - да на князя Вяземскаго, што осмѣлились меня отъ лютой казни уберечь...

— Все сдѣлаю, што могу, боярышня, хошь и не пойму, за што на тебя опалу государь-дядя наложилъ, — обнимая вновь Любашу и цѣлуя ее, продолжала княжна.—А ты мнѣ повѣдай скорѣеча, што наши? тятя родимый, братцы, матушка?.. Давно-ли видала ихъ?.. И вѣсточки не шлютъ чего-то... Инъ стосковались мы съ Марѳушей по нимъ!.. Скоро-ль, нѣтъ на Москву будутъ? Увѣдомили-ль ихъ о томъ, што просваталъ меня дядя-государь за принца заморскаго, Эзельскаго герцога Магнуса? Може не вѣдо...

Но тутъ оборвала свои рѣчи княжна... Видитъ—на Любашѣ лица нѣтъ... Помертвѣла вся, задрожала... Слезы горючія изъ очей синихъ капаютъ. А сама жалостнаго взора съ нея, Фимы, не сводитъ.

— Княжна... болѣзная... Аль не вѣдомо тебѣ?..

— Што не вѣдомо? — сорвалось чуть слышно съ устъ княжны, а сердце ея словно тискомъ сжало недоброе предчувствіе. Вся кровь отъ него отхлынула, и бѣлѣе бѣлой своей перевязи на челѣ стала красавица Фима.

— Не вѣдомо, што князь-батюшка со своей семьей и дворней женскою... — начала Любаша и не кончила, не въ силахъ будучи страшной вѣсти, грозной вымолвить.

А Евфимія ни жива, ни мертва стоитъ... Въ упоръ очами обезумѣвшими отъ ужаса ей въ очи вонзилась... Лицо поблѣднѣвшее къ ея лицу приблизила.

— Молви,—шепчетъ,—все вынесу! Не таи ничего... Не томи, коли крестъ святый есть на тебѣ!

— И то, княжна! Хуже таить! Отъ меня лучше узнай, чѣмъ отъ вороговъ твоихъ... Князь родимый... съ женой... съ дѣтьми...

— Въ полонъ штоль забраны?.. Ордами набѣжными, какъ въ Нижнемъ стояли?.. Аль хуже того... не мучь... повѣдай... Убиты татарами? — съ трудомъ лепечетъ несчастная, а сама едва на ногахъ держится.

— Отравлены! Царемъ, дядей твоимъ, отравлены,—чуть слышно проронила Любаша сквозь рыданье, разрывавшее ей грудь.

Дикій вопль пронесся по хоромамъ дворцовымъ. Словно

березка молодая, грозой застигнутая, зашаталась княжна и объ полъ грохнулась... На крикъ ея вбѣжала боярыня Чоботова... кинулась къ княжнѣ, подняла ее безчувственную, на лавку положила...

— Ахти, горе намъ! Штой-то приключилась за бѣда съ нею! И то словно недужная послѣднее время ходила. Не падучая-ль съ нею грѣхомъ... Съ глазу може! Ахти, какъ тутъ отвѣтъ держать! А еще мальчонка этого безъ вѣдома государя въ теремъ пустила... Будетъ мнѣ ужо! Може онъ ненарокомъ испугалъ княжну... Хошь ево-то сплавить, постылаго!

И тигрицей лютой накинулась дородная боярыня на Любашу. За плечи вытолкала ее за дверь въ сѣнцы, а оттоль на заднее крылечко дворцовое, а сама назадъ къ княжнѣ воротилась.

Горница разомъ уже наполнилась теремными обывателями. Царица, сестры царевна да княжна, боярыня постельная, да стольная, да свѣтличныя царицыны боярышни вмигъ окружили безчувственную княжну. Воротъ ей распахнули, водицей святой отъ цѣлителя Пантелеймона спрыснули... Долго возились надъ нею, но попрежнему лежитъ безъ чувствъ сомлѣвшая Фима.

— Царю бы дать знать. Може лѣкаря прислать мирволитъ!—догадался кто-то изъ окружающихъ княжну боярынь.

— И впрямь сходи!—приказала царица мамѣ Чоботовой,—доложи государю, што занедужила старшенькая княжна. Можетъ Бомелій зелья какого по цареву указу дастъ...

Съ низкимъ поклономъ поспѣшила боярыня изъ горницы. Недолгое время прошло, какъ быстрая вѣсть облетѣла покои царицыны:

— Самъ царь жалуетъ навѣстить недужную!

Тревогой дышало лицо Ивана, когда онъ, спѣшно переступивъ порогъ свѣтлицы, едва отвѣчая на низкіе поклоны боярынь, подошелъ къ распростертой на лавкѣ Фимѣ... Въ ту самую минуту, какъ наклонился Иванъ надъ племянницей, дрогнули рѣсницы княжны, слабый румянецъ окрасилъ блѣдный ликъ и, открывъ глаза, глянула Фима прямо передъ собой. Глянула и отпрянула съ новымъ крикомъ ужаса, страшнымъ и отчаяннымъ въ одно и то же время.

А широко раскрытыя очи княжны полнымъ страха взоромъ такъ и впились въ лицо государя.

— Штой-то ты, Фимушка, болѣзная?! Што глядишь такъ, ровно не признала, сердечная... Государь-дядя къ тебѣ пришелъ, навѣстить тебя...—насколько могъ ласково произнесъ Иванъ,—шибко што-ль неможется, королевна наша?

Но попрежнему глядятъ полныя невыразимаго ужаса очи княжны, а блѣдныя уста шепчутъ что-то чуть внятно...

Наклонился къ самому лицу государь, слушаетъ...

— Не дядя ты мнѣ... убійца... кровь на тебѣ ближнихъ моихъ... Мучитель... и меня запытай... не оставляй такъ-то... Въ келью замкни... все же лучше, — не видать тебя, чѣмъ тутъ во дворцѣ... съ тобою! Господи! Прикончи скорѣе! Силъ моихъ нѣтъ болѣ...—И страшное, отчаянное рыданіе потрясло стѣны свѣтлицы дѣвичьей. Заметалась, забилась головой о лавку Фиму, и стонъ за стономъ такъ и рвутся изъ измученной груди молодой.

Потемнѣло лицо царя... Оглядѣлъ всѣхъ... Не слыхалъ-ли еще кто рѣчей княжны безумныхъ... Нѣтъ, никто не слыхалъ. Онъ одинъ заслуженные упреки эти сорвалъ съ устъ несчастной...

И на томъ спасибо. Могла-бы во всеуслышаніе обличить его княжна!

И не гнѣвъ, не злоба, а жалость безконечная къ злосчастной сироткѣ впервые кольнула сердце царево.

— Блюсти ее пуще глазу! Слышите вы? — грозно крикнулъ онъ въ сторону боярыни,—и ты, Маша,—обратился онъ ласково къ государынѣ,—пригляди за ней малость... Вишь, сама не въ себѣ стала... А я Бомелія пришлю со снадобьемъ.

И озабоченный, хмурый вышелъ изъ терема.

ГЛАВА XI.

Кошка и мышка.

Весело и людно въ хороминахъ князя Вяземскаго...

Въ брусяной избѣ столы накрыты... За ними гости званые, важные сидятъ. Не родомъ важные, милостію царскою. Всѣ высшіе чины опричные здѣсь на-лицо. Даже Малюта, заядлый врагъ Аѳанасія Ивановича, на столованіе къ князю напросился. Не любитъ его князь, да нельзя обойти зовомъ любимца царскаго.

Сидятъ гости вокругъ столовъ... Послѣднія блюда снѣди обильной унесла челядь.

Теперь только настоящій пиръ зачался... Фряжскія вина рѣкой льются... Чаша круговая гостей обходитъ. Здравицу за царя-батюшку да за царицу недужную не разъ поднимали... Занемогла царица... Еще о веснѣ княжна занедужила, съ глазу, говорятъ, а нонѣ государыня которую седьмицу, баютъ, на одринѣ мается... Не легче ничуть отъ зелья Бомеліева, ни отъ врачебной подмоги Ричарда Лещея, любимаго лѣкаря крулевы англиканской Елисаветы, присланнаго царю... Видать што плохо царицѣ, и по лику пасмурному князя Михаила Темгрюковича. Одинъ онъ не веселъ на пиру сидитъ, и хошь пьетъ и романею, и венгерское, и мальвазію, а все-жъ хмѣля ни въ единомъ глазу нѣтъ. Видно заботы—хмѣль вышибаютъ. А и позаботиться есть о чемъ князю. Жива сестра царица, и ему ладно за ней, какъ у Христа за пазухой. Слушаетъ черезъ нее царь шурина своего, вѣритъ ему и щедро за службу усердную награждаетъ. Ужь много казны отъ казненныхъ крамольниковъ въ свои укладки перево-

локъ князь Черкасскій... Обогатился на счетъ правыхъ и виновныхъ Михайло Темгрюковичъ... Многимъ собственноручно головы отсѣкъ и изрубилъ саблей своей азіатской, отъ коихъ больше поживы чуялъ... „Неужто-жъ конецъ всему этому, какъ помретъ Марья?!“—думается Михайлѣ Темгрюковичу, и жуть охватываетъ князя, такая жуть, которую не побороть ему ни романеей, ни венгерскимъ хмѣльнымъ... Знаетъ онъ, што по смерти царицы наорудуютъ враги, которыхъ у него видимо-невидимо въ слободѣ завелось, подведутъ подъ опалу, чего добраго, а нѣтъ—и подъ худшее што... И не заступится сестра, не изъ гроба же ей выходить для того... „Нѣтъ, оборони, Аллахъ, отъ смерти Марью...“—мысленно молитъ Бога дикарь кабардскій... Продли ей вѣку до той поры, пока онъ, Михаилъ-Темгрюкъ, къ себѣ на родину съ неисчисленными сокровищами вернется... И мысленно поднимаетъ онъ заздравную чашу въ честь недужной сестры.

Но если печаленъ на пиру князь Михаилъ, то ликъ обычно мрачнаго Малюты за то такъ и свѣтится. Не одна радость у Скураты-Бѣльскаго, а цѣлыхъ три имѣется про запасъ.

Не далѣ какъ вчера примчался изъ Новгорода человѣкъ одинъ, Петра Волынецъ по прозванію. Кто онъ, челядинецъ-ли бѣглый, аль дворовый человѣкъ—не вѣдомо... Да и на што ему знать про то, когда дѣла больно ладныя онъ ему, Малютѣ, повѣрилъ. Правда, баютъ люди слободскіе, што вѣдомо имъ, какъ того Волынца на торгу новгородцы за татьбу кнутьями драли... и што рѣчамъ его вѣры не больно-то давать можно. Да коли рѣчи тѣ дюже ему, Малютѣ, на руку пришлись... Какое-жъ ему дѣло — брешетъ аль нѣтъ Волынецъ?..

И вотъ што онъ ему повѣрилъ съ глазу на глазъ въ горенкѣ его, Скуратовской: што будто Пименъ новгородскій со множествомъ знатныхъ новгородцевъ предаться литовскому крулю ладитъ и ввести вѣру литовскую въ Новгородѣ и отдѣльнымъ государствомъ его обосновать, штобъ отъ московскаго царя быть не въ зависимости... И што грамота о томъ доподлинно имѣется въ Софійскомъ соборѣ въ ризницѣ за образомъ Пречистой Богородицы.

Свѣта не взвидѣлъ на радостяхъ Малюта, услыхавъ тотъ доносъ Волынца... Давно онъ ужь подъ новгородцевъ подкапывается. Ужь больно обильны сокровищами монастыри

новгородскіе, а еще богатѣе тамъ знатные люди вельможные... Давно казна ихъ, вѣками накопленная, не даетъ покоя ему, Малютѣ. Не разъ онъ государю говаривалъ о ненадежествѣ великаго Новгорода... Да все какъ-то не очень вѣру давалъ тѣмъ его рѣчамъ государь. Уликъ може не было. За то нонѣ улика-то не малая—грамота въ ризницѣ плотно къ стѣнѣ прибита... И при одной мысли о томъ алчно загорѣлись глазы Малюты... Одно жаль... Къ царю подступиться нельзя нонѣ... Царица недужная въ мысляхъ у государя и, почитай, окромя нея ни о чемъ другомъ и думать не хочетъ государь!.. Задержка малая тутъ выйдетъ... Ну! ништо!.. Онъ все за это время съ Петрой доносчикомъ оборудуетъ поладнѣе, въ Новгородъ пошлетъ людишекъ надежныхъ, а може и самъ ненарокомъ махнетъ грамотку ту пошарить... А тамъ кати какъ по маслу съ уликой той навѣрняка.

Но не одно это приводитъ въ хорошее настроеніе Малюту. Есть кой-што и еще про запасецъ... Не далѣ какъ вчера разодолжилъ его Бориска Годуновъ. Сватовъ заслать подговаривался къ его Машкѣ черноглазой. Убилъ бобра на дѣвкѣ, неча сказать... Ну, да и то не прогадаетъ... Чай не за пригожество да видность приглянулась ему Машутка... Съ имъ, Малютой, Годуновъ породниться охочь... А ему то и любо, Григорію Лукьяновичу... Хошь одну дочку съ рукъ сбыть, да не кое-какъ къ тому-же, а чинъ-чиномъ, за ближняго стольника государева. Чай Машкѣ такой женихъ и во снѣ не снился. И собой красавецъ, и у государя въ чести. Дѣвка и то засидѣлась... Годъ, другой—и въ перестарки угодитъ! А тутъ нако-ся! Этоль не вывозитъ его судьба!.. И новгородцы въ кулакѣ у него съ ихъ казною несмѣтною... Да и зять-то каковъ наклевывается... И то сказать, Машкѣ въ награду... Умна дѣвка. Не далѣ какъ на прошлой седьмицѣ такое дѣльце выудила, што хошь бы и ему, разыскику первому государеву, невдомекъ.

Шепнула ему, што у врага его, Аѳоньки князя, крамольная боярышня изъ дворни Старицкихъ укрыта. Подъ видомъ парнишки глухого и нерѣчистаго... И откуда выудила, лядъ ее вѣдаетъ! А только ему, Малютѣ, лучше всякаго царскаго жалованія вѣсть та по сердцу пришлась. Ужь больно Аѳонька ненавистный ему поперекъ горла становится. И съ государемъ-то на ево счетъ не однажды прохаживается, все смѣшками да

пересмѣшками, и открыто издѣвки надъ имъ чинитъ будто ненарокомъ, а што хуже всего — такъ что родомъ своимъ княжьимъ передъ нимъ кичится... Давно измышляетъ онъ, Малюта, какъ бы ему, князю, подкузьмить... Да птица онъ полету высокаго и опять-таки все при государѣ безотлучно. Какъ тутъ поддѣнешь? Понятно, радость великая при Машкиномъ извѣстіи его, Малюту, охватила...

Вотъ гдѣ карачунъ князьку надменному, вотъ гдѣ обличитъ онъ ево въ измѣнѣ царю-благодѣтелю! То-ли не измѣна первая—враговъ-крамольниковъ покрывать да таить... Сшибетъ съ ево шапку горлатную [1]), спеси собьетъ. Не даромъ самъ навязался къ нему на столованіе пирное, не даромъ въ гости къ хозяину ненавистному напросился онъ, Малюта!

И взоромъ, блестящимъ радостью, поглядываетъ на князя-хозяина Скурата-Бѣльскій... Такъ удавъ порой на барашка взираетъ, передъ тѣмъ какъ проглотить его, беззащитнаго. А князю Аѳанасію и невдомекъ. Веселъ князь, радостенъ... Любитъ щегольнуть онъ винами хмѣльными да богатою утварью столовою. Есть чѣмъ и хвастнуть, правда! Не награбленные то чары, да кубки, да блюда, отъ тяжести которыхъ поставцы рѣзные ломятся... Не отъ крамольниковъ они понахватаны, какъ у прочихъ чиновъ опричныхъ. Нѣтъ, родовыя то сокровища князя. Есть ему чѣмъ ими гордиться. Отъ прадѣда еще о третье колѣно они къ нему перевалили. Да и гостепріименъ по натурѣ князь. Нельзя подумать, глядя на него, благодушно подчивающаго гостей званыхъ, што безъ колебанія сѣчетъ онъ головы людскія по одному слову царскому, что жестокъ и безпощаденъ князь и нѣтъ отъ него пощады измѣнникамъ... Хозяиномъ ласковымъ да рѣчистымъ хлопочетъ онъ на пиру своемъ. А пированіе идетъ себѣ да идетъ... Вина заморскія рѣкой такъ и льются... Упились кое-кто изъ гостей дорогихъ и въ княжую одрину унесены усердною челядью. На славу употчевались, къ чести хозяина. И то: не больно-то много славы хозяину бываетъ, коли у него на пиру мертвецки не напьются званые. Худая честь о такомъ хозяинѣ пойдетъ. Угощать-де толкомъ не умѣетъ, не усердствуетъ...

Вотъ почему и любо князю, што фряжскія вина безъ мѣры льются и крѣпкія головы гостей кружатъ...

---

[1]) Шапка, которую носили только знатные люди.

Встаетъ со своего мѣста Вяземскій... Новый до краевъ полный кубокъ подымаетъ... Глаза блестящіе отъ хмѣля на Малюту поднялъ: хошь врагъ онъ ему и мужикъ-палачъ, а все же гость онъ ево на пиру званый и повеличать его какъ гостя ему, хозяину, подобаетъ.

— Здравъ буди, Григорій Лукьяновичъ, на многіе годы!— говоритъ съ поклономъ въ сторону Малюты Вяземскій и, ударившись своимъ кубкомъ о кубокъ гостя, духомъ выпиваетъ свой кубокъ до дна. Не первый онъ у князя... Много такихъ-то за пиръ долгій осушилъ Вяземскій, не даромъ хмѣльное въ голову кинулось. А Малюта, глядя на него, думаетъ: „Вотъ самое время когда пристало!“ — и незамѣтно къ князю пододвигается.

— А ты слыхать, Аѳанасій Ивановичъ, — ласковымъ, заискивающимъ голосомъ начинаетъ онъ, — дѣлами боголюбивыми заниматься сталъ? Странничковъ разныхъ да паломничковъ, какъ боярыня келейница какая, приваживаешь?

— Какихъ такихъ паломничковъ?—недоумѣвающе вопрошаетъ князь.

— Да вѣдомо намъ, княже, што въ свѣтличкѣ у тебя диковинный паренекъ появился, красы неописуемой, красной дѣвицѣ не уступитъ въ ликѣ да повадкѣ. Сдѣлай милость, княже, вели пареньку тому предстать на пиръ честной. Ужь больно занятно поглядѣть на ево, такъ ли пригожъ, каково людишки его описуютъ.

Едва успѣлъ довести свою рѣчь до конца Малюта, какъ двое людей, сидящихъ за столомъ, дрогнули и въ лицѣ измѣнились. Трепетъ радости охватилъ съ головы до пятъ Ѳедьку Ловчикова, присутствующаго въ числѣ гостей на пиру своего начальника. Дрогнулъ и Истома отъ страха за участь Любаши ненаглядной.

А князь Аѳанасій Ивановичъ и окомъ, какъ говорится, не повелъ. Сидитъ спокойный да веселый по-прежнему. И не распознать по немъ: хмѣленъ-ли больно князь, аль и впрямь небоязно ему показать людямъ мнимаго отрока. Тряхнулъ только кудрями смоляными, Истому подозвалъ, шепнулъ ему што-то на ухо. Тотъ ни живъ, ни мертвъ изъ горницы вышелъ...

Не болѣе получаса прошло времени, какъ вновь онъ вернулся въ брусяную избу, но не одинъ, а съ Любашей.

На Любашѣ ужь не ряска паломничка, въ коей она къ

Евфиміи княжнѣ ходила. Кафтанъ узорчатый на манеръ опричнаго на ней надѣтъ, опояска расписная да сапожки сафьяновые, на кудряхъ золотыхъ мурмолка съ кисточкой и пером павлиньимъ, соболемъ отороченная. И все это дивно личитъ къ прекрасной внѣшности переодѣтой боярышни.

— Ай, да парнишка! И то хорошъ, ровно изъ сказки царь-дѣвица!—крикнулъ при ея появленіи Малюта и сдобрительно хлопнулъ по плечу дѣвушку.—И впрямь, люди баили, красы онъ невиданной! Только-бы лѣтникъ, да косу, да дѣвичій вѣнецъ, и совсѣмъ тебѣ боярышня заправская!..

Загоготали при этихъ словахъ пьяные гости, шутка Скуратова имъ по нраву пришлась. И не подозрѣвалъ никто изъ нихъ, што не зря болтаетъ Григорій Лукьяновичъ, а словно кошка надъ мышью забавляется, прежде чѣмъ сцапать ее. Одинъ только князь, зорко глянувъ въ очи Малютѣ, казалось, понялъ злодѣя. И словно разомъ соскочилъ весь хмѣль съ Аѳанасія Ивановича. „Плохо дѣло! — мелькнуло въ умѣ Вяземскаго,—дознался подлецъ, докопался до истины, продали насъ собаки!“ А самъ все на Любашу да Истому поглядываетъ, лишь-бы они не опростоволосились да не выдали себя какъ-нибудь ненарокомъ. Но тѣ, видитъ, крѣпко держатся... Истома лишь поблѣднѣлъ немного, да рука дрожитъ непримѣтно, чашу поднявшая. А Люба хошь-бы што...

„Молодецъ дѣвка!—съ удовольствіемъ замѣчаетъ про себя Вяземскій.—Ишь, не моргнетъ даже! За столько-то времени, чай, свыклась съ одежой парнишкинской...“

И прерванное веселье снова закипѣло, съ удвоенной силой, забило ключомъ. Расходившіеся гости пѣсенъ пожелали. Князь Аѳанасій крикнулъ дворню свою, челядь бабью... Велѣлъ гостей величать. Поютъ бабы и дѣвушки веселые напѣвы застольные... Кипитъ и пѣнится въ стопкахъ серебряныхъ влага хмѣльная...

Распахнуты кафтаны шитые опричниковъ, лица потныя, хмѣльныя такъ и пышутъ румянцемъ пьянымъ. Но не всѣ на пиру поддаются веселью общему... Истома съ Любашей другъ съ друга очей не сводятъ... А за ними взоры алчные направлены другихъ очей, Ловчикова-предателя да Малюты Скуратова-Бѣльскаго.

Но не видитъ тѣхъ взоровъ чета молодая... Красавица Любаша очей съ жениха своего статнаго да пригожаго не

сводитъ: много на пиру красивыхъ опричниковъ, много юношей русокудрыхъ и мужей удалыхъ... А онъ, Истомушка, всѣхъ-то пригожѣй—и лицомъ, и станомъ, и повадкою молодецкою... И сладко грезится подъ звукъ пѣсенъ застольныхъ, подъ звонъ чаши круговой боярышнѣ.

Скоро, скоро, дастъ Богъ, вымолитъ ей прощеніе у царя-дяди княжна... Добрая она... милостивая!.. Не даромъ и ликомъ такъ свѣтла, какъ ангелъ Божій... Похлопочетъ за нихъ... Повѣнчаются они съ Истомой... Домкомъ обзаведутся, а може и уговоритъ она жениха богоданнаго изъ опричины выписаться и въ родимую Старицу уѣхать, гдѣ домокъ Любашѣ да вотчинка невеликая отъ родителей оставлена. И ладно въ мирѣ и тиши вѣкъ свой проживутъ любовно да согласно, отъ мѣстъ этихъ кровавыхъ подалѣ.

Сладко грезится дѣвушкѣ... И не замѣчаетъ она, какъ слѣдятъ за нею неотвязные, какъ два ножа вострые, глаза Малюты. Вдругъ словно толкнуло Любу што. Глянула... Инда волосъ на маковкѣ поднялся отъ ужаса ледяного. Прямо передъ нею лицо страшное, улыбкой насмѣшливой перекошенное, такъ ей въ очи и глядитъ.

— Што, боярышня, сладко-ль мечтается? — слышитъ она надъ самымъ ухомъ грубый голосъ Скуратова.

И не одна она слышитъ... Всѣ гости разомъ повернулись въ ихъ сторону... Пѣсня на полусловѣ оборвалась... Кто-то кубокъ выронилъ... Истома это... Блѣдный онъ, словно смерть, дыханіе въ груди перехватило... Глазами такъ и впился въ невѣсту... Видитъ, смертельно поблѣднѣла и сама Любаша. Вся словно тростинка отъ вихря трепещетъ. На князя-хозяина очи подняла молящія... И князь неспокоенъ. Улыбнуться силится и не можетъ... Видно, и его захватило.

— Оставь,—шепчетъ Малютѣ нетвердымъ голосомъ,— оставь, Григорій Лукьяновичъ, не видишь развѣ: недужный парнишка, не трошь ево, грѣхъ надъ недужнымъ шутить...

— Недужный?—чуть прищуривъ по привычкѣ одинъ глазъ, насмѣшливо переспросилъ Малюта. — Ой-ли? Молви, може и впрямь недужна, Любовь Митріевна?

Не громко кинулъ свою фразу Малюта, а далеко она, словно раскатомъ громовымъ, пронеслась по избѣ. Помертвѣла Любаша... Къ Истомѣ кинулась и замерла, вся трепещущая, въ объятіяхъ жениха.

— Ай, да князь!—такъ и залился отвратительнымъ смѣхомъ Малюта.—Экъ, што выдумалъ! Скоморошество на святкахъ лишь пригодно... А, чай, святки еще не скоро придутъ... Да и то не ладно обрядилъ боярышню. Несуразно вышло... Усы да бородку приладить куды лучше было-бъ... Ужь тогда-бъ и не признать было-бъ чай?! А и не дѣло затѣялъ, княже. Не вѣдаешь развѣ: тотъ, кто измѣну хоронитъ да покрываетъ, тотъ и есть первый измѣнникъ царю, тотъ и есть крамо...

Оборвалъ свою рѣчь внезапно Малюта...

Высоко поднялась тяжелая чаша застольная въ рукѣ разсвирѣпѣвшаго отъ оскорбленія князя Вяземскаго и, пролетѣвъ надъ самой головой обидчика, ударилась въ стѣну. Хорошо, что во-время уклонился отъ удара Григорій Лукьянычъ, а то бы не уйти ему живу да здорову съ пира Аѳанасія Ивановича Вяземскаго.

— Такъ-то ты... меня... вѣрнаго слугу царскаго...— прошипѣлъ Малюта, словно дикій звѣрь сверкнувъ очами на князя,—ну, ладно, попомнишь меня, княже ласковенькій, попомнишь! Крестъ на томъ, коли хочешь, поцѣлую... Завтра-же вѣдомо государю будетъ, какъ его оружничій удалой и кравчій ближній Аѳонюшка-свѣтъ измѣну въ тиши хороминъ своихъ кроетъ!..

И весь зеленый отъ обуявшей его ярости, Малюта, отвѣсивъ насмѣшливый низкій поклонъ въ поясъ князю, вышелъ изъ хороминъ. За нимъ и остальные гости повскакали съ мѣстъ. Словно псы, почуяли издалека бѣду опричники... Не гоже было имъ оставаться въ домѣ князя, который не сегодня, завтра подъ опалу царскую попадетъ. Чего добраго и ихъ замѣшаетъ Малюта! И одинъ за другимъ прощались гости и торопливо уходили съ неудачно закончившагося пира.

— Куда-жъ вы! Еще посидите! Эй, люди, еще нацѣдить романеи да венгерскаго!—разомъ опомнившись отъ охватившей его задумчивости, вскричалъ князь.

Но изъ гостей почти никого уже не было..

— Ушелъ онъ, злодѣй нашъ?—тихо, слабо шепнула Любаша, все еще блѣдная какъ платъ, отрываясь отъ груди своего милаго.

— Ушелъ, красавица! Жаль, што ушелъ, а то бы я ему ноги обломалъ ненарокомъ, псу смердящему, — гнѣвно вырва-

лось изъ устъ князя,—а вы вотъ што, други милые,—обратился онъ ласково къ молодой четѣ,—вы завтра же попа какого ни на есть въ слободкѣ сыщите да тихо, мирно обвѣнчаетесь, не откладывая... А я тѣмъ временемъ у царя попытаю помилованье вамъ сыскать, коли песъ Малюта меня не предувѣдомитъ у батюшки. Да вы носы не вѣшайте! Никто какъ Господь! Не даромъ говорится на Руси: Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ!—уже съ прежней ухарской безшабашностью заключилъ свою рѣчь князь Аѳанасій Ивановичъ.

ГЛАВА XII.

Недужная царица.

Царь Иванъ Васильевичъ задумчиво въ креслѣ сидитъ въ горницѣ одринной на половинѣ царицы.

Августовская ночь тихимъ шагомъ къ природѣ приближается... Долга ночь предосенняя, ой, какъ долга! Начало теперь лишь ея, а какъ потянется она безконечная, индо нутро-то все истомитъ долготой своей да тягой невыносимой. Завтра новый годъ зачнется... Первое сентября завтра, день Симеона лѣтопроводника... Што-то сулитъ новый годъ царю?

Темно будущее... Не дано человѣкамъ грѣшнымъ завѣсу судьбы приподнимать. Невѣдомо имъ, што посулитъ грядущее. А што и вѣдомо, то радостнаго не больно много несетъ съ собой... Литовцы, опять же, заскулили, собаки ненасытныя. Недавно еще всю Эстонію отдавалъ имъ царь, лишь бы путь ему къ морю прочистили да Ливоны отдали, а паче всего Ревель да Ригу... А тутъ опять и зацѣпа. Три года тому назадъ толкованіе шло съ ними то мирное, то кровавое, а тутъ едва перемирились, и опять грозитъ война вновь закипѣть... Да оно-бы ничего, коли во-время... А и смуты проклятыя одолѣли... Новгородцы, баютъ, опять съ псковичами мутятъ. Жигимонту предаться ладятъ. Онъ еще о Петровки по навѣту Малютовскому 150 людей ненадежныхъ изъ Новгорода да 500 изъ Пскова вывезъ, штобъ самыхъ горлодеровъ притишить, а все-жъ, баютъ, не замолкли они. Грамоту Жигимонту, вѣдомо ему, настрочили... Знаютъ собаки, когда лаяться... Знаютъ, што съ Марьюшкинымъ недугомъ не до расправы кровавой царю.

„Да погодите, дай срокъ!—сверкая очами, грозитъ неви-

димому врагу Иванъ,—давно пора приняться за тебя, градъ ненавистный! Много ты покоя укралъ изъ души моей! А и во здамъ-же по дѣламъ тебѣ сторицею! Дай срокъ!.. Вотъ поправится царица!"

Но не одинъ Новгородъ, не одна Литва заботитъ Ивана, извѣдалъ онъ намедни, што въ самой слободѣ, почитай на очахъ его царскихъ, свѣтлыхъ измѣна таится. И кто-же? Аѳоня, любимчикъ провелъ его, государя, ровно бабу безмозглую... Аѳоня боярышню Незнамову, Владимірову воспитанницу, отъ него, царя, властелина своего, укрылъ. Ишь, што затѣялъ, собака! Мнитъ, все ему съ рукъ сойдетъ! Не дознается, вишь, царь!.. А дознается, такъ его-ли, князеньку любимаго, опалой накроетъ!..

— Нѣтъ, крамольники, нѣтъ, злодѣи,—въ забывчивости дико выкрикиваетъ царь и стучитъ посохомъ ингровымъ о полъ горницы.—Не думайте, не мните о пощадѣ! Колибрата кровнаго не пощадилъ, васъ не помилую... измѣнники, кровопійцы мои!..

Забылся царь... Дико угрозы свои выкрикиваетъ съ пѣной у рта, обычной въ минуты такія.

И вдругъ слышитъ—легкій стонъ пронесся изъ угла, гдѣ на одрине царица въ жару разметалась...

Опомнился царь... Къ женѣ бросился...

— Што, Маша, дюже плохо тебѣ? — наклонясь къ ней, прошепталъ онъ заботливо.

Молчитъ Марья Темгрюковна, словно и не слышитъ супруга-царя.

Но и безъ словъ царицыныхъ видать што плохо ей... Лицо такъ полымемъ и пышетъ отъ огневицы лютой... Очи ровно алмазы исполинскіе сверкаютъ блескомъ страшнымъ, безумнымъ. Будто и не видитъ ими больная... Губы засохли, и съ нихъ безсвязныя рѣчи срываются наполовину русскія, наполовину кабардскія, родныя...

Черныя косы змѣями по плечамъ вьются... Бѣлая грудь подъ тонкимъ полотномъ сорочки съ трудомъ вздымается... Смотритъ царь на это исхудалое, ровно дѣтское теперь, изсушенное недугомъ личико и жаль ему потерять этотъ пышный цвѣтокъ Востока дальняго, эту жестокую, немилостивую къ людямъ, но соблазнительную ласками сладострастными, нездѣшними, красавицу-дикарку. Помнитъ Иванъ, какъ другая жена его умирала, тихая, кроткая печальница, любимица на-

рода московскаго. Обезумѣлъ онъ тогда съ горя, въ звѣря превратился... И молился, и стеналъ, и головой бился объ полъ, моля Господа спасти, сохранить Настю голубку. Эта не такъ ему дорога, какъ была дорога Настюша желанная... Но и эта мила по-своему... Ласковостью ея отравленъ государь... Какъ игрушка диковинная, необходима она ему! И косы ея шелковыя, которыя онъ въ минуты горячія ласкъ необузданныхъ вкругъ шеи и рукъ кольцами обвивалъ, и очи звѣздныя, коими такъ много бурныхъ наслажденій красавица сулить умѣла... Много женщинъ на своемъ вѣку дарилъ Иванъ Васильевичъ ласками своими, многія и его ласкали — кои по волѣ, кои по принудѣ, но ни одна такъ угодить ему не умѣла, какъ эта кабардинка-красавица. И въ пылу частыхъ оргій безумныхъ, вырвавшись изъ объятій временныхъ своихъ любовницъ, кидался царь къ законной супругѣ черкешенкѣ и въ объятіяхъ рукъ ея точеныхъ весь міръ со всѣми остальными красавицами забвенію предавалъ. Потерять Марью, ея ласки горячія, не видать то лукавый, то томный огонь очей ея страстныхъ—да вѣдь это смерти подобно мученической...

И глядитъ царь, не наглядится на измученное, но все-же прекрасное еще лицо, съ наложенной на него уже печатью смерти.

Новый стонъ изъ груди царицы вырвался. Страшнымъ откликомъ отозвался онъ въ душѣ царя.

— Эй, лѣкаря сюда, штобъ сейчасъ, духомъ единымъ!— крикнулъ Иванъ въ волненіи.—Да не Елисейку собаку, тотъ не смыслитъ ни капли во хвори царицыной. Личарда Лещея, штобъ живо!..

Кинулись чуть не бѣгомъ постельныя боярыни исполнять наказъ царевъ.

Минуты часами царю кажутся... И ингровымъ посохомъ отъ нетерпѣнія по полу бьетъ... Хошь и по близости лѣкарь, но не смѣетъ онъ присутствовать въ свѣтлицѣ царицыной... Все-жъ басурманская въ емъ душа, нечистая, да и не гоже то... И то больше заглазно лѣчитъ, со словъ постельной боярыни, а ужь коли дюже плохо, то черезъ шелковую завѣсу одрины пульсъ пощупаетъ аль дыханіе выслушаетъ царицыно. А теперь чего ужь канителиться. Не помирать-же Марьюшкѣ... Може и полегчаетъ отъ совѣта басурманина...

Вошелъ Ричардъ Лещей, красивый, видный мужчина, съ осанкой благородной, съ лицомъ, дышащимъ умомъ и энергіей,

прямая противоположность Елисея Бомелія... Не даромъ сама Елисавета, аглицкая крулева, къ нему мирволила и до небесъ превозносила его передъ русскимъ царемъ.

Какъ только увидалъ его царь, такъ и кинулся къ лѣкарю.

— Спаси мнѣ Марію Темгрюковну,—словно ребенокъ лепечетъ,—озолочу тебя, златомъ засыплю до краевъ головы... потонешь въ золотѣ, спаси мнѣ, лѣкарь, царицу мою!..

— Государь!—плохо выговаривая слова по-русски, произноситъ Ричардъ, — Богъ Единый спасать можетъ, я-же, смиренный врачъ, могу лишь лѣчить, успокаивать боль въ человѣкѣ... Коли суждено жить царицѣ, отъ лѣкарства моего воспрянетъ она, коли нѣтъ...

— Молчи, песъ!—съ воплемъ вырвалось изъ груди Ивана,—всѣ-то вы таковы... Виляете, дарма время оттягиваете... Слышь, тебѣ говорю: вылѣчишь царицу — задарю, не поможешь ей—повѣшу, какъ пса, на первомъ суку...

Задрожалъ Иванъ, пламенемъ адскимъ блеснули глаза царя... Губа задергалась, видать, не шутитъ онъ, а близокъ къ исполненію слова своего.

Выпрямился Лещей. Гордо благородную голову поднялъ, пріосанился, ровно сановитый бояринъ какой, а не лѣкарь, наемникъ заморскій.

— Не моги оскорблять меня, государь. Я подданный моей милостивой государыни королевы, сестры твоей по трону, и состою слугой ея вѣрнымъ. Оскорбляя меня, ее оскорбляешь, царь!

И сказавъ это твердымъ, спокойнымъ голосомъ, гордыя, смѣлыя очи прямо на царя поднялъ.

А царь только крѣпче перстами костлявыми посохъ обвилъ. И радъ-бы поднять его на дерзкаго, не въ мѣру смѣлаго лѣкаря, да безсиленъ онъ въ томъ. Некому будетъ царицу немощную съ одрины поднять, да и сравниться передъ сестрой Елисаветой не гоже нонѣ, когда она ему любезно у себя кровъ и пріютъ предложила въ государствѣ со всей семьей и свитой на тотъ случай, если-бы крамола боярская черезчуръ далеко зашла, и ему, государю россійскому, пришлось-бы укрываться отъ враговъ въ чужой землѣ [1]).

---

[1]) Иванъ писалъ къ Елизаветѣ, что измѣнники составляютъ противъ него заговоры: соумышляютъ съ враждебными ему сосѣдями, хотятъ истребить его со всѣмъ родомъ. Иванъ просилъ англійскую королеву

И потому только махнулъ Иванъ лѣкарю и, не глядя на дерзкаго, вышелъ изъ горницы. Въ теремныхъ сѣняхъ его ждали ближніе слуги да окольничіе изъ опричныхъ людей. Среди нихъ былъ Аѳанасій Ивановичъ, блѣдный, но спокойный, по своему обыкновенію. Вѣдалъ князь, што Малюта уже передалъ царю о его измѣнѣ мнимой, и ждалъ приговора царскаго—милости или кары.

— А, Аѳоня! Здорово!—увидя его, произнесъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Иванъ. И несмотря на видимое спокойствіе, жутко прозвучали слова эти на устахъ царя. Злые огоньки забѣгали въ его глазахъ и судорожно подергивалась верхняя губа, предвѣщая этимъ близкую грозу. — А я ужь посылать за тобой мыслилъ! Ладно, што пришелъ, пойдемъ-ка въ свѣтелочку, потолкуемъ. Неподалече я быть отъ царицы недужной должонъ. Не обезсудь, што веду въ хоромы бабьи... Да и чаю, ты въ обидѣ не будешь... Самъ вѣдаешь, што баба, што мужикъ—все едино человѣкъ Божій. А къ тому же ты и изъ дѣвокъ парнишекъ зѣло дѣлать смышляешь? А?—И произнося это, еще замѣтнѣе задергались губы царя.

„Вотъ оно, начинается!“ — съ тоскою помыслилъ князь, входя слѣдомъ за государемъ въ небольшую горницу, гдѣ происходили обыкновенно полдничныя и вечернія столованія царицы съ дѣтьми.

Гнѣвъ царя, не нашедшій за минуту до того пищи на Ричардѣ Лещеѣ, такъ и рвался теперь наружу при видѣ новой жертвы.

— Ну-съ, Аѳонюшка!—произнесъ онъ злобно,—чѣмъ порадуешь, милъ-сердешный другъ? Какое оправданье себѣ найдешь въ измѣнѣ своей?

Словно подъ ударомъ хлыста вздрогнулъ и выпрямился во весь ростъ князь Вяземскій. Краска въ лицо ему бросилась... Сверкнули гнѣвомъ черныя очи...

— Не измѣнникъ я, осударь,—произнесъ онъ твердо,—хошь сейчасъ на розыскъ идти... А што боярышню Незнамову у себя схоронилъ, такъ это точно... Потому, ни въ чемъ неповинна

дать ему убѣжище въ Англіи. Елизавета отвѣчала, что Московскій царь можетъ пріѣхать въ Англію, жить тамъ сколько угодно, на всемъ своемъ содержаніи, соблюдая обряды старо-греческой церкви. (Костомаровъ. Русская исторія, въ описаніяхъ ея главныхъ дѣятелей).

она, боярышня та... Челядь бабья Старицкихъ тебѣ, государь, поперечила, а она не челядинка, а пріемная дочь Володиміра.

— Крамольника дочь! — завопилъ не своимъ голосомъ царь. — Завѣдомо извѣстно тебѣ, ослушникъ, што никакого изъ ближнихъ Володиміра не приказалъ я въ живыхъ оставлять... Пеняй на себя, Аѳонюшка, коль што не по скусу теперь придется... А дѣвку ту крамольную штобы завтрашній день Малютѣ предоставить... Слышь... Онъ ею малость займется... Погуторитъ онъ съ нею... А то, слышь нѣмой, сказалась!.. Ужь больно хитро!..

— Смилуйся, государь... Заставь Бога молить,—опускаясь на колѣни передъ царемъ, произнесъ Вяземскій.

— Што такъ? Аль тебѣ малость прищемила сердце боярышня та? Ай да Аѳоня! Гораздъ быстеръ!.. Не зѣваешь, сударикъ.

— Не мнѣ, царь-надежа... Сподручному моему Истомѣ Качалову... Съ дѣтства они сговорены... да разлучила ихъ судьба... А нонѣ снова встрѣтились ненарокомъ и другъ безъ дружки жить не могутъ.

— Ну, коли жить не могутъ порознь, пусть вмѣстѣ помрутъ. Не возбраняется то николи людямъ. Да ты-то, княже, скажи на милость, чего больно жалостливъ не въ мѣру сталъ?— съ недоброй усмѣшкой спросилъ государь.

Тряхнулъ по привычкѣ кудрями князь... Потомъ молвилъ снова:

— Истома мнѣ замѣсто брата, государь... И слуга тебѣ онъ вѣрный, надежа!..

— Ну, пусть службу свою и докажетъ! — тихо, тихо произнесъ Иванъ. — Выкинетъ пущай дурь изъ головы-то да боярышню поутрусь самолично къ палачу отведетъ.

— Смилуйся, государь,—прошепталъ Вяземскій.

— Сказано, нѣтъ! — раздался внезапно грозный окрикъ Ивана,—доколѣ докучать будешь?! Моли Бога, што на тебя опалы не кладу. А въ другой разъ, мотри, не спущу, Аѳонька! Больно раскисъ, не личитъ тебѣ таковымъ быть! — И пристукнувъ посохомъ, поднялся со своего мѣста царь и шагнулъ было къ двери, какъ вдругъ нежданно на порогѣ ея блѣдная, исхудалая появилась княжна Евфимія Старицкая.

Въ темномъ, смирномъ [1]) лѣтникѣ, коего съ гибели отца

---

[1]) Траурномъ.

она не снимала, въ черной повязкѣ Фима, исхудалая до прозрачности, измученная двойной тоской по родителю и по Максиму погибшему, казалась теперь какимъ-то неземнымъ существомъ. Словно не живою дѣвушкой, а видѣньемъ-призракомъ стояла она теперь предъ царемъ. Два пятна яркаго и рѣзкаго румянца такъ и рдѣли на исхудалыхъ ланитахъ ея. Очи горѣли огнемъ нездоровымъ и словно изъ иного, нездѣшняго міра глядѣли они. Она будто и не замѣчала Вяземскаго и тихо, неслышно, съ низкимъ поклономъ, приблизилась къ царю.

„Господи! Словно Настя въ послѣднее время немощи! — мелькнуло въ головѣ Ивана при видѣ несчастной племянницы.— И эта, видать, не жилица на бѣломъ свѣтѣ... Не отъ земли она... Напрасно и сговоръ затѣяли... До пріѣзда, пожалуй, женихова не дотянетъ, бѣдная...“

— Што, голубка? Зачѣмъ пожаловала?—ласково, какъ съ недужной, заговорилъ съ Фимой царь.

Съ того дня, какъ услыхалъ онъ отъ нея рѣчи жесткія, безпощадныя, словно стыдится онъ чего въ присутствіи сироты, имъ-же обездоленной. Словно избѣгаетъ очей ея печальныхъ... Жаль ему Фиму... и хотѣлось ему хоть лаской сердешною утишить душевную муку княжны.

— Не погнѣвись, государь-дядя! — тихимъ, тихимъ голосомъ прошептала дѣвушка и безшумно склонила колѣни передъ Иваномъ. — Слыхала я, какъ ты и княже здѣсь говорили... И пришла умолить тебя, государь, помилуй боярышню, прости ей! Безвинна Люба! Сиротка она тоже, какъ и я... а сиротокъ обижать грѣхъ великій, дядя-государь, самъ, чаю, вѣдаешь про то...

И зарыдала княжна... Диковинно зарыдала, безъ воплей и стенаній. Лишь очи подняла къ небу, трепещетъ сама, а изъ очей тѣхъ потокъ слезинокъ жемчужныхъ такъ и катится.

„Совсѣмъ какъ Настасья моя! — глядя на Фиму, мыслитъ царь.—И та такъ-то за враговъ моихъ печаловалась да плакала обильно...“

И вдругъ необычайной жалостью дрогнуло сердце государя. Осчастливить хотя нѣсколько эту блѣдненькую печальницу Фиму, хоть немного умалить вину свою передъ ней, получить за то въ отвѣтъ взоръ ея прощающій, кроткій— вотъ чего неудержимо захотѣлось Ивану.

— Встань, Фимушка! — ласково произнесъ онъ,—добръ я нонѣ да и тебя хочу порадовать, царевна-несмѣяна моя. Инъ быть по-твоему, помилую я боярышню. Слышь, Аѳоня, скажи ей, што ради просьбы княжны гнѣвъ свой снимаю и съ нея и съ Истомки твово, да и съ тебя за-разъ съ ними, ослушникъ непутевый... Только штобъ впередъ... Гляди у меня!

И погрозивъ любимцу своимъ ингровымъ посохомъ, царь отпустилъ его, а самъ, ласково опершись на плечо княжны, прошелъ съ нею въ царицыну одрину. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . !

. . . . . .

. . . . . .

По-прежнему стоны царицы наполняютъ горенку... Не помогъ Лещей, не помогла и знахарка, слѣдомъ за нимъ позванная въ теремъ...

Бросала она три угля въ ковшъ, приговаривая надъ ними съ круговыми движеніями лѣвой руки: „Хитки, притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, щипоты и ломоты, злу худобу и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ“. И водой той ликъ горящій царицы кропила. И змѣиные рожки на гайтанъ шейный навязала подлѣ тѣльника, отъ нутренней огневицы... Но не помогли наговоры зелейницы. Хуже и хуже съ каждой минутой дѣлается царицѣ Маріи. Видать по всему—отходитъ.

Въ горенкѣ душно стало отъ набравшагося сюда народу. И царь здѣсь, и Михайло, шуринъ царскій, съ ужасомъ слѣдившій за каждой перемѣной на лицѣ больной, и царевна, и княжны обѣ, и боярыни... Кой-гдѣ сдавленное причитываніе слышится, не отъ горя, а приличія ради... Мало кто любилъ жестокую норовомъ да неласковую царицу.

— Духовника-бы надоть... да поповъ... Соборовать царицу... схиму наложить...—послышался въ толпѣ чей-то робкій голосъ.

— И впрямь!—словно просыпаясь отъ тяжкаго сна, произнесъ царь. — И впрямь зовите. Такъ издавна на Руси ведется святой. По обряду все православному надоть...

Недолгое время прошло пока попы явились. Левкій, архимандритъ Чудовскій, нонѣ при царѣ въ слободѣ живущій,

къ обряду приступилъ... Лежитъ царица съ высоко поднятой на подушкахъ головою, съ восковой свѣчей въ рукахъ, исхудалая, страшная, и не видитъ того, што кругомъ нея происходитъ... Передъ очами умирающей Кабарда родная и Терекъ, и горы, и Селимъ черноокій... Вновь вмѣстѣ они... счастье, юность имъ улыбается. А кругомъ цвѣты... и фонтанъ звонкій гдѣ-то струею плещетъ...

Черныя очи Селима горятъ... Бѣлая одежа на немъ, словно у ангела садовъ Магометовыхъ. Зоветъ онъ ее, Марію... руки къ ней протягиваетъ...

— Иду, иду! — шепчетъ царица по-кабардскому, — иду, звѣзда очей моихъ, иду, земной Аллахъ мой! Иду, Селимъ мой черноокій!..

И свѣтлая улыбка трогаетъ засохшія уста Маріи-черкешки.

— Што она шепчетъ? По-свойски, по-басурмански што-ль? — спрашиваетъ шопотомъ царь у окружающихъ, забывъ, што и они не болѣ его понимаютъ нарѣчіе кавказское.

Одинъ только человѣкъ можетъ истолковать безсвязныя рѣчи Маріи, но о немъ забыли, какъ всегда въ такія минуты водится... Да и скорѣе языкъ свой вырветъ Михаилъ Темгрюковичъ, чѣмъ словомъ обмолвится про тайну сестры.

Наконецъ затихла царица... Уста шепнули еще разъ имя Селима любимое и затихли надолго... на-вѣки... Блѣдныя руки, на груди на время обряда скрещенныя, тонкую церковную свѣчу выронили... Очи впередъ глядятъ... ничего не видя... хоть и широко отверзты они, но ужь не горятъ по былому, словно алмазы яркіе...

— Маша, голубка... полегчало што-ль?—наклонился царь надъ супругой. И вдругъ отпрянулъ съ ужасомъ отъ застывшаго лика неживой красавицы...

Въ ту же минуту гулкій однотонный ударъ колокола возвѣстилъ Руси о кончинѣ Маріи Темгрюковны, второй супруги Ивана Васильевича.

— Въ храмъ, въ храмъ скорѣича! Рясу, тафью мнѣ!— залепеталъ, весь дрожа въ смятеніи, царь. — Всѣ штобъ.. въ соборъ стеклись. За упокой царицы молиться новопреставленной.

И потянулась мрачная процессія братій-иноковъ съ игумномъ-царемъ во главѣ, въ одеждахъ смирныхъ, монашескихъ.

У постели мертвой царицы одинъ князь Михайла остался.

Съ дикой разнузданостью горю предается шуринъ царя. Одежу, волосы рветъ на себѣ потомокъ Темгрюковъ—азіатъ прирожденный... Кому-то грозится невидимому и вопитъ, и воетъ надъ тѣломъ сестры, унесшей за собою всю его власть былую и счастье и благополучіе.

ГЛАВА XIII.

Въ кельѣ монашеской.

Въ маленькой, тѣсной келейкѣ Тверского Отроча монастыря ровно въ склепѣ мирно и тихо... У божницы лампада мерцаетъ, обливая дрожащимъ свѣтомъ лавки и жесткое ложе подъ кіотой, и поставецъ простецкой работы, и сѣдую голову стараго инока, склоненную надъ книгой Четьи-Миней... Не трудно признать въ почтенномъ старцѣ бывшаго митрополита Филиппа, свергнутаго владыку Московскаго.

Годъ протекъ съ той поры, какъ обезчещеннаго владыку выволокли опричники изъ храма Божія. Но ни горя, ни сожалѣнія о величіи быломъ не видно на чистомъ ликѣ святителя. Подвигъ иноческій, келья монастырская куда болѣе власти митрополита улыбаются благочестивому Филиппу. Въ Соловкахъ онъ началъ нести свою долю иноческую и за малымъ перерывомъ владычества митрополіева вновь любимую келейку монастырскую обрѣлъ. Чуждо величіе земное старцу; для иной доли созданъ Филиппъ. Хошь-бы сейчасъ, въ этотъ вечеръ осенній подъ шумъ ливня, съ хлопьями снѣга смѣшаннаго, што о крышу монастырскую бьетъ, такъ сладко читаются дивно составленныя письмена предшественника Филиппова, покойнаго митрополита Макарія...

Хорошо пишетъ покойный поэтъ-владыко!

Стихомъ порой витіеватымъ и рѣчистымъ испещрены страницы писанія.

— Великаго былъ ума человѣкъ! — задумчиво произнесъ Филиппъ, перевернувъ страницу Миней. — Упокой душу его, Господи, въ селеніяхъ праведныхъ Твоихъ!

Въ тотъ-же мигъ негромкій стукъ раздался за дверью келейки и послышались знакомыя слова:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Аминь,—заключилъ Филиппъ,—входи съ миромъ, сынъ мой.

А у самого улыбка ласковая на устахъ заиграла.

— Ты, братъ Михаилъ?

— Я, отче!

И молодой, блѣдный юноша-инокъ подошелъ къ Филиппу и приложился устами къ изсохшей рукѣ былого владыки.

— Сейчасъ вернулся, отче, урокъ кончалъ... Дюже непогодка размыла дорогу... Отецъ игуменъ приказалъ засвѣтло штобъ поелику возможно поправить... Говоритъ, ненарокомъ осударь завернетъ по пути. Инъ слыхать—полчища несмѣтныя на Тверь идутъ.

— Господи, охрани, огради чадъ Твоихъ неповинныхъ десницею пречистой Твоею,—молитвенно шепчетъ Филиппъ.— Не вѣдаетъ бо што творитъ государь. На кровь православную, аки агарянскую, мечъ подъялъ.

— Сказываютъ, силища ратная огромадная по дорогѣ на Клинъ движется.

— Господи, помилуй народъ Твой отъ гибели лютой!— сжимая исхудалыя руки, произнесъ Филиппъ.—Слабъ духомъ государь, а враги не дремлютъ... Не онъ поднимаетъ мечъ свой; они его рукой управляютъ и немощную душу наталкиваютъ на дѣянія сатанинскія,—помолчавъ секунду, заключилъ святитель.

Вздрогнулъ молодой инокъ при послѣднихъ словахъ старца, скорбная усмѣшка по изможденному лицу пробѣжала.

— Да падетъ-же кровь невинная,—произнесъ онъ вдохновенно,—не на царя, помазанника Божія, а на приспѣшниковъ-совѣтчиковъ злодѣевъ!..

— Не такъ рекъ, брате,—остановилъ юношу Филиппъ.— Молви иначе, чадо мое: Да оградитъ Онъ, Милосердный, отъ всякаго зла людей невинныхъ! И да просвѣтитъ темные умы свѣтлымъ промысломъ Своимъ.

Задумался молодой инокъ. Скорбныя очи потомъ на Филиппа поднялъ и тихо, чуть слышно произнесъ:

— Отче! Благослови принять схиму...

— Ты?—пораженный его словами, произнесъ Филиппъ.—

Давно-ль санъ иноческій воспріялъ? И опять на сугубый подвигъ клонишься? Да и не выдержишь ты, сынъ мой... и закона нѣтъ монастырскаго, штобъ въ молодые годы великій постригъ принимать.

— Знаю, отче,—произнесъ твердо юноша, — говорилъ я съ отцомъ игуменомъ о томъ. Правда, нѣтъ обычая такого, младъ я, годами не вышелъ. Но по волѣ своей безъ пострига, хошь сейчасъ могу въ скитъ удалиться и великій обѣтъ молчанія принять.

— Помысли, чадо мое, по силамъ-ли возложилъ на себя?

— Не вѣдаю, отче! Но вѣрую, што Господь Единый Милосердный, Милостивый поможетъ мнѣ свершить то, Его Святою волей!

Звучно и твердо прозвучала рѣчь юноши. Вдохновеннымъ огнемъ очи блеснули, краска въ лицо кинулась, и снова въ эту минуту сталъ братъ Михаилъ—Максимомъ прежнимъ, што около году тому назадъ безъ вѣсти изъ слободы сгинулъ, чтобы постричься инокомъ Тверского Отроча монастыря.

Давно, ближними оплаканный какъ покойникъ, Максимъ, нонѣ братъ Михаилъ, живетъ въ кельѣ о-бокъ съ кельей старца Филиппа. И не разлучаются старикъ и юноша и другъ друга поддерживаютъ заботами своими и читаютъ и бесѣдуютъ вмѣстѣ... Строгой подвижническою жизнью отличается Филиппъ, и прежній Максимъ Бѣльскій ему въ томъ не уступитъ, на молодость не глядя. Вся обитель не можетъ не отличать дивнаго юноши. Въ его годы не встрѣтишь такого полнаго отчужденія отъ жизни мірской и къ молитвѣ рвенія подобнаго и въ трудѣ старанія необычайнаго... Недаромъ обитель вся любитъ брата Михаила не менѣе, пожалуй, чѣмъ и самого Филиппа, мужа великой святости и подвига.

Сильно измѣнился за это время Максимъ. Трудно, невозможно почти узнать его—былого опричника царскаго—въ этомъ смиренномъ одѣяніи келейника. И ликъ его совсѣмъ иной сталъ. Очи глубоко въ орбиты ввалились отъ поста и молитвъ. Отъ мыслей скорбныхъ частыя морщинки молодое чело избороздили... Уста и руки высохли и вовсе аскетическими выглядятъ. И все-же недоволенъ собой Максимъ... Все не можетъ еще онъ вполнѣ отречься отъ мыслей грѣховныхъ, отъ соблазна великаго. Нѣтъ, нѣтъ и предстанетъ предъ нимъ образъ плѣнительный княжны Евфиміи... Алыя уста горячія

его устъ касаются, дрожащій голосъ дѣвичій въ ушахъ стоитъ. И чудится ему красавица и во снѣ, и въявь, и на молитвѣ въ кельѣ, и въ храмѣ, и за трапезой, и за работой.

— Схиму! схиму пріять! Вотъ што надо! — часто мелькаетъ въ мысляхъ брата Михаила и готовъ онъ на новый подвигъ духовный, лишь-бы въ немъ найти забвеніе и покой.

И сейчасъ дума о скитѣ отдаленномъ, дивно упрятанномъ въ лѣсу монастырскомъ дремучемъ, словно звѣзда путеводная передъ нимъ стоитъ...

— Благослови, отче! — шепчетъ онъ, вперивъ большіе страдальческіе глаза свои въ Филиппа. — Благослови, отче, на подвигъ мой!

Минуту лишь колеблется старецъ... Не отрываясь, глядитъ онъ въ дивные, чистые глаза юноши и всю горькую повѣсть его по нимъ видитъ: и тоску-кручину по любѣ былой и безсиліе бороться съ врагомъ человѣчества и кроткую жалобу безъ словъ сердца изнуреннаго, измученнаго...

И впрямь въ скитъ ему! Готовый сподвижникъ стоитъ передъ нимъ, Филиппомъ. Этотъ не отступится отъ подвига, до конца доведетъ.

И не колеблется больше святитель. Съ неизъяснимой любовью во взорѣ руку положилъ поверхъ тафьи на голову юноши и прошепталъ молитвенно, поднявъ взоръ къ небу:

— Храни тебя Богъ, чадо мое! И да соблюдетъ Онъ тебя отъ помысловъ лихихъ и нечистыхъ!

Радостью словно-бы неземною загорѣлись глаза Максима... Слезы блеснули въ нихъ. Низко склонился онъ передъ святителемъ, потомъ произнесъ дрожащимъ отъ счастья голосомъ:

— Спасибо, отче! Теперь къ отцу игумену за послѣднимъ указомъ пойду...—и тихимъ, медленнымъ шагомъ мниха-затворника изъ кельи двинулся.

А за дверью кельи въ тотъ мигъ новый стукъ раздался и дѣтскій голосокъ служки малолѣтняго произнесъ звонко:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

— Аминь,—отвѣтствовали вразъ оба инока.

Дверь растворилась. Черная ряска послушника метнулась подъ благословеніе къ Филиппу.

— Отче!—произнесъ почти захлебываясь отъ бѣга мальчикъ-чернецъ. — Отче, гость къ тебѣ... Мірянинъ... Отца игумена будить не повелѣлъ. Отецъ казначей ведетъ его къ

тебѣ въ келью... Отъ государя, баютъ, гонецъ... Меня предувѣдомить послалъ.

— Што-жъ! гонцу царя завсегда радъ! Да будетъ благословенъ приходъ его во святомъ домѣ семъ! — произнесъ Филиппъ съ твердостью, и ни страха, ни изумленія не видно было на спокойномъ ликѣ инока. — Ступай съ миромъ, чадо мое, и ты, братъ Михаилъ, до времени оставь меня! Передъ вечерней жду тебя, брате, не кончена еще бесѣда наша съ тобой.

И, благословивъ служку и инока, онъ отпустилъ обоихъ и приготовился къ встрѣчѣ невѣдомаго гостя.

Новый стукъ въ дверь возвѣстилъ о приходѣ послѣдняго.

— Войди съ миромъ! — произнесъ святитель и поднялъ голову на скрипъ отворившейся двери.

Передъ нимъ стоялъ Малюта Скуратовъ-Бѣльскій.

— Здорово, святый отче!—произнесъ грубый голосъ опричника,—давненько, чаю, не видались мы съ тобой!

— Все отъ Господа! Гдѣ же мнѣ, иноку смиренному, видать тебя, слугу царскаго, Григорій Лукьянычъ!—тихо отвѣчалъ Филиппъ.

— И палача, завсегдашняго работничка, штоль хотѣлъ сказать?!..—грубо разсмѣялся Малюта.—Што-жъ, не смущайся, молви, отче! Чай до тебя еще доходятъ слухи объ усердіи моемъ?

Поникъ челомъ старецъ. Не можетъ взирать онъ окомъ чистымъ на того, кто сотни людей на вѣку своемъ загубилъ. Душно ему въ присутствіи завзятаго душегубца-изверга. Скорѣй-бы свое дѣло выкладывалъ и оставилъ его, Филиппа, въ мирномъ уединеніи,—мыслится святителю.

— Зачѣмъ пожаловалъ, Григорій Лукьяновичъ? Отъ царя, баютъ, прискакалъ ко мнѣ, смиренному иноку?..—спрашиваетъ онъ гостя.

— Такъ-то такъ. И отъ царя и отъ себя, коли знать желаешь, отче. Отъ себя поглядѣть хотѣлъ, какъ ты тутъ устроиться мирволилъ... Не пишешь-ли грамотокъ ненарокомъ въ столицу, штобъ опричину докучную похерить, какъ во дни былые... А тожъ и отъ царя, не скрою. Велитъ тебѣ царь передать, отче, што на Новгородъ и на Псковъ и Тверь со Клиномъ идетъ онъ надежа, судъ судить, рядъ рядить, вырывать съ корнемъ крамолу-измѣну... И много крови право-

славной прольетъ по причинѣ той великій государь... И посему велитъ онъ тебѣ, отче, за ево правое дѣло молиться и...

— Не правое то дѣло! — перебивая Малюту, твердо молвилъ Филиппъ, — не можетъ быть правды тамъ, гдѣ кровь неповинная льется...

— Ай да отче!—со смѣхомъ вскричалъ Малюта,—вижу я келейное сидѣнье тебѣ на пользу не пошло. Попрежнему рѣчистъ да норовенъ больно! Мотри! Не доведутъ рѣчи твои до добра, чернецъ!

— Не страшны мнѣ угрозы твои, не страшенъ и ты самъ мнѣ, бояринъ! — произнесъ со скорбной улыбкой Филиппъ.—Страшны дѣла ваши черныя, задуманныя на радость сатаны... Тѣшба ворога человѣческаго страшна! Передай царю, нѣтъ у меня ни молитвъ за него, ни благословенія, доколѣ не одумается, не перестанетъ тѣшить дьявола дѣлами лихими и пить, аки вампиръ, кровь христіанскую.

— Молчи! ой, молчи, отче! Зазнался зѣло! Видать, не смирила тебя келья монастырская... Въ Соловки може снова захотѣлъ...—едва сдерживая душившую его злобу, зашипѣлъ Малюта.

— Куды пошлетъ государь, тамъ и буду!— кротко, покорно произнесъ святитель.

— Понятно,—усмѣхнулся Скурата-Бѣльскій,—а только, я чаю, не мѣсто нонѣ въ Соловкахъ тебѣ! Съ Сильвестромъ-разстригой въ единомъ гнѣздѣ быть вамъ не гоже... Я для тебя, отче, кой што другое надумалъ... Новую келійку уготовилъ. Ужь больно хороша! Главное дѣло, никто не проникнетъ въ нее къ тебѣ и зря тебя въ ей безпокоить не станетъ... А только допрежъ того ты мнѣ толкомъ скажи... Благословишь государя, смиришь-ли духъ свой и покорствіе свое предъявишь-ли царю-батюшкѣ?

— Реку тебѣ, што и допрежъ того рекъ,—твердо произнесъ Филиппъ.—Нѣтъ у меня благословенія государю россійскому до тѣхъ поръ, пока черны помыслы его... пока слушаетъ онъ навѣтовъ твоихъ, палачъ, пока доставляетъ великое торжество дьяволу и аггеламъ его дѣяньями своими...

— Такъ не смиришься? Нѣтъ? — почти шопотомъ произнесъ Малюта и въ упоръ уставился въ святителя своимъ страшно-сверкающимъ взоромъ.—Не одумался еще, измѣнникъ,

крамольникъ? жалишь еще помазанника Божія змѣинымъ жаломъ твоимъ?..

— Не измѣнникъ я... Не могу измѣнить и словъ, вложенныхъ въ уста мои Господомъ... И ты вѣдаешь о томъ, палачъ, кровожад...—Началъ было Филиппъ и... не кончилъ...

Нѣчто страшное, роковое и безобразное случилось въ тотъ-же мигъ... Словно лютый звѣрь, не помня себя отъ ярости, набросился на инока Малюта, и волосатыя, жилистыя руки сомкнулись вокругъ шеи святителя...

— Молчи, разстрига... молчи, змѣя подколодная!—шипѣлъ онъ въ самое ухо Филиппа и все сильнѣе и сильнѣе сжималъ аскетическую шею полуживого старца... Легкій стонъ поднялъ грудь святителя и полузадавленный замеръ на устахъ...

И мало-по-малу слабѣе и слабѣе становилось дыханіе въ груди Филиппа. И едсмертная судорога прошла по исхудалому тѣлу инока... Еще вздохъ, еще судорожное движеніе плечей и... вытянулось на полу слабое тѣло старца-мученика...

Не дышитъ Филиппъ... А убійца все еще держитъ пальцы вокругъ горла старика. Словно боится: воскреснетъ владыко былой и потребуетъ отвѣта на новомъ душегубствѣ... Но не Филиппу покойнику страшнымъ призракомъ мщенія возстать предъ убійцей. Иной нѣкто, открывъ чуть слышно дверь кельи, быстрыми шагами приблизился къ душегубу и опустилъ руку на плечо убійцы. Вздрогнулъ Іуда, голову поднялъ и... дикій, нечеловѣческій крикъ потрясъ тишину священной обители.

Передъ нимъ призракъ сына мертваго, погибшаго Максима стоитъ...

Очи съ укоромъ и угрозой на него вперены... Рука на трупъ святителя указуетъ, а губы изсохшія, блѣдныя шепчутъ глухо, но внятно:

— Душегубъ!.. Убійца... Да ляжетъ его смерть проклятіемъ на тебя, злодѣй! Самъ Господь Милосердный ниспошлетъ на тебя гнѣвъ Свой небесный... Будь ты проклятъ, убійца, на этомъ свѣтѣ и на будущемъ и во вѣки вѣковъ!..

Вскочилъ Малюта, къ двери отпрянулъ.

— Святъ! Святъ! Святъ! — шепчетъ, воздухъ креститъ рукою, но призракъ Максима неумолимо передъ нимъ стоитъ, карой небесной угрожаетъ, и глухо звучатъ въ кельѣ его страшныя сыновнія проклятія.

Не помня себя, изъ кельи убійца ринулся, по длиннымъ переходамъ духомъ промчался и только очнулся у самыхъ воротъ монастыря.

— Эй, люди! Чернецы благочестивые! — крикнулъ онъ смущеннымъ при видѣ его бѣгства служкамъ-привратникамъ,— бѣгите къ отцу игумену съ докладомъ: угорѣлъ братъ Филиппъ въ кельѣ своей... Жарко зря печку натопили... не вынесъ знать угару святой отецъ... Спѣшите къ ему, може еще отходите инока... А мнѣ по сему-же дѣлу къ осударю поспѣшать надо, отвѣтъ держать...

Сѣлъ на коня и вихремъ помчался отъ воротъ монастырскихъ, отъ страшнаго призрака. А призракъ, невольно напугавшій убійцу своимъ появленіемъ, набожно склонился надъ тѣломъ удушеннаго наставника и друга, и горькія, судорожныя рыданія Максима потрясли мертвую тишину келіи . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тучей несмѣтною, ровно орда ногайская, торопливо двигалась на сѣверъ рать московскаго царя. По дорогѣ дружины царскія Тверь и Клинъ опустошили, ставшіе яко-бы заодно съ крамольными Новгородомъ и Псковомъ. Жителей безпощадно мучили, дома грабили... Тѣлами убіенныхъ Волгу запрудили. А въ Торжкѣ иная потѣха ждала царя и его дружину. По совѣту Малюты, который, какъ злой геній, царю въ уши всякое худо нашептывалъ, приказано было плѣнныхъ нѣмцевъ и татаръ лютой казни предать... Самъ Малюта ненасытный руководилъ этой казнью. Онъ словно въ крови человѣческой остатокъ совѣсти потопить хотѣлъ. Съ той минуты, какъ задушилъ злодѣй Филиппа, призракъ сына, какимъ онъ ему предсталъ въ монастырѣ, и днемъ и ночью, и во снѣ и вьявь ему видится. Страшное проклятіе слухъ рѣжетъ, сердце трепетомъ наполняетъ. Но не поддается Малюта навожденію... всѣми силами крѣпится... Словно на зло въ крови человѣческой купается, хочетъ море крови между собой и Максимомъ разлить, задушить сатанинскимъ угодьемъ пробужденный сыновнимъ упрекомъ голосъ совѣсти. Самъ себя превзошелъ Малюта, когда въ Торжкѣ плѣнниковъ агарянскихъ пытать принялся. Такихъ мукъ лютыхъ не видала доселѣ Русь святая. Не выдержалъ пытокъ своихъ единопле-

менниковъ одинъ мурза плѣнный, бердышъ у ратника оплошавшаго вырвалъ и съ нимъ на Малюту ринулся. Но счастье благопріятствовало на этотъ разъ палачу. Невѣрной рукой нанесъ ударъ татаринъ... Скользнулъ бердышъ мимо сердца и межъ реберъ вонзился Малютѣ. Самъ сатана, казалось, хранилъ своего любимаго кромѣшника... Рана настолько неопасной оказалась, что не помѣшала собственноручно пытать Малютѣ несчастнаго татарина. Заодно съ нимъ и всѣ его единоплеменники были замучены безъ милосердія и умерщвлены.

Отъ Торжка двинулся царь къ Новгороду. Тутъ-то и началась расправа кровавая. Окруживъ со всѣхъ сторонъ городъ стрѣльцами, самъ царь на городищѣ станомъ сталъ... И началась бойня, кровавой страницей занесенная въ лѣтописи исторіи. Жгли, рѣзали, мучили, пытали ни въ чемъ неповинныхъ мужей, женъ, старцевъ, дѣвушекъ, юношей и младенцевъ заодно съ ними... Тѣла замученныхъ, еще живыхъ людей волокли къ Волхову и сбрасывали съ моста въ рѣку, подталкивая ихъ крючьями подъ вздымавшіяся отъ напора труповъ льдины... Палками побивали игумновъ монастырей пригородныхъ и прочее духовенство, требуя отъ нихъ дознанія. Самого владыку Пимена новгородскаго посадили полунагого, связаннаго на бѣлую кобылу и, окруживъ скоморохами, возили по городу посмѣшища ради съ шутками и побоями. А потомъ въ Веневъ сослали на вѣчное заточеніе.

Шесть недѣль длилось это побоище. Наконецъ 13-го февраля, на второй недѣлѣ поста, созвалъ царь оставшихся въ живыхъ новгородцевъ и объявилъ имъ прощеніе. А самъ далѣе на Псковъ двинулся. Но псковскій воевода Юрій Такмаковъ приказалъ жителямъ встрѣтить царя съ хлѣбомъ-солью и звономъ колокольнымъ, изъявляя покорность. Это пріятно подѣйствовало на государя, смягчило его гнѣвъ, и онъ объявилъ Пскову, младшему брату Новгорода, свое царское помилованіе.

Много еще способствовала тому и встрѣча Ивана съ юродивымъ псковскимъ — Николой Солосомъ, предрекавшимъ новыя бѣды царю, на случай, если бы онъ принялся губить псковичей... И конь любимый палъ государя,—тоже немалый признакъ бѣды для суевѣрнаго царя...

Словомъ, насытившійся кровью державный мститель повер-

нулъ къ Москвѣ. Тѣмъ болѣе что приспѣло время пріѣзда пословъ литовскихъ, предлагавшихъ перемиріе московскому владыкѣ. И потомъ гость, еще болѣе желанный, не сегодня, завтра ожидался изъ нѣметчины въ столицу.

Герцогъ эзельскій, братъ короля датскаго, Магнусъ, женихъ Евфиміи Володиміровны, долженъ былъ по зову Ивана предстать передъ свѣтлыя очи своего будущаго державнаго родственника.

ГЛАВА XIV.

Женихъ и невѣста.

Звонъ колокольный стоитъ надъ слободой Александровской... Великій день нонѣ, хоть и не праздничный. Новое перемиріе заключено съ Литвою... Богатые дары прислалъ Жигимонтъ-круль царю Ивану. И царь такими-жъ дарами ляху отвѣтилъ. А тутъ еще большая радость царю прибавилась... Герцогъ Магнусъ, датскій крулевичъ, званый гость—у него въ Москвѣ. Какъ сына родного обласкалъ Иванъ королевича, почетную встрѣчу ему устроилъ въ большомъ кремлевскомъ дворцѣ... И теперь подъ звонъ колокольный въ слободу гостя молодого везетъ, на пиры и столованія, на повиданіе съ невѣстой-красавицей. Всколыхнулась слобода Москвы не менѣ. Во время сѣвернаго погрома притихла было Русь, каждый въ уголкѣ своемъ притаился, штобъ только гнѣва царскаго ненарокомъ на себя не навлечь... А тутъ видятъ, зѣло радостенъ царь... Гостепріимнымъ хозяиномъ крулевича на Москвѣ встрѣтилъ... И народъ вздохнулъ свободнѣе, отряхнулся, ожилъ...

И теремъ царскій будто оживился немного. Со дня смерти царицыной печаль да тоска постоянными гостьями затворницъ теремныхъ были. Смирныя платья не скидаютъ княжны да царевна. Ни пѣсенъ, ни смѣха сѣнныхъ боярышень здѣсь не слыхать.

Не мудрено, что такое событіе, какъ пріѣздъ крулевича, нарушило тихую, однообразную жизнь терема.

Сегодня особенное въ немъ оживленіе царитъ. Царевна

съ княжной Марѳушей отъ окна не отходятъ. Такъ и прильнули къ подоконнику головенками юными... На улицу глядятъ, очей не отрывая... А тамъ шумъ да сутолока... Народъ толпами валитъ къ осудареву крыльцу по улицѣ Дворской. Каждый охочъ на гостя невиданнаго, заморскаго взглянуть...

— Фимушка! Глянька-сь, бирючи проѣхали! И стрѣльцы съ копьями!.. Ладные какіе... молодцы на подборъ!—кричитъ Марѳуша-княжна, рослая не по лѣтамъ дѣвочка, обѣщающая вскорости стать пышной красавицей.

Но не до того Фимѣ... И не Фима то, а скорѣе тѣнь прежней Фимы. Отъ былой бѣлолицей, полногрудой, румяной дѣвушки мало што осталось... Недужная што-ль княжна, не понять... Словно смерть блѣдная, чуть бродитъ по горницѣ, очи громадныя огнемъ страннымъ сверкаютъ. Уста сомкнуты... И слышитъ, и не слышитъ, словно не ей говорятъ.

— Фимушка, штой-то ты ровно мертвая, глянь, говорю... Сейчасъ привезутъ ево...—продолжаетъ болтать Марѳуша, не отрываясь отъ оконца свѣтличнаго.

— И впрямь, взгляни на жениха, княжна. Може и полюбится. Сердце дѣвичье приворотливо... И крулевичъ, баютъ, неописанной красы...—слышится надъ ухомъ Евфиміи знакомый голосъ.

Знаетъ княжна, кто ее уговариваетъ... Знаетъ, что и у той уговорщицы ея не легче на сердцѣ, чѣмъ у самой княжны. „Эта, какъ и я, падчерица горькая доли своей“,—мыслится Фимѣ, и съ жалостью глядитъ она на много измѣнившуюся за послѣднее время Марью Григорьевну.

И впрямь, сама не своя Марьюшка стала. Много перемѣны и ей этотъ годъ принесъ. Невѣста она засватанная стольника царева Бориса Ѳеодоровича. Не любъ ей Годуновъ, да противъ воли отцовой идти нельзя, да и къ чему?.. Чужой ей Истома Никитичъ, отъ живой жены мужа не возьмешь... Обвѣнчались они, ненавистные... Зря она отцу предавала разлучницу, противу Вяземскаго князя Аѳанасія безсиленъ ея отецъ. Окрутилъ ихъ самокруткой князь, а потомъ, слышатъ, и бухъ царю въ ноги... Теперь, баютъ, Истома съ женкой молодой на Старицу собираются... До времени въ княжихъ хоромахъ живутъ... Чай, милуются не намилуются... А она за постылаго идти должна...

У! ненавистные! Такъ-бы впилась она въ ликъ Лю-

башки-разлучницы ногтями вострыми... такъ и исцарапала, стерла-бы все ея пригожество... Любъ онъ ей, Марьѣ, по-прежнему, красавецъ лукавый, далекій, измѣнникъ ея! Пуще прежняго любъ... Разлука долгая да измѣна его еще болѣ пламя въ ея сердцѣ раздули горючее. И не замереть ему, сердцу, болѣзному... Излюбиться не можетъ, хошь и любить не къ чему. Такъ вотъ и кипитъ, такъ и пышетъ, ровно костеръ, разгораясь шибче да ярче съ каждымъ днемъ, съ минутой каждой!..

„Гдѣ-жъ твоя правда, вѣдунья проклятая? — злобно мыслитъ Марья Григорьевна,—гдѣ-жъ приворота твоя? А еще хвалилась... И больше того, какое слово закинула — царица московская! Ха, ха! Ужь сказала бы: Бориски постылаго стольничья жонка!.. У! вѣдьма проклятая, на костеръ-бы тебя за брехачество!“

И вспомнивъ все это, готова неистовствовать Марья и головой о стѣну биться, и выть, разливаться въ слезахъ горючихъ... Да реви, не реви, бейся, не бейся, а счастья себѣ не выбьешь!..

— Фима, Марьюшка, скорѣича къ оконцу, ѣдутъ, ѣдутъ!— вскричала внезапно царевна Дуня.

Вздрогнули обѣ вразъ—и Евфимія, и Марьюшка, оправились и къ оконцу подошли... Глянула въ окно княжна... На площади передъ царскими палатами народу видимо-невидимо... Тутъ же бирючи скачутъ, громко кликъ выкликиваютъ, оповѣщая царя и принца. Стрѣльцы двумя стѣнами непроницаемыми по обѣ стороны дороги стоятъ, путь царскій оберегая... Вотъ и окольничіе показались въ ферезяхъ богатыхъ и шапкахъ горлатныхъ... За ними бояре, тамъ слѣдующіе чины, все выше и выше, чѣмъ ближе къ царскому коню. Межъ рындъ неизмѣнныхъ, царь ѣдетъ въ терликѣ нарядномъ аломъ, словно кровь, въ шапкѣ высокой, съ околомъ изъ камней самоцвѣтныхъ. А рядомъ съ нимъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, аргамакѣ крулевичъ самъ. Въ платьѣ нарядномъ, въ епанчѣ и беретѣ съ перомъ, лихо на затылкѣ заломаномъ. За ними свита царя и заморскій синклитъ принца ѣдетъ.

— Фима, Фима, — шепчетъ, захлебываясь отъ восторга, Марѳуша, — женихъ-то каковъ твой! Господи Боже мой!.. И впрямь, какъ на парсунѣ. Ни капельки то-есть прикрасы не было... Такъ-то живой еще поладнѣе пожалуй буде! Ей-ей!

Да глянь-же... Ишь ты какая. Не красавецъ развѣ,—тебѣ говорю!

Глянула Фима... И впрямь красавецъ, только не по сердцу ей красота его! Что-то надменное, лукавое и жесткое сквозитъ въ молодомъ безбородомъ лицѣ принца... Очи хоть и велики и свѣтлы, но все по сторонамъ бѣгаютъ неспокойно таково, быдто выискиваютъ аль выглядываютъ што...

— Ой, дюже хорошъ крулевичъ,—не унимается Марѳуша,—мнѣ бы такого женишка тоже. Попрошу осударя-дядю... въ добрый часъ...

— Полно, безстыдница! Нѣшто можно!—останавливаетъ ее сестра. А у самой грустная усмѣшка уста морщитъ: пусть молъ болтаетъ дѣвчурка, пока не вѣдомо ей о бѣдѣ непоправимой... Не знаетъ Марѳа о судьбѣ родителя и потому-то и щебечетъ, ровно птичка веселая.

„И пусть подолѣ не вѣдаетъ,—думается старшей княжнѣ,—авось, ея судьба тогда слаще моей будетъ...“

— А ты, Фимушка, — не подозрѣвая горькихъ мыслей сестры, продолжаетъ Марѳуша, — какъ на смотрины къ жениху выйдешь, то подмалюйся малость... Онъ вишь какой Бова сказочный, а ты... краше въ гробъ кладутъ... Все-жъ попригляднѣе будешь, а то ровно всю красоту твою мухи слизали... А то, знаешь што, обряди меня! Подъ фатой не замѣтятъ може, я за тебя передъ крулевичемъ и предстану. Може сойдетъ? Такъ что-ли, Дуня?

И довольная своей шуткой, подтолкнула царевну и залилась звонкимъ хохотомъ веселая дѣвочка.

Не чаяла тогда княжна Марѳуша, што слова эти вѣщими оказались и што она, а не старшая сестра, раздѣлила злосчастную судьбу королевича Магнуса. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

На другой день пріѣзда королевичъ былъ позванъ къ столу государеву. Поразили Магнуса роскошь и благолѣпіе настольной утвари и безчисленныя перемѣны яствъ затѣйныхъ. А пуще всего невѣжество русское поразило. Начать съ того, что руками отвѣдывали всякую снѣдь и царь и свита его, при чемъ пальцы жирные о скатерть или просто о полы кафтановъ утирали... И невоздержанъ царь въ

питьѣ и яствахъ. Только русскій желудокъ могъ переваривать все огромное количество подаваемыхъ за столъ кушаній.

Да и многимъ прочимъ недоволенъ королевичъ... А пуще всего невѣстой своей. Намедни утромъ побывалъ онъ въ теремѣ съ царемъ... видалъ княжну... Не то мнилъ онъ найти въ своей нареченной... Много онъ слышалъ о красотѣ прославленной русскихъ затворницъ. О собольихъ бровяхъ да очахъ съ поволокой давно у нихъ въ Данію молвь прошла. Датскія красавицы довольно ему таки прискучили... А все-жъ о нихъ онъ пожалѣлъ сегодня, какъ увидалъ свою суженую въ нарядѣ неуклюжемъ, съ лицомъ мертвецки блѣднымъ, на которомъ два пятна предательскаго малеванія неискуснаго рдѣли... очи испуганныя, громадныя, не жгутъ, не млѣютъ... И кланяется нескладно... и не улыбнется ни разу. И красоты никакой... Правда, хорошая приманка за нею—тронъ ливонскій, да пойди еще добывай себѣ тронъ тотъ, да и все же бы могли чай и получше невѣсту сыскать. Да вотъ, ходить недалече... Сестренка княжны младшая. Даромъ, молода, а цвѣтетъ пышно... И очи ласковыя сквозь рѣсницу потупленную огонькомъ загораются, и уста рдѣютъ, словно ждутъ лобзаній ненасытныхъ. Огонь дѣвочка... Хошь сейчасъ подъ вѣнецъ!

И сидитъ съ этими мыслями не радостный на пиру Магнусъ. Неохотно тянетъ изъ кубка тяжелаго романею, которая здѣсь и слабѣе и безвкуснѣе, чѣмъ на родинѣ у него... А царь межъ тѣмъ ему черезъ толмача толкуетъ:

— Ты перво-на-перво Полоцкъ, а тамъ и Ревель хватай... Штобъ мнѣ къ морю прямехонькій путь открыть... Эстонію мнѣ не жаль, хоша всю ее сквозь пальцы пропусти, а вотъ Ригу да Ревель... А тамъ и за свадебку... и крулеву свою молодую въ новое королевство свезешь. Аль, може, тутъ остаться намыслишь? Вотъ бы славно!.. Лютерскую вѣру не больно то хвалятъ... Вотъ мы тебя тогда и оборудуемъ... по-свойски значитъ, по-россійски, а, принцынька? Понялъ меня што-ль?!..

И смѣется радостно... Веселъ царь... Вино въ голову кинулось... На радостяхъ разрѣшилъ онъ себѣ малую толику...

Главное Фиму бы скорѣе съ рукъ сбыть, больно ужь допекаетъ она его своими взорами рѣчистыми. Словно живой упрекъ передъ нимъ стоитъ и безсловесно въ гибели отца отчета требуетъ.

Нѣтъ, Богъ съ ей! Завоюетъ Ливонію крулевичъ и пусть увезетъ жену богоданную изъ здѣшнихъ мѣстовъ поскорѣе!

Межъ тѣмъ пиръ къ концу близится... Захмѣлѣвшаго и осовѣвшаго гостя царскіе стольники подъ руки приняли и въ уготованную ему палату осторожно отвели, гдѣ принцъ разомъ уснулъ, какъ убитый.

— Ишь ты, одно слово нѣмецъ, русская каша ужь больно забориста! Не по нутру!—шутили на его счетъ бояре.

А у нихъ тутъ только самое веселье и началось...

Приказалъ царь бабъ, дѣвокъ призвать, пѣсню затянуть застольную... А штобъ имъ повольнѣе было, такъ романеей пѣвицъ попотчевали. Самая разухабистая изъ бабъ, опричника дворцоваго женка, оперла руки въ боки и въ плясъ пустилась... Другія хоромъ плясовую грянули... Дымъ коромысломъ пошелъ...

И вдругъ, въ самый разгаръ веселья пирнаго, страшное слово „измѣна“ пронеслось по палатѣ... Двое людей то слово принесли. Вольно и смѣло вошли въ горницу Малюта Скуратовъ, недавно отъ раны оправившійся, и Ѳедька Ловчиковъ за нимъ слѣдомъ.

Охмѣлѣвшіе бояре съ мѣстъ повскакали.

— Што? Што случилось?—другъ друга спрашиваютъ.

И царь съ мѣста привсталъ даже. Глаза засверкали бѣшенствомъ.

— Кто дерзнулъ на пиру безпокоить? — загремѣлъ онъ зычнымъ голосомъ.

— Крамола, осударь!—стойко выдерживая взглядъ своего властелина, произнесъ Скурата-Бѣльскій. — Прости, надежа, што не во время... а и дѣло таково, милостивецъ... Откладки не терпитъ. За твоимъ столомъ измѣна гнѣздится, вкругъ тебя кольцомъ змѣинымъ обвилась... Ужалить норовитъ...

— Говори толкомъ, Лукьянычъ!—уже теряя терпѣніе, прикрикнулъ царь.—Городовъ мнѣ не городи, къ дѣлу прямо!

— И то къ дѣлу, коли велишь, надежа!—тряхнувъ головой, произнесъ тотъ.—Сейчасъ изъ застѣнка; кой-кого изъ попиковъ новгородскихъ, пименовскихъ, малость поспрошалъ, не зря то-есть, а чистымъ манеромъ. Ну, понятно, што человѣкъ попросту не скажетъ, то на дыбѣ аль на жаровнѣ духомъ однимъ повѣдаетъ. И то сказать, рѣчисты попики... Такое слово выкинули, ажъ дрожь беретъ...

— Ну?—произнесъ Иванъ, тяжело переводя дыханіе, а у самого глаза изъ орбитъ вылѣзаютъ и хмѣли бражной и въ поминѣ нѣтъ.

— Повѣдали, государь, попы тѣ... што великіе дары они передъ погромомъ ихнимъ посылали ближнимъ твоимъ, штобы тѣ передъ тобой ихъ обѣлили, значитъ... И што ближніе тѣ къ ихъ дѣлу причастны... то-есть къ измѣнѣ и къ передачѣ ихъ на ляшскую сторону...

Зналъ куда билъ Малюта, говоря это царю. Зналъ, что худшимъ словомъ нельзя допечь Ивана. Все, куда еще ни шло, могъ стерпѣть государь, только не измѣну въ пользу заядлаго врага, Жигимонта круля.

— Кто? Кто? Говори, собака! Зря не береди мѣста больного!—почти наступая на Малюту, задыхаясь, съ пѣной у рта, лепеталъ обезумѣвшій царь.

— Не гнѣвись за робость мою,—смиреннымъ тономъ произнесъ Бѣльскій,—знаешь самъ, что, чаю, дѣло не простое. Не про мелкихъ людишекъ рѣчь веду. Первые чины твои на сей разъ замѣшались, государь, въ дѣло крамольное. Высоко они толпятся вкругъ трона твоего... Голой рукой ихъ не достанешь... Съ опаской надоть...

— Кто?—скорѣе угадалъ, нежели услышалъ вопросъ Ивана Малюта. И, обведя насмѣшливыми глазками весь синклитъ царя, онъ остановился взоромъ на концѣ стола и произнесъ твердымъ и яснымъ голосомъ:

— Алексѣй Ѳеодоровичъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ Басмановы, князь Вяземскій... главные зачинщики крамолы той!

Громъ небесный, казалось, свергся съ неба и опалилъ царя жгучимъ своимъ огнемъ. Тяжелый кубокъ выпалъ изъ рукъ Ивана и съ грохотомъ подъ столъ покатился.

— Лжешь, песъ, кровопійца! — завопилъ онъ не своимъ голосомъ.—Штобъ они, слуги мои вѣрные... не вѣрю тому!..

— Твоя воля, государь!—произнесъ съ дѣланной покорностью Малюта.—Мое дѣло донести было, твое миловать... А только попомни одно, молвь стоустая зря не пускается... А и въ народѣ такая-жъ молвь идетъ... Да и попикамъ новгородскимъ кака-така выгода въ брехнѣ пустой?..

Задумался Иванъ.

— Кака выгода?..—машинально за Малютой повторяетъ. Потомъ на любимцевъ своихъ глянулъ.

Ровно къ смерти приговоренные сидятъ оба Басмановы, и отецъ и сынъ. Што-то жалкое, трусливое въ очахъ у обоихъ. И Вяземскій блѣденъ. Но ни тѣни страха въ лицѣ его нѣтъ... Гордо и надменно оно попрежнему и насмѣшливая улыбка уста шевелитъ...

— Што-жъ молчите... други?.. А? Не слышите развѣ, што Лукьянычъ про васъ расписываетъ? Обѣляйтесь што-ль?!— съ дрожью гнѣва въ голосѣ крикнулъ Иванъ.

Алексѣй и Ѳеодоръ Басмановы разомъ заговорили. Лепечутъ што-то нетолковое царю... въ вѣрной службѣ клянутся. А только очи у нихъ ровно у мышей бѣгаютъ... Видать, што въ пушку рыло. Коли къ измѣнѣ не причинны, такъ отъ крамольниковъ дары брали доподлинно... по всему ясно. А это почитай што и измѣна, тожъ вина не малая будетъ.

А Вяземскому хошь бы што... Глядитъ, молчитъ, усмѣхается.

— А ты, Аѳоня, што-же?—спрашиваетъ царь, очами на него воззрившись,—аль тебя то дѣло не касается?

— И впрямь не касается, государь!—отвѣчаетъ тотъ.— Мою службу ты вѣдаешь. А што брешутъ людишки, такъ на чужой ротокъ плата не набросишь... Не было-бы брехни, не было-бы и говору.

— Вѣрно, Аѳоня! Службу я твою знаю! — недовольный смѣлостью князя молвилъ Иванъ. — Не про ту-ль ты словно мнѣ службу баишь, когда боярышню крамольную у себя хоронилъ? Може на тотъ-же манеръ и нонѣ промахнулся?

Но попрежнему спокойно лицо Вяземскаго. Попрежнему твердо отвѣчаетъ онъ царю:

— Вина моя была въ томъ, осударь, не скрою, но ты отпустилъ мнѣ ее по милости твоей... А теперь одно я вѣдаю... Видно Григорій Лукьянычъ не залѣчилъ раны татарской какъ-бы слѣдовало, да отъ хвори ему и чудится небывалое средь бѣла дня!..

Свѣта не взвидѣлъ Малюта, услыша полную насмѣшки рѣчь князя Вяземскаго.

— Коли мнѣ отъ хвори да недуга чудится,—не помня себя завопилъ онъ, забывъ о царевомъ присутствіи, — такъ есть другой кто здравый, нехворый, и онъ тебѣ укажетъ вину твою, княже!.. Ѳедя!—обратился онъ неожиданно къ Ловчикову,—што ты про князя своево вѣдаешь, выкладывай предъ царемъ. Не бойся!

Глядитъ и очамъ своимъ не вѣритъ князь: передъ нимъ новый обвинитель предсталъ—Ѳедя его любимый, котораго онъ замѣсто сына родного при себѣ держалъ...

А што говоритъ этотъ его воспитанникъ, вскормленникъ его, то и понять, разобрать едва можетъ изумленный князь.

— Онъ де, князь Аѳанасій, — твердо и ясно межъ тѣмъ отчеканиваетъ Ловчиковъ,—давно сношеніе съ Пименомъ новгородскимъ имѣлъ и много разъ грамотки слалъ владыкѣ... А передъ походомъ на Новгородъ предупреждалъ владыку и къ перебѣгу жителей торопилъ... И богатые дары получилъ за то...

Ушамъ своимъ не вѣритъ князь. Онъ—измѣнникъ? онъ — клятвопреступникъ? Онъ... который ради любви къ царю осквернилъ родъ свой княжій наравнѣ съ опричниками худородными... въ палачи записался... Онъ, Вяземскій князь, обласканный, обдаренный государемъ?.. Кровавые круги пошли въ глазахъ князя... Что-то въ груди забилось, заклокотало... и, выхвативъ ножъ изъ ноженъ, онъ, не помня себя, кинулся съ нимъ на клеветника Ловчикова...

И въ ту же минуту десятки рукъ схватили Вяземскаго.

Страшный ясакъ [1]) пронесся по палатѣ и вмигъ и Вяземскій и Басмановы были окручены по рукамъ и ногамъ.

— Што, Аѳоня! — наклонивъ перекошенное бѣшенствомъ лицо къ князю, шепталъ Иванъ, задыхаясь. — Не любишь правды?.. Правда-матка глаза рѣжетъ? Ну, не погнѣвись, Аѳонюшка... Чай не запамятовалъ, што когда отпускалъ тебѣ ту вину твою, говорилъ я—вторая вина тебѣ вдвое зачтется... На себя пеняй... Да и это-ль не вина, княже мой миленькій! Съ крамольниками завѣдомо входить въ сношенія... Дарами съ нихъ взыскивать, на литовскій перебѣгъ ускать...

Весь трясся, говоря это, царь. Кабы могъ, то сейчасъ-бы задушилъ своими руками измѣнника, но нельзя того сдѣлать. Разыскать, допросить ихъ надо... Може эти притянутъ за собою на дыбу и другихъ крамольниковъ...

А Басмановы въ ногахъ у царя валяются. Красавецъ Ѳедя рѣкой разливается, плачетъ, ровно молодуха голоситъ заправская.

---

[1]) Условный знакъ, какимъ Иванъ приступалъ къ аресту крамольниковъ. Обыкновенно это былъ дикій, нечеловѣческій крикъ.

— Прости, государь, прости, родненькій, не причастны въ измѣнѣ... Дары жалованные брали и впрямь, да кто же и откажется отъ добра, коли добро само въ руки валитъ?

— Молчи, песъ! — прикрикнулъ на него Иванъ.—Коли умѣлъ брать дары отъ измѣнника, такъ и хлѣбъ-соль умѣлъ съ нимъ водить на крамолѣ ихъ, тогда и долю ихъ раздѣлить должонъ.—Гей, люди!—хлопнулъ онъ въ ладоши.—Взять всѣхъ троихъ да отвести въ подклѣть дворцовую, ко мнѣ поближе, штобъ не больно стосковался я по слугамъ моимъ вѣрнымъ, любимымъ!

Вмигъ были окружены стражей царской и Вяземскій и Басмановы. Долго не давались отецъ съ сыномъ... Молили царя... Словно бабы визжали и причитывали, сапоги ловили царскіе и цѣловали ступни... Но ничто не помогло...

— Прочь ихъ возьмите, измѣнниковъ... На допросъ... въ застѣнокъ!—потерявъ терпѣніе, приказалъ Иванъ, и почти на рукахъ вынесли его любимцевъ изъ палаты стольной.

А князь Аѳанасій Ивановичъ, окруженный стражей, къ выходу двинулся. На полдорогѣ задержался князь, поровнявшись съ Ѳедькой Ловчиковымъ.

— Іуда! Предатель окаянный! Будь ты проклятъ, анаѳема!—произнесъ онъ и плюнулъ въ самыя очи клеветника своего.

И долго помнился этотъ взоръ Ѳеодору, и эти слова оклеветаннаго имъ князя-благодѣтеля слышались...

ГЛАВА XV.

Нападеніе.

Въ уютной горницѣ хороминъ княжьихъ окно раскрыто... Лѣтній вечеръ черезъ него нѣгой дышитъ ароматной...

Запахъ смородиновыхъ кустовъ, въ саду растущихъ подъ оконцемъ, всю горенку дивно наполняетъ... Въ горенкѣ укладки открытыя стоятъ и сундуки и коробы... Надъ ними Любаша склонилась, ужь не прежнимъ парнишкой обряженная боярышня, а въ лѣтникѣ и въ убрусѣ бабьемъ, какъ слѣдуетъ быть. Еще по осени окрутилъ ихъ съ Истомой Вяземскій князь. Дай Богъ ему здравствовать и долгоденствовать. Таиться и скрытничать не надо ей теперь. Государь ее помиловалъ и можетъ она людямъ въ глаза смотрѣть безъ страха и зазора. Жена она мужняя, Истомушки супруга ненагляднаго... И все то имъ теперь улыбается... И любовь и счастье... Норовитъ муженекъ богоданный у царя въ Старицу отпроситься... Велѣлъ укладки собирать... Снаряжаться въ путь-дороженьку... А оттолева, вѣдаетъ она, Любаша, Истома грамотку царю пошлетъ челобитную: такъ, молъ, и такъ, не погнѣвись, царь надежа, а изъ опричной службы меня уволь. Вѣрой, правдой тебѣ служилъ, на томъ и челомъ бью: отпусти вовсе домкомъ обзавестись... въ свою сласть пожить съ женкой молодою...

А коли не дозволитъ царь, они инако подумали: ударить челомъ Евфиміи княжнѣ, штобъ взяла она ихъ въ прикруту [1]) съ собою въ Нѣметчину... Все же отъ крови подалѣ, отъ стоновъ да скрежета зубовнаго.

---

1) Приданое.

Правда, плоха княжна... И жениху не рада... Таетъ не по днямъ, а по часамъ, ровно свѣча предъ иконой. Да може выйдетъ замужъ—полегчаетъ ей... Свои заботы пойдутъ, мужъ... дѣти... И загладятъ они тоску, боль по родителѣ убіенномъ.

Такъ-то думается Любашѣ... А кругомъ-то благодать... Птички небесныя въ кустахъ подъ оконцемъ поютъ - распѣваютъ. Солнышко, заходя, прячась, улыбается межъ деревъ тепло да ясно... Душно Любашѣ... истома всѣ члены охватываетъ... сердце радостно въ груди замираетъ... голову отъ духа садоваго чуть кружитъ. „Штой-то со мною, — думается молодухѣ,—не бывало еще такого“... И вдругъ мысль, ровно птица быстрая, въ умѣ промелькнула... Краску полымемъ отъ той мысли въ лицо кинуло... Догадалась Любаша, и отъ догадки той сердце шибко заколотилось у нея въ груди взволнованной.

„Аль и впрямь зачревотѣла? [1]) — мыслитъ молодая женщина,—то-то счастье будетъ Истомушкѣ! Все-то онъ о сынѣ мечтаетъ... Вотъ бы ладно! Повидать бы его скорѣича, радостью подѣлиться. Такъ бы сейчасъ и кинулась къ ему. Да нельзя. Онъ почетную стражу у палатъ крулевича гостя держитъ. Ну, да не долго ждать... Скоро смѣна подоспѣетъ... и онъ, желанный, домой вернется“... Руки дрожатъ у Любаши отъ радости... Очи огнемъ загораются... Лѣтники, да рубахи, да одежа всякая, што въ укладки прячетъ она, такъ и валится на полъ изъ рукъ молодухи...

Вотъ, вотъ, сейчасъ придетъ онъ... На шею она ему кинется, лицо на груди схоронитъ и повѣритъ тишкомъ тайну свою радостную.

Вотъ ужь и шаги словно чудиться стали... И впрямь шаги... Прислушалась Люба. Шаги, такъ и есть... Идетъ сюды... Только не одинъ, слыхать... Много съ нимъ... И говоръ слышенъ... Грубые возгласы... шумъ... возня...

— Съ нами сила крестная! — шепчетъ Любаша, а у самой радости былой и слѣдъ простылъ... Трепетъ охватилъ женщину... Руки, ноги дрожатъ...

А шумъ все ближе и ближе слышится. И вдругъ вопль по дому разнесся, за нимъ другой, третій... Женскій плачъ...

---

1) Забеременѣла.

Стоны... Лязгъ оружія... Грубые крики и страшное, каждому уху русскому знакомое „гайда! гайда!..“

Сердце упало у Любаши...

Съ такимъ крикомъ нападаютъ лишь на крамольныхъ бояръ да враговъ царскихъ опричники... А князь Вяземскій вѣдь...

И вдругъ страшная догадка мелькнула въ мысляхъ Любаши.

— Неужто-жъ?! Не попусти, не дай, Боже! — шепчетъ помертвѣлыми устами несчастная.

И вдругъ ясно-ясно до нея голосъ мужа донесся... Говоритъ што-то зычно таково, крикомъ... Потомъ грозится... Ему другой голосъ отвѣчаетъ, знакомый уже Любашѣ, а чей— не помнитъ она словно.

— Измѣнникъ! Предатель!—слышится голосъ Истомы, — на своихъ руку поднялъ, Іуда...

И потомъ снова и крикъ, и шумъ, и возня въ нижней горницѣ палатъ княжьихъ.

Замерла Любаша... За косякъ схватилась... Бѣжать къ мужу хочетъ и не можетъ съ мѣста двинуться.

И опять голосъ Истомы доносится до нея...

— Не подступись... убью, собака!—кричитъ онъ кому то.

И разомъ оборвался крикъ... Снова возня лишь слышится упорная.

Потомъ упалъ кто-то... Глухая борьба завязалась... и вдругъ... стихло все разомъ.

— Вяжите его, измѣнника! И въ застѣнокъ туда-жъ... волоките... Къ князенькѣ по сусѣдству... Видать, слуга вѣрный, не можетъ безъ начальника своего обойтиться, — опять закричалъ тотъ-же, хорошо знакомый Любашѣ, голосъ...

И вдругъ полузадушеннымъ стономъ: „Люди Божіи, ратуйте!“—пронеслось по дому.

Узнала разомъ, кто простоналъ это, Любаша. Истома то, мужъ ея богоданный, взываетъ о помощи. Словно не въ себѣ ринулась она изъ горенки, но едва порогъ переступила... зашаталась... и подкошенной травинкой на полъ грохнулась...

А опричники, во главѣ съ Ѳеодоромъ Ловчиковымъ, порѣшивъ дворню княжую и оттащивъ связаннаго Истому въ уголъ, на грабежъ кинулись.

Не даромъ же славился своимъ богатствомъ князь. Много

у него сокровищъ было припрятано... И пошли шарить кромѣшники по всѣмъ угламъ хоромъ княжьихъ.

Но одинъ изъ нихъ, Ѳеодоръ Ловчиковъ, зналъ, гдѣ хоронились сокровища благодѣтеля; прямо въ повалушу ринулся злодѣй, што недалече отъ свѣтелки молодоженовъ Качаловыхъ находилась. Но едва поднялся онъ по лѣсенкѣ, во второй ярусъ палатъ Вяземскихъ, какъ о тѣло сомлѣвшей Любы запнулся... Наклонился надъ молодой женщиной Ловчиковъ..

„Порѣшить аль нѣтъ? Наказъ былъ всю челядь княжію прикончить и гнѣздо разграбить“...—подумалъ было злодѣй, да нежданная мысль его осѣнила... По нраву когда-то пришлась ему еще въ боярышняхъ Люба... да больно она его оскорбила тогда, оттолкнувши насмѣшкой, и всю любовь разомъ изъ сердца этимъ вырвала. Апосля хотѣлъ опозорить ее, мести ради... Да не вышло то... Князь помѣхой сталъ съ Истомкой, ненавистные... А таперича не гораздъ-то онъ зариться на жену чужую, да еще недужную къ тому-жъ... За то и пользу она ему сослужить можетъ... И за былое посмѣшище отплатитъ вдвое ему... Къ Марьѣ Григорьевнѣ Скуратовой сомлѣвшую молодуху онъ сволочетъ... Пусть съ ней та по своему усмотрѣнію расправится... И ей то радость будетъ немалая врага-разлучницу въ руки свои заполучить, да и его передъ батькой, Малютой, еще болѣ на службѣ вѣрной прославитъ. А только допрежъ того надо укладками княжьими заняться, почистить ихъ поладнѣй.

И рѣшивъ такимъ образомъ, злодѣй поднялся по лѣстницѣ, ударомъ ножа сбилъ замокъ съ двери повалуши и принялся хозяйничать тамъ надъ казной и сокровищами заключеннаго въ тюрьму князя.

ГЛАВА XVI.

Сказъ про кукушку лѣсную да про пташку краснопёрую.

Сама не своя, ровно птица въ клѣткѣ, мечется по горницѣ изъ угла въ уголъ Марья Григорьевна Бѣльская. Вотъ уже сутки прошли, какъ Ѳедоръ Ловчиковъ предоставилъ ей безчувственную Любашу... Пуще глаза бережетъ Марьюшка недужную... Злобой дикою у нея къ ней сердце кипитъ—къ разлучницѣ. Своей любимицѣ Матрешѣ приказала Марья Григорьевна заботиться о больной. При одной мысли о томъ, что попалась теперь въ ея руки разлучница, пріятная дрожь все тѣло Марьюшки охватываетъ... Какіе только планы не роятся въ головѣ дѣвушки... Какія казни лютыя мысленно не строитъ она Любашѣ. Не даромъ она, Марьюшка, дочь самого Малюты Скуратова. Только что-то не приходитъ въ себя долго боярыня молодая... Откроетъ очи на минуту, дивно такъ посмотритъ и опять вѣки смежитъ. Ужь чего ни дѣлала тайкомъ Марьюшка—и къ Бомелію, знахарю цареву [1]), за живой водой посылала и знахарку вѣдунью звала; великое жалованіе сулила зелейницѣ, лишь бы она Незнамову отъ хвори спасла... И теперь зелейница не отходитъ отъ одрины недужной. Появленія мѣсяца молодого ждетъ, чтобъ послѣднее страшное заклятіе сдѣлать...

— Должна же она опомниться, должна месть-грозу мою испытать!—ровно трясовицей обуянная, шепчетъ Марья.

А и месть-же придумала разлучницѣ она, Машка злосчастная.

---

[1]) Ходили слухи, что Елисей Бомелій дѣлалъ живую и мертвую воду.

И нѣтъ ей ни отъ кого запрету на то. Изъ ближнихъ людей Любаша князя Вяземскаго, а ихъ всѣхъ истребить безъ сожалѣнія указъ даденъ. Значитъ какъ-бы вычеркнута изъ списка живыхъ людей нонѣ Любовь Митріевна, и никто о ней отчета не спроситъ. Не тѣлесную пытку къ тому же готовитъ ей Марьюшка... нѣтъ, куда полютѣе всякихъ кошекъ да скребницъ, да гвоздей, въ тѣло вбиваемыхъ, знаетъ пытку Марьюшка Бѣльская. Сердце она перевернетъ у ненавистной разлучницы, душу вымотаетъ съ корнемъ. Знаетъ Марья, что вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, Басмановыми, Фуниковымъ казначеемъ да думнымъ дьякомъ Висковатымъ Ивашкой да многими другими причастниками къ крамолѣ Новгорода сидитъ Истома въ тюрьмѣ... Пытаютъ на допросахъ заключенныхъ, на медленномъ огнѣ жгутъ, тѣла сверлятъ, кожу сдираютъ да ремнями вырѣзаютъ на тѣлѣ... А потомъ отойти малость дадутъ, а тамъ снова муки, горше и лютѣй прежнихъ. Кто поменѣ на взглядъ Малюты виновенъ, тому и пытка послабже... А рѣшать то Малютѣ предоставлено... Полная воля ему на то дадена. И по-свойски расправляется со своими врагами Григорій Лукьянычъ... Оба Басманова, а особливо Вяземскій князь, на страшныхъ дыбахъ корчутся. По суставамъ пальцы рѣжетъ имъ Малюта, на жаровнѣ ноги обугливаетъ. Всѣ сокровища награбленныя отдали отецъ съ сыномъ... У Вяземскаго не спроса отобрали все, до тла князя обчистили. Но и все-жъ не молитъ о пощадѣ надменный, попрежнему гордый князь... Зубами скрежещетъ, стонетъ, но ни слова не дождаться отъ него палачу. Не Басмановъ онъ, не тряпка, не будетъ о пощадѣ слезно молить Аѳанасій князь... Однажды только и разверзлись уста княжіи и то въ царевомъ присутствіи лишь, когда Иванъ Васильевичъ, почета ради, навѣстилъ своей собственной особой пытаемаго... Но не мольбу о помилованіи произнесли тогда уста князя, пыткой обезображенныя. Нѣтъ. Новымъ доносомъ потрясъ онъ слухъ царя. Измѣнника новаго уличилъ онъ въ присутствіи государевомъ— Ѳедьку Ловчикова, злодѣя, назвалъ князь и, несмотря на Малютовы увѣренія, словамъ тѣмъ повѣрилъ царь и велѣлъ схватить предателя княжаго и предъ собою пытать. И многихъ привлекъ подъ опалу поклепами новыми, желая къ себѣ умилостивить палачей, Іуда-предатель. Но не миновалъ и онъ пытки лютой... Сама судьба отомстила злодѣю, и Малюта не

могъ спасти своего приспѣшника. Помимо главнаго палача своего, приказалъ инымъ катамъ распорядиться новымъ крамольникомъ разгнѣванный царь. Про все это знаетъ Марьюшка... Отецъ, приходя изъ застѣнка, не разъ со своими помощниками совѣтъ держалъ, какую муку новую лютую для князя Вяземскаго выдумать. Знала изъ словъ ихъ Марьюшка, что и Истому „тронули“ заодно съ другими, какъ ближняго сподручнаго княжьяго... Но не облилось кровью отъ жалости къ зазнобѣ своей сердце Марьи Григорьевны... Не вѣдомо чувство сіе боярышнѣ. Даже какъ бы радостью оно наполнилось при мысли одной, что не избѣжалъ муки лютой и Истома Никитичъ.

„Не мнѣ — такъ никому, а паче того не ей, разлучницѣ“,—мысленно злорадствовала дѣвушка.

А могла бы она спасти Истому... Два слова шепнуть лишь Борису Ѳеодоровичу, жениху ея обрученному, а тотъ у царя свой человѣкъ, на мѣсто Вяземскаго заключеннаго разомъ сталъ. Какъ равнаго ласкаетъ и любитъ его царь, каждую просьбу любимца уважитъ... Съ Аришей, сестренкой Борисовой, ровно съ дочкой-царевной обходчивъ... Знаетъ Марьюшка, что попроси она за Истому жениха, мягкосердечный, добрый Борисъ вымолитъ прощенье супругу Любашиному. Но далека отъ этого Марья Скуратова... Слишкомъ ожесточилось сердце ея къ разлучницѣ, чтобы местью его всласть не напоить. И крѣпко задумалась о томъ дѣвушка, такъ крѣпко, что не чуетъ, какъ блѣдный, чуть живой кто-то, трепещущій, порогъ горницы перешагнулъ, едва переступая, отъ двери до нея дотащился и упалъ къ ногамъ Марьюшки.

Взглянула и обмерла боярышня... У ногъ ея Любаша трепещетъ, слезами горючими разливается...

— Што ты, што ты. Окснись, недужная ты! Не гоже такъ то!—лепечетъ смущенная отъ неожиданности Марьюшка.

— Боярышня...—не внемля ей, шепчетъ, чуть слышно, Любаша,—самъ Господь тебя ко мнѣ послалъ... Кто ты, не вѣдаю... Помнится, лишь видала тебя въ царскомъ терему у княжны, какъ, парнишкой выряженная, къ ней приходила съ коробомъ. Все же сильна ты, коли въ теремъ вхожа, какъ свой человѣкъ. Молю тебя, пособи мнѣ... Намедни... мужа моего взяли... Ни за што въ тюрьму кинули... Неповиненъ онъ, какъ Богъ святъ, ни въ чемъ... Вѣрнымъ слугою царю

былъ... Вины за нимъ нѣтъ никакой... Бога живого зову въ свидѣтели на томъ.

Умолкла Любаша... Какъ смерть стоитъ блѣдная. Слезы алмазныя двумя ручьями вдоль ланитъ текутъ.

— Въ чемъ же помочь тебѣ, боярыня?—затаивъ дыханіе, спрашиваетъ Марья.

Не ждала она увидѣть ее такъ скоро. Видно, оправилась ненарокомъ недужная и приволоклась черезъ силу къ ней сюда. „Што-жъ, тѣмъ и ладнѣе. Самъ мотыль, видать, на огонь летитъ".

— Попроси у княжны за мужа моего, — межъ тѣмъ молитъ Любаша.—Аль просто меня къ ей проведи... Вѣдаетъ она меня сызмальства... Ты только молви: Любаша, молъ, Незнамова въ дѣвичествѣ челомъ ей бьетъ...

— Такъ-то такъ. Ладно ты придумала, боярыня,—съ разстановкой, слово за словомъ, роняетъ Марья, — да кой-што словно бы тому препятствуетъ...

— Што препятствуетъ? Не томи, молви, Христа ради, скорѣча.

— Перво на перво... княжна недужна, — съ дѣланнымъ спокойствіемъ отвѣчала Марьюшка,—никого то къ ей не пущаютъ... Едва, едва намедни съ одрины слѣзла, чтобъ съ женихомъ повстрѣчаться богоданнымъ... Да то бѣда не великая въ дѣлѣ твоемъ. Коль не княжна, другой кто пособить можетъ... Есть человѣчекъ у меня таковскій... Да не въ томъ дѣло то... Слухай, што я тебѣ скажу, боярыня молодая, мужа опальнаго супруга-печальница,—уже съ насмѣшливой улыбкой заговорила Марьюшка. — Хошь, я тебѣ сказку скажу—былинку недолгую. По той былинкѣ многое ты уразумѣешь и въ толкъ себѣ возьмешь. Да ты присядь малость. Не дологъ сказъ мой буде, а все-жъ недужная ты, притомишься, зря то стоя.

И подвинула столецъ небольшой молодой женщинѣ. Не понимая, что сталось съ боярышней, безсознательно опустилась на него Люба... Очей не спускаетъ изумленныхъ со Скуратовой.

А та повѣствуетъ, съ той-же усмѣшкой недоброй на гостью глядя:

— Жила-была кукушка въ лѣсу зеленомъ... Дивно и привольно ей тамъ-то жилось... И солнышко ей свѣтило ра-

дошное, а ночкой темной и мѣсяцъ блѣдный.,. Беззаботно жизнь кукушки проходила... все-то ее тѣшило—и ручей студеный, и алыя ягодицы земляники лѣсной, и травка шелковая... Ни думъ, ни заботъ у птахи Божіей не было... И вдругъ въ чащу лѣсную соловей залетѣлъ залетный... Голосистый пѣвунъ ночной, съ крылышками сѣрыми, съ грудкой бѣлой... Услыхала его голосъ сладкій кукушечка и полюбила соловку пѣвчаго. Такъ полюбила, что инда сердце свое исклевать-бы ему охотно дала. И соловушка кукушкой не погнушался... Пѣсни голосистыя отнынѣ ей одной пѣвалъ... Посулами сладкими вскружилъ птичью глупую голову. Ровно сердце кукушкино изъ груди вынулъ... И любились они такъ-то горячо и сладко до той поры, покамѣстъ въ ту-жъ чащу лѣсную пичужка красноперая не залетѣла залетная и соловушку перемѣнчиваго перышками яркими да клювкомъ сладкозвучнымъ не прельстила, а прельстила и отторгнула отъ кукушки горемычной... Разлюбилъ соловей свою любу былую и за пичужкой быстрокрылой въ чащу умчался... А кукушечка залилась слезами горючими и стала свой вѣкъ коротать, проклиная злую разлучницу...

— Вотъ и прикончила я сказку мою, былинку правдивую... Да не совсѣмъ, — страннымъ, глухимъ голосомъ прошептала Марьюшка и заискрившимися глазами такъ и впилась въ Любашу,—у сказки моей конца нѣтъ, боярыня, такъ ты ужь, сдѣлай милость, сама доскажи, што кукушка сдѣлаетъ, когда пичужку-разлучницу ненарокомъ въ лѣсу повстрѣчаетъ? Не вѣдаешь? А коль сама не вѣдаешь, такъ я тебѣ поясню, боярынька раскрасавица моя! Заклюетъ она птаху клювомъ своимъ. А кому не вѣдомо, што клювъ кукушки куда крѣпче пичужкинаго. Поняла, смекнула теперь?

Поняла Люба... Поняла несчастная, што изъ огня да въ полымя попала. Вѣдала она, что невольно полюбился Истома боярышнѣ Скуратовой, што одно время и сватовъ засылать къ ней подумывалъ даже. Да опять она, Люба, не впору ему на дорогѣ повстрѣчалась и прежняя любовь къ ней съ новой силой въ его сердцѣ воскресла молодеческомъ. Говорилъ ей о томъ не разъ Истома, да смысла особеннаго она тому не придала. Къ тому-жъ слыхала Любаша, што Скуратовская Марьюшка пригожествомъ не вышла. Такъ ей-ли было ревновать къ былой потѣхѣ мужниной временной! А теперь расплата при-

ходитъ... Догадалась она, Люба, про то по взорамъ огненнымъ очей грозныхъ дѣвичьихъ, не кто иной какъ сама Марьюшка передъ ней обиженная... На колѣни передъ Бѣльской кинулась Любаша... Подолъ лѣтника ея цѣлуетъ...

— Смилуйся,—молитъ,—слугами твоими по гробъ жизни будемъ съ Истомой... Спаси его, спаси, милостивая... добрая.

— Спасти?— криво одними устами усмѣхнулась Марьюшка.— И впрямь спасти надоть, изъ застѣнка вырвать, гдѣ его тѣло бѣлое щипами рвутъ да подугливаютъ... Слышь, боярыня, заживо поджариваютъ, ровно баранину...—свистящимъ шопотомъ, едва внятно лепечетъ обезумѣвшая въ своей сатанинской радости Марьюшка, — и мнѣ спасти его велишь... Изъ застѣнка вырвать, къ тебѣ привести, женушкѣ пригожей да ласковой... На-те, молъ, милуйтесь, цѣлуйтесь, желанные... И самой въ сторонку отойти да любоваться, какъ мужъ молодой тебя обнимать станетъ да къ устамъ сахарнымъ приникать устами. Не будетъ того, слышишь, не будетъ... во вѣки. Пущай терзается, пущай изнываетъ подъ пыткой лютой, пусть кровью изойдется, а не видать мнѣ любовь да радость вашу. Слышь меня, разлучница моя, пичужка красноперая?

Но не слышитъ Любаша дикихъ рѣчей Марьи Григорьевны. Смотритъ она широко раскрытыми очами на дѣвушку и словно не видитъ ничего... Постояла съ минуту такъ и четко да ясно произнесла, глядя въ очи мучительницѣ:

— Убила ты насъ, убила, постылая, и не будетъ счастья тебѣ, — и неслышно скользнувъ, на полъ упала у ногъ оторопѣвшей Марьюшки.

Опомнилась Марья, вскочила.

— Померла никакъ? Господи!

Не имѣла она того въ мысляхъ своихъ. Видитъ Богъ, не имѣла. Отомстить лишь, не убить, хотѣла разлучницѣ... Человѣческая кровь съ рукъ не смывается... А ей, глядишь, еще жизнь скоротать надо... Замужъ идти, дѣтокъ выводить може... Не хочетъ она убійцей быть... проклятой... „Господи, сохрани и помилуй“, шепчетъ, а сама руку на сердце своей жертвы кладетъ, ощупываетъ его... Чуть слышно бьется оно у Любаши.

„Слава те, Господи, жива никакъ, сомлѣла, а только едва-едва дышитъ... Въ чемъ лишь жизнь теплится... Отойдетъ, того и гляди“.

— Матрена,—не своимъ голосомъ крикнула боярышня,—зелейницу сюда... знахарку, никакъ отходитъ боярыня,—а сама межъ тѣмъ душегрѣю хватаетъ и платокъ ковровый. — Скорѣй, — лепечетъ сама себѣ, — скорѣй, успѣю, авось, туда... къ нему, къ Борису... пока не поздно... за Истому просить... Богъ съ ними... Замучитъ совѣсть, коли не исполнитъ она, Марья, того, что ей сердце подсказываетъ.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

ГЛАВА XVII.

Казнь.

25-го іюля 1570 года странное молчаніе царило въ шумной донынѣ столицѣ Московской. Не снуетъ по улицамъ народъ досужій, купцы на торжищѣ не торгуютъ, хотя время не раннее, обѣдня отошла въ церквахъ московскихъ... А лавки да лари на площади замкнутые стоятъ, и веселые торжники не зазываютъ наперекличъ обычныхъ покупателей. Затихла, словно вымерла Москва, словно послѣ нашествія рати какой иноплеменной стоитъ безгласно. Только на Красной площади снуютъ люди, заканчивая недолгую работу.

За эту ночь выстроили на мѣстѣ лобномъ высокія черныя висѣлицы, счетомъ до восемнадцати... Тутъ-же сложены на скорую руку и громадныя печи, до-красна раскаленныя, съ большими сковородами въ ростъ человѣчій... И срубы черные съ топорами заготовлены. А межъ нихъ каты ходятъ въ рубахахъ алыхъ на выпускъ, съ завороченными рукавами, и весело межъ собой перекликаются, ровно не человѣчьихъ жертвъ поджидаютъ, а животную тварь неразумную... Тутъ же на скамьяхъ и орудія пытки разложены... клещи, кошки, пилы, гвозди, веревки для перетиранья тѣлъ человѣческихъ... Котлы исполинскіе съ клокочущей въ нихъ и пѣнящейся водой вскипяченной... И рядомъ съ ними и жбаны со студеной водицей и кнутья длинные и короткіе безъ счета и числа.

Съ послѣднимъ колокольнымъ звономъ на Успенской соборной звонницѣ, показалось странное безконечное шествіе въ концѣ площади.

Окруженный тысячною толпою опричниковъ, ѣдетъ царь на быстромъ своемъ аргамакѣ... Хмуро и грозно чело царя...

Уста сомкнуты и трепещутъ обычной въ минуты волненія судорогой... очи мрачнымъ огнемъ горятъ... Грознымъ судіей готовится стать царь московскій. На глазахъ своихъ будетъ казнить крамольниковъ измѣны новгородской. Не простые то людишки, а заслуженные слуги царевы... Имъ и смерть на очахъ царскихъ болѣ приличествуетъ... Тутъ и Фуниковъ и Висковатый, недавніе любимцы государя, знатные и мелкіе людишки и нѣсколько человѣкъ изъ его славной опричины. Троихъ главныхъ зачинщиковъ лишь не досчитаться царю... Поусердствовалъ не въ мѣру, знать, Малютушка, похозяничалъ въ застѣнкѣ надъ лютыми врагами своими: оба Басмановa, старикъ-отецъ да сынъ, Ѳедя-красавчикъ, и гордый, родовитый Аѳанасій Вяземскій князь не вынесли мукъ лютыхъ и скончались замученные въ застѣнкѣ. За то межъ осужденными видны ближніе приспѣшники князя: Истома Качаловъ и Ѳедька Ловчиковъ—оба на-лицо...

Зло насмѣялась судьба надъ Истомой: къ своему злѣйшему врагу Ѳедькѣ Ловчикову былъ прикованъ молодой опричникъ цѣпью одной.

Еле живой передвигалъ ноги Истома среди другихъ 300 несчастныхъ, осужденныхъ на смерть.

И пытка перенесенная даетъ себя чувствовать... Четырехъ перстовъ не досчитывается на рукахъ своихъ осужденный и ремень на спинѣ его выхваченъ изъ мяса и кожи... Да что пытка! Муки тѣлесныя... Любашина участь его пуще кручинитъ. Знаетъ онъ, успѣлъ ему шепнуть, въ застѣнокъ съ царемъ намедни зашедшій, Годуновъ Борисъ, што въ надежныхъ рукахъ Любаша, въ терему у княжны недужной живетъ... Да што въ томъ?.. Не сегодня, завтра помретъ княжна и останется безъ всякой заступы круглой сиротой его женка несчастная, горькой вдовицей, одна одинешенька на бѣломъ свѣтѣ. Да хорошо какъ одна, а коли... — И помысливъ о томъ, всѣми членами вздрагиваетъ Истома. И не страшна ему при мысли той ни пытка адская, ни казнь лютая. Хуже пытокъ да смерти дума его жуткая, невыносимая.

А межъ тѣмъ отрядъ къ лобному мѣсту подошелъ, самимъ царемъ предшествуемый... Оглянулся государь вокругъ себя... Што за притча такая, пуста площадь Красная, хоть шаромъ покати. Нѣтъ народа... Не передъ кѣмъ острастку задавать казнью измѣнниковъ.

— Ишь, попрятались трусы голотяпые, — усмѣхнулся Иванъ, — ровно зайцы по норамъ своимъ схоронились. Гей, бирючи,—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ,—скликать народъ на площадь, а кто волей не пойдетъ, кнутьями пригонять!

Разсыпались гонцы по всѣмъ улицамъ и переходамъ московскимъ.

Мало-по-малу стала пополняться народомъ площадь... Блѣдные, дрожащіе отъ страха московичи повыползали изъ своихъ домовъ и устремились на площадь, понукаемые криками, а нѣтъ и ударами плетей отъ руки гонцовъ царскихъ.

И держалъ рѣчь народу государь:

— Людъ православный, узришь муки и смерть вороговъ лютыхъ святой Руси. Праведенъ-ли судъ мой, отвѣтствуй, народъ московскій!

Недолгое молчаніе воцарилось на площади... Потомъ разомъ всколыхнулась и забурлила народная волна.

— Буде здравъ и благополученъ на долгія лѣта, государь великій Иванъ Васильевичъ!

И началась казнь, лютая, страшная, какой еще не видывала до сихъ поръ русская столица. Не видывалъ и Истома.

Первымъ былъ взведенъ на помостъ дьякъ Иванъ Висковатый [1]). Сѣдой, высокій старикъ, напоминающій своимъ видомъ древняго патріарха библейскаго, безъ страха и дрожи вошелъ на лобное мѣсто былой любимецъ царскій... Самъ государь не единажды лобзалъ эту пригожую голову и высокое чело за мудрые совѣты въ дѣлахъ правленія. А нонѣ... Палачъ въ красной рубахѣ подошелъ къ былому думцу.

— Побратуемся, милъ-человѣкъ, — спокойно произнесъ Висковатый и, снявъ тѣльникъ съ груди, передалъ его палачу, а взамѣнъ его принялъ мѣдный простой крестикъ послѣдняго...

Издревле ведется обычай братованія съ катомъ на Руси, въ знакъ того, что не по волѣ своей мучитъ осужденнаго палачъ и нѣтъ въ немъ злобы къ истязаемому, ровно къ брату родному.

Потомъ два сподручныхъ ката приблизились къ дьяку. Сорвали кафтанъ и одежу и, подведя боярина къ висѣлицѣ, вздернули его на ней внизъ головой. Тутъ спѣшился съ коня

---

1) Висковатый засѣдалъ въ царской думѣ.

Малюта, взошелъ на помостъ и, приблизясь къ повѣшенному, ударомъ меча отсѣкъ ему ухо...

Первая струйка крови алой змѣеею скользила съ помоста. Царь махнулъ платкомъ и разсѣченное на двое тѣло Висковатаго закачалось подъ перекладиной висѣлицы. За нимъ на помостъ ввели Фуникова, казначея царскаго... Раздѣли догола палачи боярина и, взявъ изъ жбана кипятку крутого, обливали имъ несчастнаго, а слѣдомъ затѣмъ водой студеной и опять кипяткомъ вслѣдъ за ней... и такъ безъ мѣры до той поры, пока свареное ярко багровое тѣло страдальца не упало бездыханнымъ на доски помоста.

Видитъ и не видитъ лютыхъ мукъ Истома. Словно во снѣ все это—и кровь, и внутренности выпавшія, и отрубленныя руки и ноги, и головы страшныя, съ искалѣченными до неузнаваемости лицами... И ни страха, ни ужаса не чувствуетъ въ сердцѣ своемъ опричникъ.

Привыкъ словно къ мысли несчастный, что неизбѣжно то и не миновать никому участи роковой. А рядомъ съ нимъ дрожитъ и трясется Ловчиковъ Ѳедька. Этотъ неспокоенъ дюже... Мало того, что муки видѣнныя его до безумства отчаянія доводятъ, совѣсть проснувшаяся къ тому-же въ сердцѣ невидимымъ червемъ точитъ. Внутренній голосъ нашептываетъ безъ устали: „Предатель Іуда, гляди и казнись, и тебѣ то же будетъ по дѣламъ твоимъ“.

Хотя и неправильно Вяземскій отплатилъ за муку свою питомцу-предателю, а все-жъ вина на немъ великая лежитъ за клевету неправую, за покленъ мстительный. И съ ужасомъ и скрежетомъ зубовнымъ ждетъ Ѳедоръ своей участи.

Не долго ждать пришлось... Подошли къ нему стражники изъ своихъ-же братьевъ опричниковъ, отковали его отъ общей цѣпи, на помостъ взвели... рыдаетъ, извивается злодѣй въ рукахъ ихъ... Плачетъ, молитъ о помилованіи, къ царю длани простираетъ... Потомъ, желая хоть на минуту отсрочить роковую развязку, съ палачомъ братуется. На всѣ четыре стороны народу кланяется и все глядитъ... не измѣнитъ-ли царь своего приговора, не успѣлъ-ли исходатайствовать Малюта помилованія приспѣшнику своему. Но нѣтъ, тихо все... и отчаяніе захватило Ловчикова... Рѣчи богохульныя съ устъ сорвались, кому-то грозитъ онъ въ небо... Проклинаетъ кого-то... Вовсе обезумѣвъ, дьявола на помощь къ себѣ зоветъ...

Но не помогло и то, взмахнулъ топоромъ палачъ. И сначала одна рука отдѣлилась отъ тѣла несчастнаго, еще взмахнулъ—за ней другая... Дикій вой нечеловѣческій площадь потрясъ... Еще ударъ—и двѣ ноги отпали отъ обезображеннаго туловища... А за ними голова отскочила и покатилась по помосту къ великому ужасу толпы.

Ахнулъ народъ, ахнулъ и Истома съ толпою, но помыслить не успѣлъ объ участи предателя, какъ передъ нимъ самимъ стоятъ уже знакомые стражники, кои за нѣсколько времени тому назадъ Ѳедора увели.

— Не обезсудь, родимый, не свою волю творимъ,—шепнулъ одинъ изъ опричниковъ, съ которымъ не разъ Истома за чаркой зелена вина сиживалъ. А самъ блѣдное, ровно у мертвеца, лицо отъ него ворочаетъ, очами его обѣгаетъ жалостными.

— Вѣстимо,—спокойнымъ голосомъ отвѣчаетъ Истома, и твердымъ шагомъ межъ двухъ стражниковъ на помостъ вступаетъ.

Высоко онъ теперь надъ всею толпою стоитъ. Вся Москва ему хорошо видна, со стѣнами, домами своими, съ куполами безчисленными златоглавыхъ церквей... И солнышко лѣтнее радостно надъ нимъ смѣется... Дѣла ему нѣтъ, солнышку, ни до печали, ни до муки людской... Безмятежно оно на небѣ синемъ, далекое да чуждое людямъ въ величіи своемъ... А прямо передъ Истомой, почитай у самаго помоста, на сѣромъ, статномъ аргамакѣ царь сидитъ. Знакомыя очи, бывало милостивыя, а нынѣ грозныя, не отрываясь, глядятъ на него—Истому. И онъ въ нихъ глядитъ спокойно, безстрашно. Чистъ и ясенъ взоръ его, потому что тамъ за нимъ, въ нѣдрахъ души Истомы, никакой вины не таится.

Съ минуту такъ-то глядѣли другъ на друга Иванъ и Истома... Потомъ къ царю нежданно, на своемъ конѣ свѣсясь, Годуновъ склонился... Шепчетъ что-то Ивану, а самъ на помостъ косится... Махнулъ бѣлымъ платомъ царь. Къ Истомѣ два палача ринулись.

— По великой милости государевой, — слышитъ, какъ сквозь сонъ, гнусавый голосъ дьяка Истома, каждому въ отдѣльности приговоръ читавшій,—приказано Истомѣ Никитову, сыну Качалову, безъ убожества и калѣчія голову рубить...

Вздохнулъ облегченно Истома.

„Слава те Господи! Новыхъ пытокъ не будетъ, а смерть что? Смерть — мигъ единый“, — мыслится ему. И впрямь милостивъ къ нему царь-надежа. И истово крестится на куполъ собора Успенія Истома и шепчетъ чуть слышно:

— Господи, помилуй Любашу, голубку болѣзную...

Потомъ голову на срубъ сложилъ.

Медлитъ палачъ... Лежитъ головой на срубѣ Истома, а передъ нимъ образъ жены любимой словно живой стоитъ.

И не страшно, не жутко на душѣ Истомы. Ровно солнышко его согрѣло и всякую мысль изъ головы выжгло... Вотъ подошелъ палачъ... Топоръ поднялъ и не спѣша сталъ спускать на шею лежащаго... Мигъ... еще... и...

— Остановись,—послышался чей-то радостно-взволнованный голосъ. — По великой милости своей, жалуетъ государь своимъ прощеніемъ Истому Никитова, сына Качалова!

Словно малиновый перезвонъ пасхальный наполнилъ душу осужденнаго... И яркое солнышко, и золотые купола сорока-сороковъ московскихъ заходили передъ очами Истомы, и измученный пыткой, а пуще того муками душевными, зашатался несчастный и если-бъ не подоспѣвшіе стражники, обезсиленный, грохнулся-бы съ помоста высокаго.

И въ тотъ же мигъ тихій шопотъ, словно шелестъ листьевъ осеннихъ, пронесся надъ толпой:

— Гонецъ, гонецъ изъ слободы...

На взмыленной лошади, запыленный, измученный быстрой ѣздой, подскакалъ гонецъ къ самому помосту... Спѣшился и, почтительно склонясь къ стремени государеву, произнесъ:

— Надежа-царь... Нынѣ на зарѣ княжна Евфимія Владиміровна въ мирѣ преставилась...

Вздрогнулъ Иванъ... перекрестился... потомъ махнулъ платкомъ и сказалъ слово на ухо Малютѣ.

По этому слову остальные 180 осужденныхъ на смерть были помилованы по милости великой царя московскаго.

И въ тотъ-же часъ Иванъ ускакалъ въ слободу.

ЭПИЛОГЪ.

Около 30 лѣтъ минуло.

Въ просторной келійкѣ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ недавно постриглась лишь подъ именемъ инокини Александры недавняя неутѣшимая вдовица государыня Ирина Ѳедоровна, супруга новопреставленнаго царя, сидятъ двѣ женщины... Одна еще молодая, съ кроткимъ лицомъ скорбнымъ и очами заплаканными. Другая пожилая, почти старуха, но быстроглазая, подвижная, хоть и дородная, въ богатой собольей тѣлогрѣйкѣ и убрусѣ, сплошь каменьями самоцвѣтными зашитыхъ. Одна изъ женщинъ, та, что одѣта въ одѣяніи иноземки,—сама неутѣшная вдовица, хозяйка кельи, царица Ирина. Въ другой трудно признать былую черноокую Марьюшку Скуратову-Бѣльскую; тридцать лѣтъ минувшихъ неизгладимую печать на нее наложили... Мы оставили ее въ ту минуту, какъ она, побуждаемая голосомъ совѣсти, къ жениху бѣжала просить о помилованіи Истомы Качалова.

Послѣ того много воды утекло... Истома, по ея милости отъ плахи спасенный, съ Любашей на Старицу дальнюю уѣхали и съ той поры и слыхомъ не слыхала о нихъ Марья Григорьевна... Мало-по-малу утихла любовная тоска въ сердцѣ Марьюшки, сама она замужъ вышла... Долгое время мужа сторонилась, старую зазнобу въ сердцѣ нося, а потомъ дѣтки пошли. Да и самъ Борисъ, мужъ богоданный, тихій да ласковый, сумѣлъ пріучить къ себѣ непокорное сердце дѣвичье... Попривыкла къ нему Маша, а тамъ, что далѣ, то болѣ, а по второму ребенку, Ксюшѣ-красоточкѣ, глянь и жизнь не въ жизнь ей стала безъ Бориса родимаго. Къ тому-же и отъ царя ему почетъ и ласка. Самымъ ближнимъ человѣкомъ сталъ

къ царю Борисъ, а какъ Ѳеодора царевича, сына второго замѣсто умершаго Іоанна, женилъ на Аришѣ Годуновой царь, такъ до Бориса Ѳеодоровича и рукой не достать стало. А тутъ еще, какъ въ битвѣ съ ливонцами при Вольмарской твердынѣ убили жестокаго отца Марьюшки, Малюту Скуратова-Бѣльскаго, и вовсе за перваго друга-совѣтчика сталъ почитать своего новаго любимца Бориса Иванъ.

Умирая, Иванъ заботамъ Бориса молодого царя Ѳеодора поручилъ. Почитай, что и не правилъ государствомъ царь молодой. Все болѣ дѣлами богомольными да тѣшбой разной занимался. Все государство на рукахъ Бориса осталось и многимъ была обязана Русь первому совѣтчику царскому.

А нонѣ, какъ умеръ царь, всколыхнулась чернь московская.

Не осталось царскаго корня на Руси, кому-жъ державу пріять?

Для того-то и собрался народъ вокругъ монастыря Новодѣвичьяго, гдѣ у сестры инокини находился братъ, чтобы первому на Руси боярину на царство челомъ бить...

Сердце безъ удержу стучитъ въ груди боярыни Годуновой... То, о чемъ она и помыслить не смѣла и что всѣми силами душевными смолоду чаяла, то должно свершиться сейчасъ. Шумятъ, гудятъ витіи народные... Темныя массы головъ движутся. Словъ не слыхать за общимъ гуломъ, но имя Бориса часто слышится криками, возгласами отдѣльными. Стонъ стономъ стоитъ...

Прильнула къ окну боярыня... Глядитъ.

Видитъ—заколыхалась толпа народная и вся масса, давя и толкая другъ друга, на колѣни шарахнулась и сплошнымъ крикомъ однимъ растетъ надъ толпою одинъ возгласъ стотысячной толпы:

— Буди царемъ Руси великой! Не отклоняй моленія наши!

Настала роковая минута... Молчаніе воцарилось на мигъ, потомъ твердый, спокойный голосъ что-то вѣщаетъ народу. Изъ тысячи узнаетъ боярыня голосъ сей. То Борисъ Ѳеодоровичъ говоритъ съ толпой... и снова тишина могильная обуяла площадь. Не надолго лишь. Страшный стихійный ревъ пронесся окрестъ монастыря Новодѣвичьяго:

— Здравъ буди, государь вся Россіи Борисъ Ѳеодоровичъ!

А въ кельѣ иноческой тихо, тихо стало. Смотритъ въ окно

Марья Григорьевна на народную толпу, но не видитъ ея. Передъ очами ея духовными другая картина стоитъ. Убогая горенка слободской вѣдуньи... Пылающая печурка наговоренная... Старое морщинистое лицо кудесницы и она сама, Марья, не теперешняя дородная, рыхлая боярыня, а тонкая, стройная дѣвушка, съ очами горящими и съ длинной косой смоляной... Слышатся ей полузабытыя рѣчи давнія... И искаженное страхомъ лицо ворожеи-зелейницы будто снова, какъ встарь, склоняется надъ нею и шепчетъ въ страхѣ и трепетѣ: „Здрава будь, царица московская“...

Не обманула зелейница!.. Сбылось черезъ три десятка лѣтъ ея предсказаніе.

И попрежнему шумятъ и гудятъ толпы народныя, и сладкой божественной музыкой отдается шумъ этотъ въ трепещущемъ сердцѣ новой царицы московской.

КОНЕЦЪ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА, изданныя Т-вомъ М. О. Вольфъ:

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.
Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 3-е Ц 3 р.

КНЯЖНА ДЖАВАХА.
Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 3-е. Ц. 3 р.

ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.
Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд 2-е. Ц. 3 р.

ВТОРАЯ НИНА.
Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Ц. 3 р.

ЗА ЧТО?
Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4 частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.
Повѣсть для юнош., съ иллюстр. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА.
Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро.

ГАЗАВАТЪ.
Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 2-е. Ц. 3 р. 50 к.

ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ.
Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Ц. 3 р. 50 к.

СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.
Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Ц. 3 р. 50 к.

ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.
Историч. повѣсть съ ориг. картинами худ. С. Чанова. Ц. 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ.
Историческій разсказъ, съ илл. А. Бальдингера.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ.
Историческій романъ. Ц. 1 р.

ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.
Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера.

ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Ц. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ СИРОТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Ц. 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова.

ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Ц. 2 р. 50 к.

СИБИРОЧКА.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. Гурьева.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера.

СЧАСТЛИВЧИКЪ.
Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ.
Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Ц. 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ.
Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к.

СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.
Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Ц. 1 р. 75 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА.
Разсказъ для малютокъ, съ хром. карт. А. Гейера. Ц. 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА.
Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Ц. 45 к.

ВОВИКЪ.
Пулу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ.
Разсказы для маленьк. дѣтей, съ хром. карт. Изд. 2-е. Ц. 90 к.

1910 г.

Въ Книжныхъ Магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ

ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 (по Невскому проспекту). | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12, и Моховая ул., 22.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ

Придворное кружево Историческій романъ Е. П. Карновича. Ц. 1 р. 25 к.

Подпочвенныя воды Романъ Рашильдъ. Переводъ съ французскаго Н. Надеждина. Ц. 50 коп.

Дядюшка Бернакъ (Воспоминаніе изъ временъ Имперіи). Историческій ром. А. Конанъ-Дойль. Переводъ М. Н. Николаевой. Ц. 50 к.

Исторія одного брака Романъ Густава Гейерстама. Переводъ со шведскаго Е. Г. Арронетъ. Ц. 50 коп.

Письма, которыя до него не дошли Переводъ съ 54-го нѣмецкаго изданія Е. Г. Арронетъ. Ц. 50 к.

Марія (Исторія одной любви). Петра Нансена. Переводъ Е. Г. Тихомандрицкой. Ц. 50 коп.

Княгиня Зурова Романъ Уйда. Переводъ съ англійскаго Н. Надеждина. Ц. 50 к.

Сверхчеловѣкъ Романъ барона І. Вейсенгофа. Переводъ съ польскаго Е. Г. Арронетъ. Ц. 50 коп.

Ландыши Романъ Маріи Яничекъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Надеждина. Ц. 50 к.

Пагуба Историческій романъ Е. П. Карновича. Ц. 1 р. 25 коп.

Исторія одной любви (Викторія). Кнута Гамсуна. Переводъ съ датскаго М. П. Благовѣщенской. Цѣна 1 руб.

Зиновія Солбаккенъ Бьернстернъ-Бьернсона. Переводъ съ норвежскаго. Е. Тихомандрицкой. Ц. 50 коп.

Корабли, проходящіе ночью Беатрисы Гарраденъ. Переводъ А. Н. Линдегренъ. Ц. 50 коп.

Принцесса сниталица Романъ Леона Генсо. Переводъ съ французскаго Н. Н. Лорисъ-Меликовой. Ц. 50 коп.

Записки четырехъ романистовъ Джеромъ К. Джерома. Переводъ съ англ. Е. Г. Арронетъ. Ц. 50 к.

Всемірная война Романъ Августа Нимана. Переводъ съ нѣмецкаго И. И. Струнскаго. Ц. 1 р. 25 к.

Евфимія Старицная Историческій романъ въ двухъ частяхъ Л. А. Чарской. Ц. 1 р.

Фортуна Романъ А. Килланда. Переводъ съ норвежскаго Н. Надеждина. Ц. 50 к.

Мужъ Романъ Г. Верга. Переводъ съ итальянскаго Н. Надеждина. Ц. 50 к.

Флореаль Историческій романъ А. Сильвестра. Переводъ съ французскаго Н. Н. Лорисъ-Меликовой. Ц. 75 к.

Третій полъ Романъ Э. фонъ-Вольцогенъ. Переводъ А. Н. Линдегренъ. Ц. 50 к.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., 5—7.

ГПБ Русский фонд
32.77.5.102